

КОНАН И СЛЕД ИСПОЛНИЛ

Annotation

Первая повесть цикла «Наёмники Короны», повествующая о приключениях Конана и его спутников...

- [Норман Хьюз, Натали О'Найт](#)

- [Глава I](#)
  - [Глава II](#)
  - [Глава III](#)
  - [Глава IV](#)
  - [Глава V](#)
  - [Глава VI](#)
  - [Глава VII](#)
  - [Глава VIII](#)
  - [Глава IX](#)
-

Норман Хьюз, Натали О'Найт

Сердце врага

Глава I

Никаких сомнений, барон Скавро Немедийский был мертв. То есть, насколько мертв может быть человек, у которого из левой глазницы торчит стилет... И, как это ни досадно, он пал не от ее руки. Палома в задумчивости тронула указательным пальцем золотую шишечку, венчавшую рукоять: клинок сидел крепко, и извлечь из раны она его не стала. Ни к чему. Она и без того знала, с чем имеет дело.

В Аквилонии подобные кинжалы назывались терциями и украшали коллекцию любого уважающего себя наемного убийцы. Лезвие, гибкое, как ивовый прут, и такое же тонкое, с легкостью пронзalo плоть, входило в горло, в ухо или в глаз жертвы. Между ребер тоже проникало запросто — если только не угодишь в кость, но таких ошибок профессионалы не допускают. К тому же, у терции отсутствовала крестовина, а короткая рукоять была почти такой же узкой и гибкой, как сам клинок, — идеальное оружие, чтобы прятать его в отвороте рукава, в дамской прическе, за голенищем, да, собственно, и еще в десятке мест.

Палому не интересовало, где хранил свое «жало» неведомый убийца; достаточно и того, что она видела, где терция нашла свой последний приют. И это не доставляло радости наемнице. — Ты не дождался меня, Скавро... Быстрым, цепким взором девушка окинула комнату. Голые стены, которые белили в последний раз лет десять назад. Словно в насмешку, в одном из углов пропали остатки какой-то росписи — видно, ее пытались замазать, но рисунок оказался прочнее побелки. Хотя, возможно, это просто разводы сырости... В мутном освещении чадящей масляной лампы многое не разглядишь.

У левой стены — кровать, завешенная синим балдахином. Ткань вытерлась на сгибах, и от нее пахло пылью.

Еще в комнате имелся приземистый стол — он же сундук для пожитков — пустой (Палома, разумеется, первым делом откинула крышку), и обшарпанное кресло, в котором, собственно, и расположился покойник. Ничего более.

Странно, совсем иного она ожидала от барона. Правда, лично они никогда не встречались, но по рассказам, ей казалось, она сумела составить о характере этого человека достаточно ясное представление. И чтобы такой любитель роскошной жизни, утонченный вельможа, украшение немедийского двора, остановился здесь, в этой дыре...

Однако же адрес был верным — ей подсказал его надежный человек в Бельверусе, и все оказалось в точности как он описал: постоянный двор на улице Горшечников, южнее Старого Рынка, отдельный вход с заднего двора. Укромное место, даже слишком...

От кого здесь скрывался Скавро? И зачем, вообще, он приехал в Коршен?

В Бельверусе, при дворе, все были уверены, что барон оправляется после болезни в своем загородном имении. А он тем временем сидел в Коринфии, в этом жутком клоповнике... Чего ради? Что за дела проворачивал он здесь? Палома не знала. Вообще, пока в этом деле вопросов было куда больше, чем ответов, но в одном она была уверена непоколебимо: дела эти грязные. Очень и очень грязные.

Она еще раз взглянула на труп. В неверном свете лампы лицоказалось грубо слепленным комком глины, из которого рукоять терции торчала диковинным ростком с золотым бутоном...

Развернувшись, девушка двинулась к выходу. Она не собиралась обыскивать остальные комнаты — если они тут, вообще, были. Не намеревалась искать следы убийцы. Зачем?

Скавро мертв — пусть и не от ее руки, но теперь это уже не имело значения. Не станет же она убивать барона во второй раз!

Так что — да упокоят боги черную душу немедийца и да будут милостивы к нему. Палому он больше не интересовал. Завтра на рассвете она уедет из Коринфии.

...Короткий темный коридор вывел ее из комнаты на лестницу. Тьма кромешная! Даже кошачье зрение не спасло — нога не удержалась на узкой осклизлой ступеньке, и Палома с размаху налетела на сломанные перила. Вцепилась обеими руками в угрожающе хрустящую деревяшку, перевела дух, затем осторожно двинулась дальше.

Еще три шага — и свобода. Ей не терпелось полной грудью вдохнуть свежий воздух после этой затхлой вони. Дверь снатугой отворилась, выпуская гостью, словно новорожденного из черной утробы.

Но отнюдь не ласковые материнские объятия ожидали ее снаружи. Цепкие пальцы ухватили за локоть девушку, слепой совой щутившуюся на заходившее солнце: даже его багровый свет был слишком ярким после темени баронского обиталища...

— Маган! Держи ее крепче, не упусти! Палома дернулась, извернулась, каблук сапога устремился в сторону темной фигуры.

— Ах ты!.. — Человек подавился ругательством, хватка на миг ослабла. Но девушка не успела воспользоваться замешательством противника: грубые руки выломали ей запястье, заставив бросить на землю кинжал, и тут же что-то обожгло шею.

— Дернешься — прирежу, — пробасил голос. И добавил задумчиво: — Зараза...

Теперь Палома ясно видела обоих — проморгалась наконец после темноты, жаль только, слишком поздно. Здоровые, похожие, как два брата-близнеца, в начищенных медных нагрудниках и круглых шлемах, какие носила коринфийская городская стража. Один, со встопорщенными боевито усами, прижимал к горлу девушки короткий меч-гладиус... его-то ожог она и ощутила только что.

Второй, чьего лица ей пока было не разглядеть, деловито копошился за спиной, и чем он был занят, Палома поняла мгновенно, когда стражник вывернул ей назад руки и сноровисто спутал колючей веревкой.

Она не сопротивлялась.

Отчасти, ошеломленная неожиданным нападением, отчасти — потому что в считанные мгновения, прошедшие с начала стычки> успела проанализировать происходящее, сделать выводы и принять решения. Это только мужчины будут биться до последнего, идти напролом против любой силы, даже десятикратно превосходящей их собственную. И, возможно даже, сумеют одержать победу. Но женщине, если она желает выжить в этом суровом мире, следует избрать иную тактику. Голой силой тут не возьмешь: женщина все равно изначально слабее. Разум, точный расчет и хитрость — это оружие зачастую превосходит клинок.

Сейчас Палома знала, что сопротивляться бессмысленно. Даже если каким-то чудом ей удастся одолеть этих двоих — тут же вся городская стража пустится на розыски беглянки. Перекроют ворота, начнут прочесывать улицу за улицей... Одна, ночью, в совершенно незнакомом городе — много ли у нее шансов?

Правда — если ее обвинят в убийстве немедийца, шансов будет еще меньше...

Стражники поволокли девушку вниз по улице, причем тот, что слева, ощутимо прихрамывал и всякий раз ругался сквозь зубы, ступая на поврежденную ногу: похоже, по голени она ему заехала основательно. Палома довольно усмехнулась — пусть и слабое, но утешение.

— Что, Марган, достала тебя бесовка? — Усач тоже заметил мучения товарища. — А ты все: «Шлюха, шлюха...» Много видел шлюх в мужской одежке и с мечом на поясе?! Я так сразу понял — нечисто дело.

Так, значит, они следили за ней! С того самого момента, как она зашла к Скавро? Или еще раньше?

— Вы же знали, что немедиец мертв. Зачем тогда схватили меня?

— Закрой рот! — Колченогий грубо ткнул ее под ребра, так что Палома болезненно охнула, но его напарник отозвался более дружелюбно:

— Так твои же дружки его и прикончили. Разве не так?

— Не так. — Наемница чувствовала, что начинает злиться. Загадки в этой истории громоздились одна на другую, и, казалось, готовы погрести ее, как снежная лавина. — Я только утром прибыла в Коршен, у Южных ворот вам это подтвердят. У меня нет никаких дружков в городе. И я хотела просто увидеться с бароном — привезла ему послание из Немедии. А обнаружила труп.

— Это ты судье расскажешь, — хмыкнул усатый. — Наше дело маленькое. Велели сторожить в засаде и хватать первого, кто появится — мы и сторожили. Стало быть, боги сегодня плонули в твою сторону...

Но сдаваться она не собиралась:

— И куда вы меня тащите? На суд? — Чем вызвала приступ хохота у обоих стражников.

— Размечталась, — выдавил наконец, отсмеявшись, Марган, — Какой тебе суд, на ночь глядя? Посидишь денек-другой во Дворце, там видно будет.

— Какой еще дворец?!

— Да потерпи, почти пришли уже. Налюбуешься...

Насколько могла судить Палома, улицы, по которым вели ее стражники, меньше всего напоминали подходы ко дворцу. Из квартала ремесленников они вывернули на рыночную площадь, пустынную и мрачную в подступающей темноте, с угловатыми остовами закрытых на ночь лавок и палаток и грудами отбросов, оставшихся после оживленного торгового дня. Хлюпающие шаги трех человек, бряцание оружия стражников и болезненное сопение колченогого звучали неестественно громко в гнетущей тишине, будили тысячи шепотков и отголосков, и Палома с трудом подавила суеверное желание скрестить пальцы, отгоняя зло. Впрочем, связанные руки так затекли, что ей это едва ли удалось бы.

Девушка повела головой, пытаясь понять, откуда взяться дворцу в этом унылом районе. Насколько ей было известно, резиденция графов Коршенских находилась совсем в другом месте. Да и с чего бы стражникам вести ее туда?

Перейдя площадь, они вышли на извилистую уличку, поднимающуюся круто вверх, и Палома вспомнила, что Коршен стоит на холмах, так что дороги, ныряющие вниз, словно в пропасть, и карабкающиеся в гору, здесь не редкость. Потому-то — она обнаружила это еще утром, по прибытии, — в городе почти нет конных экипажей. Горожане больше частью передвигались пешком, а самые богатые — в носилках и паланкинах.

С боковой улицы послышался шум шагов и голоса, и стражники остановились.

— А, северный патруль, — заметил Марган, взглянувшись в темноту.

Пять человек в такой же форме, что и пленители Паломы, в руках у двоих были факелы.

— Унгара, ты что ли? — окликнул их усач.

— А, Геббо! — отозвался один из пятерых приветственно. — Куда вас несет на ночь глядя? И кто там с вами?

— Да, поймали тут одну...

— Шлюха что ли?

Радостно гогочущие стражники приблизились, с любопытством разглядывая Палому.

— Ну и странные шлюхи пошли нынче, ты глянь...

Один из них потрепал девушку за подбородок. Она яростно дернула головой, от души жалея, что руки связаны, и она не может оказать достойный отпор. Попыталась ударить ногой — по ублюдок успел отскочить, не переставая смеяться.

Неожиданно усач — Геббо — вступил за пленницу:

— Не тронь ее, парень. Это тебе не гулящая девка. Она — птичка посерезнее.

— Так и что с того? Все они одинаковы, как до постели дело дойдет. Нешто не позабавимся?

— Убери руки, похотливый козел! — прорычала Палома. Решительно, этот город стал ей уже поперек горла.

Стражник изумленно округлил глаза и, хвала Небу, отступил.

— Не тронь ее, — повторил Геббо. — Времени нет. Нам надо до полуночи во Дворец попасть, а то стража сменится — куда ее потом девать? До утра не примут.

— Х-ха! Впервые вижу, чтобы ты с девкой не нашел, чем до утра заняться.

— Только не с этой, — подал голос Марган. — Убийца она. И меня чуть не покалечила... — Он тоскливо скосил глаза на подбитую ногу. — Ладно, парни, вам налево, нам направо. В «Кувшине» завтра увидимся. Пошли, Геб!

Сопровождаемые смехом и сальными шуточками ночной стражи, Палома и двое ее пленителей продолжили свой путь. Она больше не глазела по сторонам, погрузившись в невеселые раздумья — а потому едва сдержала удивленный взгляд, когда рука Геббо придержала ее за плечо.

— Стой, бешеная, ишь, разбежалась! Пришли уже.

И Палома увидела Дворец.

Исполинская каменная громада вырастала из скопления домишек, почти без всякого перехода, отделенная от торговой улицы лишь 'узкой площадью шагов в двадцать шириной. Широченная лестница плавно поднималась к парадной площадке, обрамленной бледными полукружьями колоннады. Между центральными, самыми высокими колоннами, постамент которых был едва ли не в рост человека, выселись черные двери, верхняя часть которых терялась во тьме. Чем ближе они подходили, поднимаясь по мраморным ступеням, каждая шагов в пять шириной, тем сильнее Палому охватывало непривычное чувство собственной незначительности. Даже сознание того, что все это было сделано намеренно, что именно такова и была цель архитектора, мало чем могло помочь. Ощущение было отвратительно гнетущим.

Но на спутников Паломы это великолепие, похоже, не оказывало никакого действия. Привыкли, должно быть. Уязвленная, девушка опустила взор — и лишь теперь заметила то, что сперва ускользнуло от нее в неярком свете факелов, укрепленных в скобах на колоннаде. Дворец разрушался. Пышность и великолепие для него остались далеко в прошлом.

Мрамор ступеней был истертым и раскрошенным, а местами не хватало целых плит, и там зияли серые пятна кладки. На постаментах колонн змеились трещины. Но больше всего ее поразило другое.

Подсознательно она ожидала, что при их приближении гигантские двери распахнутся, грозно и торжественно... Однако стражники взяли чуть левее — и девушка лишь сейчас

заметила прорубленную прямо в огромной створке дверцу. Работа была грубой, нарочито небрежной, словно люди, выполнившие ее, ничуть не заботились о том, чтобы сохранить красоту древнего здания, а даже намеренно стремились изуродовать его как можно сильнее. Вкрай и вкось вбитые клепки скрепляли края, сама же дверь была сколочена из разномастных сучковатых досок и украшена кривым ржавым окошечком.

Приблизившись, усач забарабанил рукоятю меча.

— Эй, Марий, Трогет, открывайте! Дверь распахнулась со скрежетом.

— Еще позже заявиться не могли? — выглянула недовольная физиономия стражника.

— А ты не спи на посту, — беззлобно огрызнулся Геббо и подтолкнул Палому внутрь. —

Добро пожаловать во Дворец, принцесса.

Но девушка упрямо застыла на пороге, оглядывая скрупультуру обставляемую караулку, единственный украшением которой был заменявший стол бочонок, на котором красовался глиняный кувшин и две кружки.

— Я хочу знать, что это за место. Куда вы меня привели?

Стражники расхохотались.

— Да, похоже, ты и впрямь недавно в Коршене... В тюрьму тебя привели. Куда же еще?

— Вот это — тюрьма?! — Палома обвела подбородком окрестности. За последние годы она изъездила едва ли не всю Хайбарию, но ничего подобного ей видеть до сих пор не доводилось. — Как же у вас любят преступников, если их размещают в таких апартаментах!

— Ах-ха! — Стражник, открывший им дверь, захлебнулся от смеха. — Ну и веселая птица! Это надо же — сказала!

— Заткнись, Трогет. — Напарник ткнул его кулаком в плечо, недвусмысленно косясь на кувшин. Как видно, ему не терпелось поскорее спровадитьочных гостей и вернуться к выпивке. — Жаль тебя огорчать, крошка, — повернулся он к Паломе, — но апартаменты тебе не светят. Если только ты не настолько неприхотлива, чтобы обрадоваться подвалу. Тюрьма там... — Он указал рукой на черный провал лестницы, ведущей куда-то вниз.

Насколько могла судить Палома, проход этот был сравнительно недавнего происхождения — кладка куда более свежая, чем на стенах, и пробит с той же показной грубыстью, что и дверь внутри двери. Словно кто-то пожелал получить самый короткий проход в подземную часть дворца, напрочь пренебрегая соображениями красоты ради целесообразности.

Трогет тем временем достал с полки и разложил на бочке, сдвинув в сторону кружки, широкий лист пергамента, исписанный почти наполовину. С тяжким вздохом обмакнув в бронзовую чернильницу перо с обломанной верхушкой, он пристально взглянул на девушку.

— Имя. Откуда родом.

Отвечать? Солгать? Но какой смысл...

— Палома, по прозванию Оса. — Она пожала плечами — насколько позволяли связанные руки. — Родом из баронства Тора, в Немедии,

Старателю скрипя пером и даже высунув кончик языка от натуги, стражник записал сказанное, затем поднял глаза на Геббо.

— В чем обвиняется?

— В убийстве.

— Ого...

Последовал обмен еще несколькими незначительными репликами, и наконец Марий, поводив пальцем по своему пергаменту, вынес вердикт:

— В пятый подвал ее отведите. Там сегодня посвободнее.

— В пятый? — Его напарник хмыкнул с сомнением. — К этим отбросам? Они же ее живьем сожрут!

Марий повел плечами.

— А кому сейчас легко? Женских покоев у нас пока не занималось... так что уж чем богаты.

Он махнул рукой в сторону лестницы.

— Проводи их, Трогет.

Тот поднялся, кряхтя, на ходу снимая с пояса увесистое кольцо, на котором болталось не меньше двух десятков длинных железных Выдернув из скобы чадящий факел.

— Пошли, парни.

И Палома ступила во тьму.

Глава II

Насколько позволял судить богатый опыт Паломы, большинство темниц в Хайбории были двух видов: разделенные на одиночные камеры (в редких случаях там могли помещать двоих или троих узников) и состоящие из огромных подвалов, куда пленников набивали, сколько позволяло место.

Встречались и более экзотические варианты — так, в Шеме любили держать заключенных в длиннющем коридоре, прикованных к колоннам... но это было редкостью.

В иных странах, например, в Бритунии, тюрем как таковых и вовсе не имелось. Там преступника сразу волокли к судье, тот назначал наказание, которое палач немедля приводил в исполнение. Клеймо, усекновение руки, ноги или — что чаще — головы... выбор небогатый. Так что с коринфийским узилицем ей еще, можно сказать, повезло.

Подвалы располагались по обе стороны бесконечного прохода, у каждого дежурили стражники. Еще двое встретили их в самом начале — там у Паломы отобрали все оружие, еще раз записали имя и прочие сведения и выдали тощий и — на удивление — относительно чистый тюфяк. Несмотря на незавидное положение, в котором девушка очутилась, это вселило в нее слабый оптимизм. Похоже, здесь с узниками Обращаются относительно гуманно. Можно даже надеяться, что судья не поспешит огульно вынести приговор, а сделает хотя бы попытку разобраться в ее деле. Что, однако же, отнюдь не уменьшило ее желания постараться сбежать при первой же возможности. Вот только шансов на успех пока было маловато...

«Пятый» оказался довольно просторным подвалом с рядом крохотных окошек под самым потолком. Сквозь запах грязи, пота и немытых тел слабо пробивался еще один, совершенно чуждый, и тонкое обоняние подсказывало девушке, что в прежние времена здесь, похоже, находился винный погреб. Что ж, все сходится...

Тихо, стараясь не шуметь, едва за ней захлопнулась тяжелая дверь, она прокрались к стене, бросила там тюфяк и улеглась. Появление еще одного товарища по несчастью не прошло, разумеется, незамеченным, однако слабую попытку заговорить с новичком тут же пресек повелительный оклик из противоположного угла:

— Заткнитесь там все! Утром будем языки чесать — а пока спать!

Благодарная, Палома свернулась калачиком па своем убогом ложе. Как хорошо, что никто не тронет ее до рассвета! О том, что она станет делать утром, очнувшись среди десятка озверелых преступников, наверняка, ни в медный сикль не ставящих человеческую жизнь, а тем более честь женщины, она предпочла пока не думать. Случалось ей, в конце концов, бывать в переделках и похуже.

Пока, самое главное, стоило сосредоточиться на бурных событиях прошедшего дня, попытаться разобраться, найти доводы, способные убедить судей в ее невиновности... но ничего этого Паломе сделать не удалось.

Не прошло и нескольких мгновений, как она крепко заснула.

* * *

— Оса, ты ли это? Глазам не верю! Кто-то тряс ее за плечо.

Мгновенно открыв глаза, Палома привычно потянулась за мечом — но рука встретила лишь пустоту. Рывком поднявшись и мигом вспомнив, где она и как здесь оказалась, девушка приготовилась защищаться. Так или иначе, но живой она чтим ублюдкам не дастся!

И лишь спустя какое-то время смысл сказанного дошел до нее.

Кто-то здесь знал ее? Она оглядела подвал.

Здоровенный, кудлатый детина стоял перед ней, заслоняя скучный свет. При таком освещении она не могла разглядеть его лица.

— Какая тварь меня разбудила?! — рявкнула она нарочито дерзко. — Неужели и здесь человеку не могут дать отоспаться?

— Ну вот, что я говорил! — Парень радостно хлопнул себя по ляжкам, — Точно, она. Кто еще, кроме Осы, может так жалить!

Голос казался ей смутно знакомым... Что-то из далекого прошлого...

— Асгалун... — с сомнением проткнула она. — Эрверд Четыре Руки из Заморы?

— Узнала! Узнала! — завопил громила с восторгом, кидаясь к ней.

— Тьфу, да пусти же ты! — Ей стоило труда выбраться из медвежьих объятий. Отступив на шаг, с улыбкой оглядела старого знакомца. — Э, парень, я всегда говорила, ты плохо кончишь. Ты же собирался купить виноградник...

— Х-ха... — Четыре Руки досадливо поморщился. — С моим братцем разве заживешь спокойно? Выдумал — «последнее дело, последнее дело»... И меня втравил. Сам головы лишился — а мне после этого прямая дорога осталась, так далеко, где бы даже об Асгалуне и слыхом не слыхивали. Шестерых стражников мы положили, Оса...

— Мда. — Палома поджала губы. Эрверд с братом всегда были сорвиголовами, каких мало. Пока они работали на нее, ей удавалось удерживать близнецов от бесчинств. Но она уехала...

— Куда ты подевалась тогда? — словно прочел ее мысли замориец. — Слухи ходили, тебя кто-то нанял из Бельверуса — да, якобы, там ты и сгинула...

— Уцелела, как видишь. — Паломе совсем не хотелось распространяться о Вертрауне. По счастью, их беседе помешали. Уверенным шагом приблизился другой заключенный, в обносках, но державшийся с надменностью короля, еще пятеро — свита — держались позади, в почтительном отдалении.

— Может, представишь нас dame, Четыре Руки?

— Гарбо, я...

Незаметно смеясь чуть в сторону, к свету, Палома смогла разглядеть говорившего. Лет тридцати, смуглый, как большинство коринфийцев, с порочным и хищным лицом. Он смотрел на девушку не отрываясь, и его хозяйский, оценивающий взгляд очень ей не понравился.

— Мое имя — Палома, — произнесла она холодно, не дожидаясь, пока Эрверд представит ее. — Еще меня называют Той, с Кем Лучше Жить в Мире...

— Вот как? — Он даже не улыбнулся. — А иначе?..

— А иначе ты труп, Гарбо.

В подземелье воцарилось молчание. Прочие узники, а их было не меньше двух десятков, исподволь наблюдавших за происходящим, застыли в ожидании. Кто-то радостно крякнул, предвкушая потеху. Еще бы! Женщина — бросает вызов главарю. Такое не каждый день увидаишь.

— Палома, да что ты... — попытался вмешаться асгалунец, в голосе его звучали

жалобно-успокаивающие нотки. — Ведь это... Гарбо у нас...

Наемница улыбнулась ему.

— Не надо, дружище. Я ценю твою заботу — но не сможешь же ты меня защищать вечно. Раз уж я тут оказалась...

— За что, кстати? — В голосе Гарбо не было особой враждебности. Впрочем, и теплоты тоже.

— За убийство. — Палома пожала плечами. Сейчас не время добавлять, что она не совершила того, в чем ее обвиняют.

— Вот как? — Похоже, это было любимым присловьем главаря. — Что, клиент просил слишком широко расставить ножки?

— Ах ты... — Вновь рука ее метнулась к ножам — и вновь пальцы сомкнулись в пустоте. — Я — свободная женщина, — отчеканила она, с ненавистью глядя Гарбо в глаза. — И я воин, а не дешевая подстилка! Хочешь убедиться?

— Во-оин? — Он захохотал. — Шлюха, убийца и воровка, в это я еще могу поверить...

Палома оскалилась. Немало их было на ее пути, таких наглых, самоуверенных ублюдков! Когда-то, когда она была очень юной и очень злой, ей доставляло удовольствие побеждать их в поединке — а затем безжалостно оскоплять, лишая того единственного, что было гордостью и смыслом жизни этих недоносков. С тех пор кое-что изменилось... но немногое.

Спокойно, сосредоточенно, как боец перед выходом на арену, девушка принялась разминать затекшие со сна мышцы, не обращая ни малейшего внимания на оценивающие, одобрительные и насмешливые возгласы преступников.

— Мы решим это здесь и сейчас, Гарбо, — наконец промолвила она. — И если я возьму верх — ты дашь слово, что никто в этом логове не тронет меня.

Он издевательски поклонился.

— А если верх возьму я, то...

С ледяной усмешкой она перебила:

— С моим трупом ты волен делать все, что пожелаешь. Живой я тебе не дамся!

— Я настолько отвратителен? — Тон был насмешливым, но главарь явно чувствовал себя задетым. Кажется, он не привык к столь яростному отпору.

— Нет, не настолько. А в десять раз сильнее. — Палома наконец решила, что достаточно разогрелась для поединка. — Эй вы, разойдитесь! — Она повелительно махнула рукой остальному сброду. — Или кто-то жаждет, чтобы ему наступили на голову?

— Такой-то ножкой — с удовольствием...

Но они расползлись. Послушное стадо... Расселись вдоль стен, готовые наблюдать за потехой. Из угла несчастный Эрверд отчаянно делал Паломе какие-то знаки, и она ободряюще улыбнулась ему. Неужто бедняга думает, она не заметила нож, припрятанный у коринфийца на щиколотке?

Гарбо стоял, расставив ноги, явно не веря в серьезность происходящего. Драться? С кем? С красоткой, годной лишь согревать мужчину в постели?.. Вот почему первый же бросок Паломы оказался для него полной неожиданностью.

Она рванулась вперед, проскользнула у главаря под локтем. Он хотел вцепиться ей в белокурье волосы — но промахнулся. А она дернула его за запястье.

Толчок был нечувствительным, едва ощутимым — но коринфийца вдруг куда-то повело, он потерял равновесие, на миг утратил ориентацию. Когда пришел в себя — то не сразу отыскал противника. Куда подевалась эта проклятия девчонка?

Какое-то движение у самых ног... Он ткнул кулаком наугад, промазал — и вдруг вскрикнул от резкой боли. Схватился за левую руку — и с изумлением поглядел на окрасившуюся алым ладонь.

— У нее нож!

Палома стояла в двух шагах перед ним, поигрывая кинжалом. Его кинжалом. Во взгляде ее был вызов и презрение.

— Возьми! — она швырнула нож ему.

Не соображая, что делает, Гарбо схватил мелькнувший в воздухе кинжал — прямо за лезвие. Пальцы полоснуло болью.

Да что она с ним делает, эта ведьма?! Ведь он всегда был неплохим бойцом!

Озверевший, коринфиец кинулся вперед, целя кинжалом в горло дерзкой девице. Но... ее уже не было перед ним. Прокатившись по полу, она ногой достала его в солнечное сплетение, заставив согнуться и захлебнуться воздухом, и, молниеносно вскочив, полоснула по плечу острыми, точно когти, ногтями.

Рыча от боли и ярости, Гарбо принял бессмысленно размахивать ножом, надеясь зацепить неуловимую ведьму — разумеется, тщетно. Она мелькала то справа, то слева, нанося несильные, но чувствительные удары в самые уязвимые точки. Сквозь шум ревущей в ушах крови до коринфийца доносился смех и выкрики заключенных. Похоже, все они были на стороне женщины...

Но Гарбо, при всей его жестокости, не был глупцом, иначе ему никогда бы не стать тем, кем он стал в преступном мире Коршена. Он умел оценивать ситуацию, понимать, когда она складывается не в его пользу — и делать выводы. Невероятным усилием воли он подавил слепую ярость и швырнул нож на пол.

— Довольно, — прохрипел он. — Ты победила. Я признаю.

Палома вновь оказалась прямо перед ним. Ее стальные глаза впились в лицо коринфийца.

— Чтобы потом зарезать меня среди ночи?..

О, она была не глупа!.. И — проклятье! — даже не запыхалась после боя, тогда как ему приходилось глотать воздух с жадностью утопающего. Стиснув зубы, Гарбо нагнулся и протянул ей кинжал.

— Возьми. Он твой.

Помедлив мгновение, Палома взяла предложенное оружие. Затем, все так же глядя коринфийцу в глаза, медленно провела острием по ладони. Показала выступившую алую полоску. И протянула руку Гарбо.

— Это был славный бой...

Он понял. И сам жест, и то, что она предлагала ему, и все, что это могло повлечь за собой. Шанс спастись от позора. О, она была не глупа!..

Коринфиец вытянул руку, ту самую, которой поймал нож на лету. Пальцы до сих пор кровоточили. Их ладони соприкоснулись.

— Я была одна в Коршене. Человек не может быть один, когда никто не прикроет ему спину.

— Брат прикроет тебя. — Гарбо слабо улыбнулся. — Позволь мне стать твоим братом.

— Это честь для меня. Брат.

Палома отняла руку. Обернулась к замершим сокамерникам, не знаяшим, как реагировать на столь неожиданный поворот событий. По счастью, смекалистый Эрверд

пришел ей на помощь. Радостно заулююкав, он завопил какие-то восторженные слова — и тут же крик его подхватили остальные.

— Гарбо! Гарбо!!!

Коринфиец незаметно перевел дух. Хвала Небу, авторитет его остался незыблем — невероятно, после того, как его с легкостью одолела в бою какая-то девица. И за это он должен был благодарить ее, Палому...

Он повернулся к победительнице, сам не зная, что ей сказать. Гнев, признательность, недоумение — все смешалось в его душе. И она, как видно, поняла это.

— Если пожелаешь, мы будем очень дальними родичами, — прошептала Оса, едва двигая губами. — Таким дальними, что, может статься, и не увидимся никогда...

Это был выход. Но почему-то он не устраивал Гарбо. Он взглянул на наемницу — и, впервые за все это время, в глазах его было уважение.

— Я обещал прикрывать тебе спину. За это ты научишь меня так драться.

Палома улыбнулась.

— Это самое меньшее, что я могу сделать для брата.

* * *

Теперь, когда Палома получила узаконенный статус в тюремном подвале, сокамерники тотчас перестали обращать на нее внимание, словно из маняще-красивой, возбуждающе дерзкой девицы она враз превратилась в бесплотную тень. Присные Гарбо, все пятеро, были услужливы — перетащили ее тюфячок поближе к своим, у сухой стены, и даже к котлу, когда сонный, недовольный стражник приволок обед, ее не пустили, а принесли и торжественно, едва ли не с поклонами, вручили миску и лепешку; однако больше они с ней не заговаривали, — шепотом ссорясь, стали бросать кости в своем углу... Палома так и не узнала, как их зовут.

Эрверд оставался поблизости, однако и он не затевал бесед с давней боевой подругой, лишь изредка выжидательно косясь на нее. Если бы она дала знак подойти... а так нет, не хотел навязываться.

— Как тебе удалось их всех так запугать? — обращаясь к главарю, Оса кивнула в сторону сокамерников.

Теперь, когда противостояние разрешилось к удовольствию обеих сторон, Палома не чувствовала к Гарбо ни страха, ни отвращения. В Асгалуне, Бельверусе, да и в иных краях ей немало пришлось иметь дело с такими, как этот коринфиец. Дерзкие, отважные, не признающие над собой ничьей власти, жестокие, порой до подлости... или великодушные до изумления... Они напоминали волков — но Палома, будучи сама волчицей, если не по крови, то по воспитанию, прекрасно умела с ними обращаться. Волку надо лишь показать, что ты сильнее, что ты — вожак. Тогда его можно не опасаться.

Вместо ответа, Гарбо лишь небрежно повел плечами, аккуратно подбирав последние крошки обеда. И заговорил, лишь когда отставил в сторону пустую миску... которую тут же подхватил и спрятал младший из его подручных, тощий парнишка лет шестнадцати, с длинными светлыми волосами, заплетенными во множество косичек.

— Разве такой тихий человек как я способен напугать кого бы то ни было?

Речь его, когда он не старался работать на публику, была правильной, он выпевал

гласные, а не проглатывал половину, как обычный коринфийский сброд. Палома поморщила лоб.

— Благородная кровь... Младший сын? Земли слишком мало, чтобы делить на двоих?
Или...

Гарбо хмыкнул.

— На четверых. Можешь не продолжать, смекалистая...

— Это было несложно.

— Ну — а ты... сестричка? Что расскажешь о себе?

Но Палома не собиралась облегчать ему задачу.

— Угадай сам. Или готов и тут мне уступить? Негоже — я о тебе была лучшего мнения...

К чести Гарбо, он сумел сдержать злость — настолько, что заставил себя думать о деле, а не о том, как врезать дерзкой девице за очередное оскорбление. Наконец выдал:

— Наёмница. Родители умерли, оставив тебя без средств к существованию. Отец, видно, был солдатом в свое время, и тебя кое-чему научил, так что ты решила, что с оружием в руках идти по жизни лучше, чем плодить нищету в убогой хижине с мужем, который бы согласился взять бесприданницу, или продавать себя в гарем к какому-нибудь жирному ублюдку...

— Почти правильно... И довольно об этом. Ты оправдал мои ожидания.

— Это было несложно. — Гарбо вернул Паломе ее же слова. — Но я и не подозревал, что прохожу испытание.

— Мы все время проходим испытания, ты разве не знал. И в случае успеха — жизнь переводит нас на новую ступень.

— Ну, а какое вознаграждение ты предлагаешь мне?

Палома засмеялась.

— Торопишься... Твои успехи еще не столь велики. Однако ты подаешь надежды!

— Звучит многообещающе. Полагаю, за это стоит выпить...

Откуда-то из-под тюфяка Гарбо извлек кожаную, приятно булькающую флягу. Тут же, как по волшебству, перед ним с Паломой оказались две кружки. Не спрашивая согласия, разбойник разлил вино на двоих.

Девушка пить не торопилась, лишь чуть пригубила, поверх обода кружки внимательно осматривая подземелье.

Эрверд наконец удалился, оставив надежду поболтать со старой знакомой. С каким-то толстяком они сидели под крохотными окошками, оживленно болтая и время от времени взрываясь смехом. Еще человек десять спали — самый простой способ скоротать время до ужина. Остальные занимались кто чем. Играли в кости, перебирали одежду в поисках вшей; один даже пытался бриться, остервенело скребя щеки тупым ножом. Но Палому с Гарбо точно окружала незримая стена. Никто по-прежнему не обращал на них внимания, никто не пытался подслушать разговор...

Это было странно. Теперь Палома окончательно уверилась, что все куда сложнее, чем показалось ей с первого взгляда. Что ж, попробуем...

— Кстати... А когда ты намереваешься выйти отсюда? Полагаю, через денек-другой? — невозмутимо осведомилась она. Гарбо нахмурился.

— Ты что-то путаешь сестренка. Мы во Дворце. Сюда приходят не по своей воле, а уж уходят тем паче...

— Но к тебе это не относится, не правда ли? Ты пришел именно что по своей воле. И точно знал — зачем и как надолго! — Палома ухмыльнулась, довольная тем, какой эффект произвели ее слова на собеседника. Смазливая физиономия коринфийца вытянулась так, что на него было жалко смотреть.

— Как... Откуда ты... Боги, женщина! Я найду ту тварь, что проболталаась, и...

— Потише. — На них уже начали оборачиваться. — У женщин, помимо пышной груди и длинных ног бывает еще и голова. Не слыхал о таком?

Черные глаза Гарбо сузились.

— Объясни!

— Чего проще. Шаг первый — ты нобиль по происхождению. На коринфийском «донышке» ты должен был стать одним из первых — иначе тебя давно прирезали бы... из зависти, из ревности, просто потому что быдло ненавидит благородных. Полагаю, не ошибусь, если скажу, что ты должен входить в первую тройку местных «черных баронов», так? — Кивок. Гарбо ловил каждое ее слово с напряженностью волка в засаде; даже зубы чуть заметно клацали. — Вот и славно. Теперь ступень вторая. Ты здесь — в обносках, как самый захудалый воришко. Если бы стражники знали, кого загребли, готова биться об заклад, тебя держали бы отдельно и стерегли, как самый дорогой алмаз в графской сокровищнице. Но ты оказался в этом подвале, среди самых что ни на есть отбросов... В общем, перескакивая через остальные ступени, идем к главному: ты здесь по собственной воле. Полагаю, устроил небольшое безобразие. Драка в таверне, или что-то в этом роде. Скромненько, без лишнего ущерба, никакого сопротивления при аресте. Тебя замели вместе с приятелями... — Палома мотнула головой в сторону пятерых пособников Гарбо, продолжавших неутомимо кидать кости. — Судья не будет слишком суров за столь незначительный проступок. Отделаешься штрафом...

— И зачем, по-твоему, мне все это понадобилось? — Голос Гарбо шуршал, как пересушенный пергамент, на котором алыми чернилами был записан ее смертный приговор. Но на наемницу это не произвело ни малейшего впечатления.

— Успокойся... брат. Палома не предает своих. Что бы ни провернули твои подельники, пока ты отсиживаешься в этой дыре, от меня никто ничего не узнает. Я даже не стану любопытствовать, что ты задумал. Полагаю, нечто действительно крупное... Это не мое дело.

Вероятнее всего, коринфиец умышлял недобroе против кого-то из самой верхушки преступного мира. Одного из Старших. И очень, очень желал убедить остальных в своей непричастности. Отсидеться на время беспорядков в графской темнице — неплохая задумка. Вполне может сработать.

— Я просто желаю тебе удачи...

— Но не прочь использовать меня в своих целях. Если понадобится, прибегнув и к небольшому шантажу... — Гарбо вполне пришел в себя,

взвесил опасность, оценил — и сделал ответный ход.

Палома сладко улыбнулась ему.

— О, Небо, но разве такой умный и сильный мужчина и без принуждения отказался бы прийти на помощь девушке в беде?

— Конечно же нет, дорогая сестрица! — Коринфиец разлил по кружкам остатки вина. — Итак, чем я могу тебе помочь? Кстати, в ответ на твой вопрос... Судья должен заняться нашим делом через два дня. Полагаю, наутро я уже буду свободен. Так я весь

внимание...

— Убили одного немедийца, — без всяких предисловий начала она. — Его звали Скавро, он был бароном. Но сюда, похоже, приехал под видом простолюдина. Поселился в клоповнике на улице Горшечников...

— И все же кто-то добрался до него. Из-за денег?

— Трудно сказать. — Палому порадовала способность собеседника с полуслова подхватить нужный тон. Перепалка закончилась — пора было говорить о делах. — У себя в Бельверусе он жил на широкую ногу. Но здесь... Я не видела ни следа чего-нибудь хоть сколько-то ценного.

— То есть либо ничего не было, либо убийца унес все подчистую.

Девушка покачала головой.

— На ограбление непохоже. Воры редко берут на дело терцию. Или у вас есть любители?

— В сердце? — сразу, по-деловому уточнил Гарбо.

— Нет. В глаз. Коринфиец присвистнул.

— Нет, тогда точно не грабители. По крайней мере, никто из местных. Но об этом твоем парне я ничего не знаю. Хочешь попытаться выяснить? — Палома кивнула. — Это из-за него тебя загребли?

— Да. Взяли в дверях под белы рученьки. Поджидали нарочно — вот только не знаю, именно меня или кого другого. По идее, никто не знал, что я в городе. У меня в Коршене, вообще, никого нет.

— Теперь есть.

— Верно. — Палома улыбнулась. — Теперь другое дело... Поверишь ли, мне совсем не хотелось бы лишиться головы за то, чего не совершила.

— Погоди-ка...

Гарбо жестом подманил одного из подручных, того самого мальца с косичками, что-то прошептал ему на ухо, указывая на обитателей подвала. Коротко кивнув, парнишка начал свой обход. Начал с игравших в кости приятелей, по очереди задавая каждому какой-то вопрос, затем не спеша обошел остальных, не поленившись разбудить и спящих. Выслушав ответ, каждый раз качал головой, подавая знак главарю.

Нет, похоже, здесь о Скавро никто ничего не слыхал.

— Не беда, — утешил ее коринфиец. — Стоит мне выйти — я весь город перетряхну, можешь не сомневаться. Наш Дворец — не самое подходящее место для такой красотки как ты. А уж виселица — тем паче не для тебя. Так что вытащим, не трусь.

— Не сомневаюсь. — Палома засмеялась. По правде сказать, впервые за последние сутки она ощутила что-то похожее на надежду. Ей стоило больших усилий все это время не выдавать снедавшей душу тревоги, но, конечно, положение было опасным. И помощь Гарбо ей ох как пригодится!.. Воистину, приурочить этого волка было мудрым шагом.

— Кстати, — легким тоном заметила она, намеренно меняя тему разговора, — Вы все называете эту тюрьму дворцом. Что за странная шутка?

— Никаких шуток, — словно бы даже обиделся коринфиец. — Это самый что ни на есть настоящий дворец. Здесь внизу раньше были погреба... ну и графская темница, само собой, только куда меньше нынешней.

— А наверху что? Тоже камеры?

— Зачем, для этого подвалов хватает. Верхние залы — там кого только нет. Если не

считать Месьора... Там судейские, канцелярия, стражники живут, да еще Митра ведает что. Но дворец громадный, сама видела. Большой частью пустой стоит. Рушится помаленьку. А жаль — такая красота пропадает...

Никогда еще Палома не слыхала ничего подобного. Чтобы огромный замок использовали под тюрьму, да еще так нелепо... Ей вспомнились изуродованные двери, прорубленная лестница в подвал. Точно чья-то злая воля намеренно отдала дворец на поругание! И, интересно, что это за Месьор, о ком упомянул Гарбо?.. Но она не успела ни о чем больше расспросить коринфийца.

Дверь темницы распахнулась, и старший из двух появившихся стражников зычно выкрикнул с порога:

— Где тут девица, называющая себя Паломой по прозванию Оса? Графский судья желает тебя видеть!

Девушка поднялась с места, вопросительно покосившись на Гарбо. Что-то слишком быстро до нее дошла очередь. Может, он объяснит? Но в глазах коринфийца было искреннее недоумение.

— Да пребудет с тобой Небо, сестра, — прошептал он одними губами.

Эрверд с другого конца подвала дернулся было встать, но его удержали. Как видно, остальные заключенные тоже понимали, что дело нечисто. Никто не хотел рисковать и привлекать к себе внимание.

Пожав плечами, Палома двинулась к дверям, на ходу оправляя тунику. Стражники пропустили ее вперед. Она вышла, не обернувшись, спиной чувствуя устремленные на нее взгляды.

— Что ж, — обратилась она к провожатым тоном королевы, шествующей на аудиенцию к иноземным послам. — Не будем заставлять судей ждать...

Глава III

Верхние коридоры и лестницы, которыми ей довелось пройти, лишь подтверждали прежнее впечатление: роскошный некогда особняк разрушался, стремительно приходя в запустение, и никто даже не пытался поправить дело. На стенах местами проступала сырость, разрушалась кладка, нищенскими лохмотьями свисала штукатурка... И лишь ближе к судейской зале наблюдался относительный порядок.

Страж у дверей, украшенных медными леопардами, вполголоса перемолвился о чем-то с провожатыми Паломы, посмотрел пергамент, который вручил ему старший, затем демонстративно пожал плечами.

— Да, я вижу, что это она. И вижу, что срочно. Но на вашем месте я бы все же переждал...

При этом он многозначительно ткнул подбородком в сторону закрытого зала; судя по понимающим ухмылкам стражников, те прекрасно поняли, о чем речь.

— Ладно, пожалуй, и впрямь лучше погодить немного.

Заинтригованная, Палома навострила уши.

Похоже, там, за дверью происходило что-то любопытное, раз ее провожатые не торопились входить туда с пленницей. Тяжелая дубовая, окованная медью дверь приглушала звуки, однако натренированный слух в который раз сослужил ей добрую службу.

— ...совершенно никакого смысла, Месьор... — Голос брюзгливый, явно принадлежал человеку немолодому. Девушка почему-то не сомневалась, что это говорил судья. — Уверяю, мы способны разобраться в этом деле и без вашего...

Тут страж у дверей невовко шевельнулся, шум заглушил слова.

— Тс-с, — шикнул на него один из конвоиров, плечистый черноволосый гигант с небесно-синими глазами. — Дай послушать. А то сам не хочешь рассказать вечером в «Кувшине», как старый Мул лягался с Месьором?!

Пристыженный, тот застыл в полной неподвижности.

Теперь звучал другой голос; ленивый, со странными перепадами интонаций.

— Я в своем праве, дражайший Агиери, и вам это прекрасно известно. Я волен находиться в любом месте дворца — и сейчас это место здесь. Оспорите ли вы волю графа Лаварро?

— Однако правосудие...

— Помилуй Митра! Чем же я, самый богобоязненный и законопослушный человек в этом городе, могу помешать вашему правосудию?! Разве вы не намерены вершить его честно, скоро и праведно — то есть, как всегда?

Ответа Палома не услышала. Впрочем, вероятно, его не дождался и безымянный Месьор, с таким язвительным жаром отстаивавший свое право присутствовать на суде. Над ней, Паломой!

Связано ли это каким-то образом с ее персоной — или она здесь просто случайная жертва чьей-то игры? Если не считать Гарбо, она никогда и ни от кого не слышала об этом человеке, откуда же тогда он мог знать о ней?

— Ладно. — Черноволосый стражник наконец подал знак напарнику. — Лучше объявимся, а то, не ровен час, пройдет кто, увидит нас здесь, тогда неприятностей не оберешься...

И точно, из-за поворота коридора донеслись какие-то голоса.

— Жаль, не удалось дослушать, — ухмыльнулся молодой. Но второй только цыкнул на него и кивнул стоящему у дверей.

— Давай, что ли...

Вздохнув, тот скользнул в приоткрытую створку.

Странные все же порядки царят в Коринфии, размышляла Палома, дожинаясь возвращения стражника, который пошел доложить о ней судье. Даже где-нибудь в Туране, где процветает подкуп и местничество, подобное разгильдяйство было бы немыслимо. Там люди были порочны до мозга костей — и все же, при любых обстоятельствах соблюдали декорум. Чтили правила игры... Но здесь все было иначе. Во всем чувствовалась усталость и пресыщенность. Всем было на все наплевать. Стражники даже не пытались делать вид, что соблюдают дисциплину. Судейские глумились над правосудием...

Мрачные размышления прервал толчок между лопаток, грубо вернувший ее к реальности.

— Давай, пошевеливайся, судья ждет.

* * *

Зал, где вершилось коршенское правосудие, произвел на девушку странное впечатление. Высоченные потолки, с которых свисали штандарты с неведомыми ей гербами, обшитые темным деревом стены и наконец само место судьи — почти трон, на возвышении, под алым шелковым балдахином — все это было призвано создать атмосферу торжественности, внушить трепет нарушителям Закона... Однако маленький лысый человечек, утопавший в судейской мантии, так, что из мехового воротника едва виднелось сморщенное лицо, перекошенное, точно от зубной боли, казался настолько не на своем месте среди всей этой пышности, что невольно приходили на ум мысли о балаганных лицедеях, суровый настрой улетучивался, оставляя лишь чувство смутной неловкости и недоумения.

— Девица, именующая себя Паломой по прозванию Оса, вольная наемница, — взвестил старший из стражников.

Девушка кивнула. Именно так она и представилась накануне тюремным чиновникам.

Крысиная мордочка судьи недовольно сморщилась. Он раздраженно перелистнул несколько страниц книги, лежавшей перед ним на резной деревянной подставке.

— А, вот, вижу. — Он наконец отыскал нужные записи. — Только вчера задержали? И сразу на суд?! — Голос его звучал негодяще, словно этот факт добавлял Паломе виновности. — Та-ак, и что мы тут имеем?.. Убийство... Сопротивление властям... — Судья водил по строчкам длинным пальцем, не поднимая глаз на узницу.

Та воспользовалась передышкой, чтобы оглядеться по сторонам. Где же он?..

Ага!

Помимо ее самой, судьи, двоих стражников и писца, приютившегося за столиком у подножия помоста, в зале находился лишь один человек.

Тот самый, догадалась она, кого здесь все именовали не иначе как *Месьором*. Он сидел в узкой нише между двумя стрельчатыми окнами, полускрытым в тени, так что лица было почти не разглядеть; Паломе лишь показалось, что человек он немолодой и какой-то... усталый. Он не смотрел ни на узницу, ни на судью и казался поглощенным созерцанием

перстней на своей левой руке, протянутой к свету.

Перстни и правда, насколько могла судить девушка с такого расстояния, были недурны, однако... Однако...

— Итак, женщина, — наконец подал голос графский судья, — что ты можешь сказать в свое оправдание?

Палома распахнула глаза.

— А в чем меня обвиняют?

— Не играй со мной в эти игры! Здесь суд. Не балаган. И не бордель! Ты убила человека. Некоего Скавро с улицы Горшечников. Об этом свидетельствуют двое стражников, заставших тебя на месте преступления...

— Неправда. — Усилием воли девушка заставила себя сохранять спокойствие. — Они схватили меня на улице. И я никого не убивала.

— Здесь записано иное. — Судья постучал ногтем по строчке в своей книге. — Слова стражников на службе сиятельного графа Коршенского заслуживают высшего доверия. А ты... кто ты такая? Бродяга, преступница. Женщина, нацепившая меч, обряженная в мужское платье. Пф-фу... — Судья разве что не сплюнул с досады. — Кто может подтвердить, что ты не убивала этого Скавро? Никто? Ну — так о чём тут говорить?! Ты и есть убийца. И тебя ждет плаха.

Проклятье! Балаган и бордель, правильно сказал этот крысеныш. Бордель и балаган — вот что такое этот их суд! Ни свидетелей, ни настоящего разбирательства. Похоже, и приговор ей уже записан в этой проклятой книге, а все происходящее — лишь пустая формальность, прежде чем появится палач.

Палому вдруг пробрала ледяная дрожь. И как она раньше не подумала об этом... Коршенские власти явно не имели понятия о том, кем на самом деле был покойный «Скавро с улицы Горшечников». Но об этом очень хорошо знал убийца. И обладал достаточной властью и возможностями, чтобы замести следы! Прежде всего, каким-то образом сумел устроить засаду у дверей лома — на первого встречного, все равно, кем бы тот ни оказался. Готова поручиться, они схватили бы и молочника или какую-нибудь нищенку, случись тем пройти мимо. Паломе просто не повезло. Она оказалась первой... А теперь этот же самый убийца подкупил нужных людей в тюрьме, чтобы дело рассмотрели и закрыли как можно быстрее. Кто бы он ни был, это явно не последний человек в городе — и он все отлично рассчитал!

Расчет ясен. Ее, Палому, скоренько осудят и казнят, власти умоют руки... А потом, даже если барона Скавро когда-нибудь хватятся и отыщут следы в Коршене — так вот вам, добрые месьоры, пожалуйте. Убийца давным-давно осужден и наказан, и прах развеян по ветру. Говорить больше не о чем. И с мертвецов не спросишь.

Немудрено, что ее вызвали на суд так быстро. Торопятся — пока не вскрылась правда об убитом. Ведь труп немедийского вельможи заслуживает куда более внимательного отношения, чем никому не известного Скавро. И дознание тут пришлось бы вести по всем правилам...

Но что делать ей? Сказать правду о немедийце? Палома уже открыла рот, чтобы заговорить — но тут же осеклась. А что ей-то, собственно, это даст. Судья убедится, что она была лично знакома с убитым, и узрит в этом лишнее подтверждение ее вины.

Что делать? Что? Что?!

Мысли судорожно метались, девушка стиснула зубы, чтобы успокоиться. Единственная

надежда — заставить их отложить вынесение приговора... Но как? Как, помилуй Митра?!

Неожиданно кто-то чуть заметно толкнул её под локоть.

Пользуясь тем, что судья отвлекся, заговорив о чем-то с писцом, Палома незаметно повернула голову к молодому черноволосому стражнику, стоявшему справа от нее. Там, перед входом в зал, когда все они с таким азартом подслушивали спор судьи с этим странным типом в нише, он ей показался неплохим парнем. Что ему нужно — сейчас?..

Да. Синеглазый прищурился и, едва разжимая губы что-то прошипел. Девушке понадобилось изо всех сил напрячь слух, чтобы уловить его слова... И изо всех сил напрячь мозг, чтобы осознать их смысл.

— Закон Эмбория Первого...

Что за бред?! Эмборий, если ей не изменяла память, был королем Коринфии — еще когда страна не разделилась на кучу мелких удельных княжеств, одним из которых был и Коршен. О каком законе толкует этот парень, и чем это может помочь ей, Паломе?

Ловушка? Или стражник и в самом деле намерен ей подсказать какой-то выход из положения? Узнать возможности не представлялось. Впрочем, а есть ли у нее выбор? И, собрав волю и кулак, наемница звонким голосом объявила:

— Ваша праведность! Вы считаете меня виновной — но по закону Эмбория Первого, я имею право...

Она осеклась. На что, собственно, она имеет право? Хоть бы судья знал это сам!

— Что-о? — Глаза чиновника вылезли из орбит. — Да как ты смеешь...

— Закон Эмбория Первого, — повторила Палома с уверенностью, которой отнюдь не ощущала. — Я требую...

— Ты не смеешь ничего требовать — ты, убийца! — Судья брызгал слюной, давясь словами от возмущения.

Кажется, она попала впросак. Черноволосый ее подвел... Палома готова была обернуться к стражнику в отчаянных поисках поддержки — но помочь пришла с неожиданной стороны.

— А почему, собственно, вы лишаете ее этого права, любезнейший Агиери? — лениво подал голос человек в нише. — Уложений короля Эмбория, насколько мне известно, никто не отменял, и в Коршене они действуют точно также, как и повсюду в Коринфии. Или у вас иное мнение на этот счет?

Лицо судьи попеременно приняло все оттенки радуги, остановившись наконец на пурпурном.

— Я... она не... Об этом не может быть даже речи!

— Почему же? — В голосе незнакомца явно слышалась насмешка. — Как раз в данном случае это уложение применимо в полной мере. Пусть ваш писец поможет нам уточнить... — Он кивнул головой служке. Тот, с готовностью отложив перо и пергамент, засеменил к книжному шкафу у стены и с поклоном поднес своему начальнику какой-то древний фолиант, уложив на подставке поверх того, что судья читал ранее.

— Вот здесь указано, что надлежит делать в таком случае, Ваша Праведность. Уложение шестнадцатое Его Величества короля Эмбория Первого Коринфийского. — И, пятясь, вернулся в свой угол.

— Так-так-так... — Царапая ногтем по пергаменту, судья принял читать указанное место. — Если обвиняемый заявляет о своей невиновности... Обязуется отыскать истинного преступника в течение одной луны... приговаривается к четвертованию, если окажется не в

состоянии... Только в случае...

— Ага! — торжествующе воскликнул он наконец. — Боюсь, что ничего не выйдет!.. Закон гласит, что отложить казнь обвиняемого возможно лишь в том случае, если за него поручится лицо, чья репутация в глазах суда не подлежит сомнению. И лицо это будет отвечать головой, если обвиняемый скроется от правосудия, вместо того чтобы искать преступника! Так что, увы...

М-да. Палома хмыкнула, осознавая, сколь призрачна оказалась надежда на спасение. Черноволосый, без сомнения, хотел как лучше, однако даже король Эмборий тут оказался бессилен. В Коршене ей такого поручителя не найти!

Видимо, подумав о том же самом, судья издевательски развел руками.

— Итак, приговор остается в силе. Писец...

— Я поручусь за нее.

— Что-о?! — Агиери вскочил со своего трона. — Вы, Месьор?!

Палома, расширенными от изумления глазами уставилась на незнакомца в нише. Тот казался невозмутим и как будто даже от души забавлялся происходящим.

— Да, а что здесь такого? Или мое поручительство не кажется вам достаточно весомым? Или в глазах суда моя репутация подлежит сомнению? — Он издевательски выделил последние слова.

— Нет, конечно нет, Месьор! — заблеял судья. — Я никогда бы не...

— Вот именно. — Незнакомец, похоже, получал особое удовольствие, всякий раз перебивая Агиери и не давая тому закончить фразу. Повелительные нотки в его голосе звучали все отчетливее, и Палома теперь не сомневалась, что перед нею человек, облеченный немалой властью. Что делало всю эту ситуацию лишь еще более загадочной. Боги, кто бы ей объяснил, что здесь творится?! — Я готов взять на себя это дело и поручиться за даму. Если она заявляет о своей невиновности и готова в течение одной луны отыскать настоящего убийцу — я поддерживаю ее в этом намерении. И готов ответить головой.

Судья наморщил лоб.

— Покорно прошу простить меня, Месьор, но... вам-то что в том за корысть? Видит Митра, я не хотел бы оскорбить вас, но...

— И не надо, милейший. И не надо. Поверьте, никакого злого умысла здесь нет. Я просто отчаянно скучаю последние дни. И мне подумалось, зрелище людских пороков и отчаяния хоть немного скрасит уныние будней. А провести целую луну с очаровательной преступницей — что может быть... пикантнее?!

— Вот как? — Тонкие губы растянулись в плотоядной усмешке, судья окинул Палому таким взглядом, словно видел ее в первый раз, и девушке захотелось его убить. — Вот как, Месьор?..

— Ну да. Ведь вы доставите мне такое удовольствие, ваша праведность. Я умею быть благодарным, вы же знаете...

— Конечно, Месьор. Не сомневаюсь в этом.

— Отлично. В таком случае пусть ваш писец оформит все необходимые бумаги. К вечеру кто-нибудь из моих людей зайдет за ними, я все подпишу.

— Месьор... — Судья Агиери, похоже, готов был сделать последнюю попытку отговорить загадочного незнакомца. — Неужто вы и в самом деле готовы поручиться собственной жизнью ради этой... Ведь вы понимаете, если она сбежит, даже в вашем случае граф не согласится сделать исключение, закон есть закон...

— О, прекратите, милейший! Мы толчем воду в ступе... — В тоне вельможи смешалась скуча и раздражение. — Так мы до вечера будем твердить одно и то же. Я ведь сказал, что готов взять на себя ответственность, что вам еще надо? К тому же, если она сбежит — вы уверены, что это не обрадует многих из тех, кого мы знаем?!

— Именно поэтому я...

— Довольно! — Теперь голос незнакомца звучал по-королевски жестко, не допуская никаких пререканий. — Это мое дело, и хватит об этом. — Он усмехнулся, устало взмахнув рукой, словно недавняя вспышка гнева отняла у него последние силы. — Закончим на этом, пожалуй. Отправление правосудия — весьма утомительная вещь, как оказалось. Вы были правы, когда отговаривали меня... Сейчас время обеда, и я голоден. Так что давайте простимся на этом.

Крысиная мордочка судьи сморщилась.

— Воля ваша, Месьор. — Он явно готов был признать поражение. — Как вы желаете, чтобы мы поступили с этой женщиной? Отправить ее обратно в камеру?

— Ни в коем случае. Она более не ваша забота, Агиери. Забудьте о ней.

— Только на одну луну, — ядовито подчеркнул судья.

Незнакомец в нише пожал плечами.

— Пусть так.

— Тогда — оставляю ее вам. — Агиери сморщился так, словно у него болели зубы. — И... приятного аппетита, Месьор!

С этими словами, кивнув писцу, чтобы следовал за ним, судья ретировался через боковую дверцу. Двое стражников, Палома и незнакомец остались одни в огромном зале.

— Осмелюсь заметить, Месьор, — со смехом объявил черноволосый, — Это было здорово... Старина Агиери едва не подавился собственной мантией!

Человек в нише чуть заметно усмехнулся.

— Рад был доставить тебе удовольствие, мой друг. А теперь ступай во внутренний двор, отыщи моих ребят. Они уже должны были вернуться, пусть идут сюда. А ты, Таген, — он обратился ко второму стражнику, — беги в левое крыло, в мои покои, скажи, пусть накроют стол на двоих. Я и правду проголодался.

Первый из воинов уже скрылся в коридоре, второй же, ринувшийся было со всех ног исполнять приказ, задержался в дверях, переводя недоуменный взгляд с мужчины на женщину.

— Но, месьор, оставить вас вдвоем... ведь вы же... Я не могу...

— Ничего, ступай, парень. Мне скорее грозит смерть от голода, чем от руки этой прелестницы, уверяю тебя. Так что поспеши, если не хочешь стать причиной моей гибели!

Покачав головой в знак того, что не одобряет такой риск, стражник с усилием затворил за собой тяжелую дверь. Палома проводила его взглядом. А затем повернулась к человеку в нише и в упор уставилась ему в лицо, решив сразу перейти в наступление.

— У тебя есть имя, Месьор? Или только кличка?

Она ожидала, что он встанет, подойдет к ней. Возможно, даже попытается ударить за дерзость. Тогда она убьет его, попытается бежать. Может быть. Или еще что-нибудь. В любом случае, нужно какое-то движение, нужно, чтобы хоть что-то произошло... она задыхалась от бездействия!

Он не сдвинул с места.

— Так ты не знаешь, кто я такой?

— Понятия не имею! — Она высокомерно вскинула голову. — А должна бы?
— Возможно. Как-никак, я твой спаситель... Палома передернула плечами.
— Ты меня еще не спас.
— Верно. И, возможно, не стану этого делать.

Она помолчала, оценивая намек. Что ж, скорее всего, он прав, и ей стоит быть полюбезнее. Но ей так не нравились тайны. И эти игры, что затевались вокруг нее, без ее ведома.

Он по-прежнему сидел в своем кресле. Только сейчас, приглядевшись, она заметила одну странность: от сиденья с двух сторон торчали вперед какие-то странные рукояти, каждая в пару локтей длиной. Догадка забрежила в мозгу наемницы. Она подошла ближе, очень медленно, не сводя глаз с ног сидящего.

— О, да. — Он верно оценил ее взгляд. — Я не смогу убежать, если ты надумаешь убить меня сейчас.

Теперь она видела его лицо. Усталое, одутловатое лицо человека лет тридцати пяти, с глубокими складками у губ и запавшими глазами. Лицо человека, привыкшего к неподвижности.

Калека!

Увечность всегда внушала ей отвращение. Что может быть ужаснее, чем потерять власть над собственным телом. Это все равно, что и не жить вовсе... Палома, нахмурившись, взирала на незнакомца.

Тому, похоже, было не привыкать к подобным взглядам. Лицо его осталось совершенно бесстрастным, ни на миг не утратив скучающего выражения.

— Боги, как я голоден, — пробормотал он, не сводя глаз с дверей. — Куда же они запропастились?

Словно в ответ на призыв, створка приоткрылась, впустив самую странную пару, какую только могла себе представить девушка.

Сперва она решила, что это дети. Только какие-то неправильные, с ненормально широкими плечами, длиннорукие и головастые... И лишь когда они приблизились, она поняла: перед нею карлики. Ростом они были ей едва до груди — и чуть ниже сидящего человека. Неудивительно, что калека выбрал себе таких слуг. На них он может смотреть, не задирая головы.

Не обращая на Палому ни малейшего внимания, карлики приблизились к креслу, один подхватил передние рукояти, другой — точно такие же сзади, они одновременно подняли свою ношу и двинулись к выходу.

Девушке ничего не оставалось как направиться за ними.

Глава IV

Стол, как и было велено, оказался накрыт на двоих.

Гостеприимный хозяин жестом указал гостью на ее место и сам, едва только слуги поставили кресло, не говоря ни слова, с аппетитом принялся за еду. Палома, покосившись на него, так же молча последовала его примеру.

Она воздала должное ароматному бульону из дичи, нежному мясу со специями и — в меньшей мере — терпкому коринфийскому вину. Не то чтобы ей не хотелось выпить... однако здравый смысл подсказывал, что лучше сохранить трезвый рассудок.

Наконец было покончено и с десертом — нежными плодами в сладком сливочном соусе, — и наемница, довольная, откинулась на стуле. Что ж, жизнь, в конце концов, не так плоха. А если это и есть последний обед осужденного... по крайней мере, это был отличный обед.

Так она и сообщила своему гостеприимному хозяину, впервые за все время вызвав у того улыбку.

— Рад, что вам понравилось, моя дорогая. В моем... хм-м... состоянии, доставить женщине удовольствие не так-то просто.

Он странно говорил о своемувечье. С одной стороны, ничуть не стесняясь этой темы, едва ли не бравируя, но с другой... потаенная горечь все же ощущалась в каждом слове. Похоже, калекой он стал не с рождения. Те ведут себя совсем иначе.

— О, со мной у вас не будет проблем. Я весьма неприхотлива в своих желаниях, и мне нетрудно угодить. — Палома не сводила с него взгляда серых глаз. И если решит, что она излишне дерзка — пусть себе! Ей терять нечего.

— Рад слышать. — Вельможа — а этот человек, кем бы он ни был, несомненно, принадлежал к сильным мира сего — не реагировал на дерзости и оскорблений. Словно задался целью раззадорить гостью, проверить, как далеко она отважится зайти. — Могу ли я сделать для вас еще что-нибудь?

Этот странный человек, похоже, мог ей помочь. По крайней мере, он спас ее от немедленной казни. Однако явно ожидал чего-то взамен. Но почему тогда он не скажет в открытую, что ему нужно? Все это было очень и очень странно.

— Вы можете сделать для меня одну вещь, это мне будет столь же полезно, сколь и приятно. — Палома, вспомнив юные годы, прошедшие при дворе в Бельверусе, старательно скопировала манеру речи знатной дамы, надменную, чуть снисходительную, и по вытянувшемуся лицу собеседника поняла, что ей это удалось вполне. Похоже, он начал понимать, что в гости к нему залетела не такая простая пташка. — Назовите все-таки себя, мой любезный хозяин. Иначе у вас слишком большое преимущество передо мной...

— О, оно не станет от этого меньше, уверяю. Но вы правы, моя дорогая, простая вежливость требует представиться. Мое имя — Грациан. Хотя все зовут меня просто Месьор. Это, конечно же, не официальный титул, однако... они просто не знают, как иначе меня называть. Ибо, видите ли... Граф Лаварро Коршенский — мой отчим.

О, боги. Боги, боги, боги, боги.

До сего дня Палома ни в малейшей степени не интересовалась внутренними делами Коршена, этого небольшого коринфийского графства на границе с Немедией и Заморой. Даже перед поездкой сюда ей и в голову не пришло наводить справки. И то сказать — она

рассчитывала отыскать Скавро, прикончить негодяя и в тот же день убраться отсюда навсегда. Так к чему забивать голову лишними сведениями? Но теперь она жестоко пожалела, что не сочла нужным выяснить хотя бы самое необходимое.

Впрочем... за эти два дня она видела и слышала не так уж мало. В свое время ее учили делать выводы и на основании куда более скучных данных. Не далее как нынче утром она блестяще продемонстрировала свои способности Гарбо, разгадав его планы. Так что мешает ей сделать то же самое сейчас?

Сосредоточившись, Палома постаралась представить себе все элементы головоломки. Блестящие осколки кружились перед внутренним взором, она вертела их и так, и эдак, пока наконец они не начали складываться во вполне логичный рисунок...

— Поправьте меня если я ошибаюсь, Месьор, но... нынешний владыка, граф Лаварро Коршенский — он ведь происходит не из той семьи, что правила здесь прежде? Не прямой наследник рода... — начала она сперва неуверенно, но затем все более твердо, словно вытягивая это знание из собеседника через незримую нить, протянувшуюся из ее глаз — в него. И он не в силах был отвести взгляд! — Да, наследницей была ваша мать. Он женился на ней потом, верно? И появились еще сыновья. И проблемы с наследством. И тогда с вами произошел... несчастный случай. Все правильно. Не могли же вы занять трон!.. — Она хмыкнула. — По-хорошему, вы еще должны сказать спасибо... В других краях вас уже давно бы не было в живых... Месьор.

Молчание. И затем — он несколько раз соединил кончики пальцев... пародия на аплодисменты.

— Браво, моя дорогая. Браво. Однако вы меня не убедили. Это известно всем и каждому.

— Так я права?

— Ну, разумеется. Забыли лишь сказать, что граф так до сих пор и не назначил наследника, никак не может выбрать одного из троих сыновей... но это не суть важно. Равно как и то, что я — незаконнорожденный сын, посему убивать меня было необязательно... Но, повторяю, это известно всем и каждому.

Палома пожала плечами.

— Возможно — в Коршене. Но вы сильно преувеличиваете свою значимость для остального мира. Уверяю, за пределами Коринфии ваши внутренние дрязги отнюдь не являются излюбленной темой застольных бесед.

— О. — Во взгляде калеки зажегся интерес. — Тогда откуда...

Объяснять было бы слишком долго, да и почти невозможно. Странный титул — Месьор, в котором одновременно и почтение, и неуверенность в статусе носителя. И этот странный Дворец, величественное здание, носящее столь явные следы запустения и намеренного — озлобленного — разрушения. Так мог бы обращаться какой-нибудь иноземный завоеватель с родовым гнездом прежней династии; Палома готова была поручиться, что нынешний граф поселился в замке, построенном недавно, специально для него; и то, что Грациан — единственный обитатель этих руин, тоже сказало ей о многом. Ну, и еще множество деталей...

— Все очевидно — для того, кто умеет видеть, — произнесла она коротко.

Калека улыбнулся.

— Воистину так. Ну что же... Даже если бы вы намеренно задались целью доказать, что вы — именно та, кто мне нужна, вам это едва ли удалось бы лучше.

— А я нужна вам?

— Ну, разумеется! — Теперь он смеялся. — Очаровательная женщина... вы станете украшением моего двора.

— Если меня не казнят через одну луну. Что у вас делают с осужденными на смерть? Вешают? Сжигают живьем? Отрубают голову?

— Четвертуют, — в тон ей отозвался Грациан, невозмутимо, точно речь шла о погоде. — Но вам это пока не грозит.

— Пока?

— Конечно. У вас все же целая луна в запасе.

— В запасе? Но для чего?

— Чтобы снять с себя обвинение в убийстве, разве не помните? Закон Эмбория Первого, на который вы так удачно сослались... Или вы желаете кончить дни на плахе? Это была бы ужасная потеря, моя дорогая...

Наемница начинала чувствовать, что хваленая смекалка и самообладание начинают ей изменять. Этот странный человек словно продумал все наперед, просчитал на дюжину ходов. Как будто знал заранее все, что должно произойти. Но как — если она и понятия не имела ни о каких законах Эмбория, пока черноволосый стражник не подсказал ей...

— Меня удивляет лишь одно, — процедила она сквозь зубы. — То, что вам пришлось особо извещать слуг, чтобы стол накрыли на две персоны. Могли бы сказать им об этом сразу с утра...

Несколько мгновений он смотрел на нее с искренним изумлением — а потом разразился хохотом. И, отсмеявшись, произнес:

— Сдаюсь, вы уличили меня и сразили окончательно. Я забыл. Можете себе представить, еще подумал за завтраком, что нужно бы предупредить повара — и забыл. О, горе!..

Теперь засмеялась и Палома. А что ей еще оставалось делать?

— Но что мне помешает сбежать из вашего проклятого городка при первой возможности?..

Калека покачал головой.

— Здесь нет глупцов, моя дорогая. Описание твоей внешности — весьма приметной, осмелюсь сказать, — нынче же будет у каждого стражника. Особенно у тех, что охраняют городские ворота...

— Ха! — Она отметила, что его тон стал более фамильярным, он перешел с ней на «ты», и сама Стала говорить резче. — Как будто это меня остановит!..

— Возможно. Ибо есть и кое-что еще.

— Что же? — Она не собиралась сдаваться. О, нет. Не для того судьба подарила ей эту отсрочку! — Что удержит меня здесь?

— Точнее — кто. Я. Не забывай, тебя отдали под мою опеку, а это значит, я отвечаю за тебя головой. Признаюсь, несмотря ни на что, жизнь мне все же дорога... так что я просто обязан помешать тебе скрыться. И, можешь поверить, у меня это получится.

Крепкое словцо готово было сорваться у нее с языка — но Палома сдержалась. Нельзя показывать свою слабость. Он из тех, кто воспользуется этим без зазрения совести.

С ледяным спокойствием наемница осведомилась:

— И каким образом, позволь узнать?

— Во-первых, моей личной страже отдан приказ убить тебя, если ты переступишь порог своих покоев без моего особого разрешения. Они сделают это. И, не питай иллюзий, это не

те городские олухи... Мои парни знают свою работу. Их отцы и деды... — Он криво усмехнулся шутке, понятной лишь ему одному, — они служили еще моим предкам!

— Все равно. — Девушка тряхнула головой. — Заключенный всегда упрямее тюремщика. Я убегу.

— Не захочешь.

— Что-о?

Грациан улыбался. Улыбка у него была, как у сытого кота, поймавшего мышь.

— Не захочешь, я сказал. И сама себе станешь лучшим сторожем.

— Поясни.

Калека, не торопясь, отхлебнул вина из высокого бокала. Пленнице он выпить не предлагал. А сейчас наслаждался, тянул молчание.

Палома понимала, что заговорить — это дать ему очередное преимущество, уступить в этом поединке воли. Но она была слишком измотана. И — да будь оно все проклято в конце концов!..

— Чего ты хочешь от меня? Зачем все это? Что ты задумал?

Он молчал еще несколько мгновений, оцениваяще глядя на девушку, в волнении комкавшую камчатную салфетку. А когда заговорил, голос его был совсем иным — мягким, убаюкивающим.

Так приручают хищников, внезапно подумалось ей. Сперва доводят до исступления, а затем ломают волю лаской и лакомством...

— Должно быть, ты теряешься в догадках, что же случилось там, на суде. Какой-то незнакомец, который прежде ни разу в жизни тебя не видел и даже не знал твоего имени, спас тебя от плахи — и поставил на кон собственную жизнь. Зачем? Ты же не столь наивна, чтобы решить, будто я сделал это, очарованный твоими прелестями — хотя они и несомненны.

Наемница покачала головой.

— Но ведь и ты не так наивен, чтобы решить, будто это налагает на меня какие-то обязательства! Я ни о чем тебя не просила. Ты сделал это по собственной воле — тебе и нести ответственность за свое решение.

Рискованно было говорить ему об этом — но Палома решилась сыграть в открытую. Грациан слишком умен, чтобы не понимать всего этого. Значит, у него должен быть какой-то план. На что-то же он рассчитывает...

— Совершенно верно, моя дорогая. — Он кивнул, с таким довольным видом, будто она сказала именно то, чего он так ждал. — Благодарность, честь, совесть... все это прекрасные качества, и я не сомневаюсь, что ты наделена ими в полной мере, однако я не стал бы ставить на них. Ибо ставкой, осмелюсь напомнить, является и моя собственная жизнь. Так что нужен крючок посерьезнее.

— И это...

— Интерес, моя красавица. Твоя заинтересованность во мне.

Палома недоуменно взорвалась на него.

— Деньги?

— О, нет. Слишком примитивно. Хотя и это тоже будет, обещаю. Но и многое чего еще. У нас еще будет время обсудить подробности — если ты справишься с первым испытанием.

— Первое испытание? О чём ты?

— А ты не догадываешься? Отыскать убийцу твоего Скавро, конечно же! Это важно для

нас обоих — вот и проверим, чего ты стоишь в деле! А потом, если я увижу, что не зря понадеялся на тебя... Видишь ли, Палома, мне нужен был человек... Особый человек. Который взялся бы за особую работу. О, у меня нет недостатка в слугах. Но — они способны лишь исполнять приказы. И чаще всего этого достаточно. Но только не сейчас. Сейчас мне понадобился кто-то отчаянный — и умный, способный сам принимать решения. В общем — такой же как я, только... с ногами. — Он скривился в горестной усмешке. — Тот, кто сделал это со мной, уверен, будто сокрушил меня. Уничтожил. Но...

— Ты хочешь отомстить.

— Да. Так сильно, как тебе и не снилось. И ты поможешь мне в этом.

Все это похоже на кошмарный сон, сказала себе Палома. Она-то знает о своих способностях — но этот человек... почему он так уверен, что она сумеет что-то сделать для него? Почему именно она?!

Или он знает, кто она на самом деле...

У нее было недоброе предчувствие, что интрига, закрутившаяся вокруг нее, куда сложнее, чем кажется на первый взгляд. Что от нее все что-то скрывают...

Но сейчас у нее больше не было сил думать. Боги, сколько вместили в себя этот день! Пробуждение в тюрьме, поединок с Гарбо, суд... и этот человек, изматывающий ее своими загадками, своей проницательностью. Каждое его слово — клинок, точно находящий цель. Еще немного, и она истечет кровью... Нет, довольно с нее на сегодня!

— Я хочу спать, — выдохнула она, не глядя на Грациана. — Где там твоя стража, пусть меня проводят куда-нибудь, где есть постель! А то еще немного — и я скончаюсь прямо здесь, и лишу палача удовольствия свидеться со мной через луну. Смех коринфийца звучал у нее в ушах всю дорогу до ее покоев.

* * *

Наутро за ней пришли очень рано. Еще одна уловка Месьора, догадалась Палома. Они вроде бы союзники — но он делает все, не пренебрегая никакой мелочью, чтобы сломить ее волю, подчинить себе. Ей нельзя расслабляться и на долю мгновения!

По счастью, когда заспанная физиономия слуги просунулась в дверь, девушка уже давно была на ногах и даже успела закончить боевую разминку. Так что наглеца, осмелившегося сунуться в женские покой без стука, встретил крепкий удар в челюсть и пара крепких словечек, что в ходу лишь среди наемников.

Парень мигом преисполнился к пленнице глубочайшего уважения. Даже осведомился, не нуждается ли она в чем, до того как явиться пред светлые очи Месьора.

— Пусть мне принесут воды для умывания. И завтрак.

— Вода уже здесь. — Он кивнул за дверь. — А завтрак... Месьор пригласил вас преломить с ним утренний хлеб в саду.

Какая изысканность выражений, это надо же! Любопытно, парень просто повторяет слова хозяина, или сам склонен к поэзии? Но вслух она лишь велела коротко:

— Тащи воду!

Когда дверь открылась шире, чтобы дать дорогу слуге с кувшином и большим медным тазом, в коридоре Палома заметила стражника, не снимавшего руки с меча. Похвальная предосторожность. Грациан не шутил вчера, когда обещал убить ее при попытке к бегству.

Но пока Палома не собиралась бежать. За эту долгую бессонную ночь она успела принять решение.

Что двигало ею — желание оправдаться перед судом? Разобраться в тайне смерти немедийца? Или ее удерживало любопытство, которое пробудил в ней этот странный калека, который, сложись все иначе, мог бы стать правителем Коршена? Палома не знала. Но у нее была еще целая луна, чтобы отыскать ответ на этот вопрос. На все вопросы.

Закончив утренний туалет, она вышла в коридор к дожидавшимся стражникам. Забавно, вторым оказался тот самый черноволосый гигант, который вчера подсказал ей насчет закона Эмбория...

— Как тебя зовут? — обратилась к нему Палома.

— Конан, — ответил тот коротко.

Наемница с уважением отметила стать и боевую выпрямку стражника. Судя по внешности, он откуда-то с севера... Несмотря на молодость — ему было лет двадцать пять, немногим старше ее самой, — в бою такой, похоже, стоит десятерых!

— Тебя, что, отрядил сюда судья — присматривать, чтобы я не сбежала?

Северянин покачал головой.

— Нет, я служу Месьору. Вчера в суде я просто подменял одного парня. Он... на денек захворал.

Вот как? М-да, интрига и впрямь замешивалась все круче. Палома искоса взглянула на своего спасителя, гадая, о многом ли она может расспросить его. Однако неожиданно тот взял инициативу в свои руки. И после первых же произнесенных им слов, наемнице вообще расхотелось открывать рот...

— Тебе привет от Ринги, — сказал он ей. Несколько мгновений ей понадобилось, чтобы переварить информацию.

Стало быть, по меньшей мере один человек в Коршене знал о ее связи с Вертрауном... Друг или враг? Он спас ей жизнь — и все же... и кто еще знает об этом?

Если Месьор — то его интерес к ней получал вполне правдоподобное объяснение. Ведь, получается, ему было известно, что он спасает от палача не просто какую-то бродяжку, а агента тайной службы короля Нимеда... И что отсюда следует? Вот тут уже Палома терялась в догадках. Но расспрашивать стражника ей не хотелось. Подождем немного...

И, приняв самый беззаботный вид, наемница улыбнулась своим провожатым:

— Что ж, пойдемте. Надеюсь, на завтрак у вас дают еще хоть что-то, помимо хлеба...

Конан хмыкнул. Его напарник ничего не сказал.

* * *

...Сад оказался разбит во внутреннем дворе, совсем небольшой, но так искусно спланированный, что являл собой настоящий зеленый лабиринт, где несколько пар могли бы прогуливаться, ничуть не мешая друг другу. По пути, сквозь гущу листвы, девушка заметила какого-то человека, в задумчивости стоявшего перед незаконченной мраморной статуей. Он даже не обернулся на их шаги.

Грациан, восседавший в своем неизменном кресле посреди идеально круглой лужайки, перед накрытым столом, являл собой образец радушного хозяина.

— Прошу простить, что не встаю перед вами, моя дорогая! — Он поклонился с

преувеличенней любезностью. Палома уже поняла, что он обращается к ней на «ты», лишь когда говорит о деле. В остальное же время разыгрывает из себя вельможу, принимающего высокопоставленную гостью. Еще одна из его бесчисленных игр...

— Я тоже не могу ответствовать должным образом, Месьор. — Глаза ее лукаво блеснули. — В этом мужском наряде мне не присесть в поклоне, как подобает даме. Но и приветствовать вас на манер наемников было бы несколько... странно Гак что, увы, наша встреча обречена начаться с несовершенства.

— Увы... — Грациан казался искренне огорченным. — Но о каком приветствии наемников вы ведете речь?

— Это особый жест — перед нанимателем. Разве ваша стража никогда...

— О, нет. Среди тех, кто мне служит, практически нет наемников как таковых. А мои люди... У нас такие зовутся кровниками. Ничего общего с наймом. Я же говорил, их предки служили нашему роду. Это совсем иное...

Палома помолчала, впитывая новую информацию.

— И все же, — продолжал настаивать Грациан, — что это за приветствие. Я невероятно любопытен, знаете ли...

Наемница развела руками.

— У меня нет оружия. Я не сумею показать.

— И вас это огорчает?

— Неимоверно.

— Больше, чем отсутствие женского платья?

— О, несомненно!

Теперь замолчал он. Два темнокожих слуги — странно, а во Дворце ведь совсем нет женщин! — споровисто расставляли на столе блюда с яствами. Горячие лепешки, масло, сливки, тонкие ломтики мяса, овощи, золотистый сыр, сочащийся на срезах янтарными каплями. Ни даже когда они исчезли, Грациан не торопился заговорить. Не слишком ли много она выдала ему о себе в этих нескольких неосторожных словах? Ну, да теперь поздно жалеть! И Палома молча принялась за еду.

— Это — одно из немногих развлечений, что мне еще осталось, — неожиданно подал голос вельможа.

— Что именно? Хорошо поесть? Или ставить гостей в тупик?

Он засмеялся. Его смех нравился Паломе. В нем была одновременно и сдержанность, и едва уловимый оттенок печали — и одновременно открытость, почти детская доверчивость. В других условиях, при других обстоятельствах этот человек мог бы... мог бы достичь величия. Неудивительно, если он сам ощущает в себе это — все эти загубленные возможности, — неудивительно, что он так полон горечи!

— С чего мы начнем поиски убийцы?

Она спросила нарочито резко, злясь сама на себя за неуместные размышления. Утро — время решительных действий. Мечты и романтическую грусть следует приберечь для ночи! Грациан улыбнулся одними глазами, так что у Паломы вновь возникло неприятное ощущение, что он читает в ней, как в раскрытой книге, и отзвался в тон ей, по-деловому сухо:

— Я для того и решил поговорить именно здесь, в саду. Дворец относительно безопасен — и все же тут надежнее. Для начала я хочу знать все, что известно тебе.

Это было несложно. Скупо, но не упуская важных деталей, скрыв лишь все то, что

имело отношение к Вертрауэну, Палома поведала свою короткую историю.

Один немедийский вельможа нанял ее убить своего врага, барона Скавро. Она готовилась сделать это в Бельверусе, но тот неожиданно исчез. Три седмицы ушло на то, чтобы напасть на след — и она отыскала его в Коршене. В мерзкой халупе на улице Горшечников. Что барон делал там и почему скрывался в Коринфии, ей неизвестно...

— Не буду скрывать, я пришла убить его. Но кто-то успел побывать там до меня. Немедиец был мертв, когда я появилась... ну, а остальное тебе известно. — Незаметно для себя, Палома вновь перешла с Грацианом на «ты».

Повинуясь жесту господина, слуги безмолвно принялись убирать со стола остатки трапезы, давая собеседникам время поразмыслить в молчании. Наконец, потягивая разбавленное вино, Месьор промолвил задумчиво:

— Странная история... Стало быть, Скавро приехал сюда не меньше двух седмиц назад, жил тихо, как мышка, в какой-то нищей дыре, как будто прятался...

— Но это ему не помогло. Его убили не враги, а друзья!

— Вот как? — Грациан поднял брови. — И откуда же такие сведения?

Но Палома лишь с улыбкой покачала головой.

— Э, нет... мой дорогой. Теперь твоя очередь выступать в роли сказителя. Будем играть по-честному.

Грациан поморщился. В беспощадном свете дня вид калеки был непригляден — запавшие глаза, бескровные губы, болезненно-бледное, с глубокими залысинами, одутловатое лицо человека, обреченного на вечную неподвижность... Но сейчас Палома читала на нем и иные, давние отметины. Следы былых пороков, пресыщенность, изощренное коварство. Ей подумалось, что было бы неплохо узнать побольше о его предках — тех, что правили Коршеном прежде. Их нравы могли бы многое поведать о человеке, с которым столкнула ее судьба.

В любом случае, опасно было бы недооценивать Грациана.

Ум, хитрость, жестокость — всем этим он обладал сверх меры. И то, что она невольно прониклась к нему уважением и симпатией, делало вельможу еще более опасным.

Такой, как он, не задумываясь воткнет нож между ребер, при самом нежном объятии — если только решит, что это может принести ему хоть малейшую выгоду.

Будет ли он честен с ней? У Паломы на этот счет не было ни малейших иллюзий.

И все же он заговорил:

— Ты права. Будем играть в открытую. Я и не Надеялся, что ты с первого раза выложишь мне все карты. — В голосе его звучало одобрение. Еще бы. Он и не мыслил, что люди могут поступать иначе! — Итак, вот что известно мне. Видишь ли, мне нравится, насколько возможно, быть в курсе того, что творится в моем городе. Когда-то это имело вполне объяснимый практический смысл, теперь стало лишь... привычкой. Как бы то ни было мне докладывают обо всех приметных чужаках в городе, обо всех странностях и тайных делишках. Скавро давно привлек мое внимание. Он не в первый раз в Коршене. Впервые мои люди засекли его, когда немедиец стал уж слишком пристально интересоваться Черными Жрецами. Есть тут у нас такая secta чернокнижников... Безумцы, в основном, безобидные, как младенцы. Мы не трогаем их нарочно, они подобны свече, которая привлекает мошкуру. Куда опаснее, если вся эта некромантская мразь расползется по углам, откуда их не достать.

— А так вы следите и за ними, и за всеми новичками, падкими на эти фокусы...

Грациан кивнул.

— Именно. Так мы и вышли на Скавро. Поначалу он меня не слишком заинтересовал. Даже когда я случайно выяснил, кто он такой на самом деле. В конце концов, ну хочется богатому бездельнику пощекотать себе нервы в компании магов-недоучек... У вас-то в Немедии с этим строго... Но потом, где-то с полгода назад, появились первые странности. Он стал искать выходы на моих сводных братцев.

— Не на тебя?

— Нет. — Собеседник Паломы покачал головой. — Тогда я уже... ни для кого не представлял интереса. А мои братья, доложу, это отдельная история. Особенно старший. Антиос — настоятель главного храма Митры в Коршене.

— Что общего у чернокнижника с митрианцем? — Палома была поражена.

— Этот вопрос задал и я себе. И не нашел ответа. Впрочем, Скавро встречался и со вторым, Пронтием.

— А он что из себя представляет?

— Ничтожество! — Грациан презрительно фыркнул. — Верная тень достославного графа Лаварро, мечтает лишь об одном — так поразить папеньку своей преданностью и рвением, чтобы тот наконец решил вопрос с наследованием в его пользу. Других целей и желаний в жизни у него нет. Подозреваю, если когда-нибудь мечта его все же исполнится, и он станет новым графом Коршенским, то будет здорово разочарован, ибо понятия не имеет, что же ему делать с этой властью. Все силы давно ушли на то, чтобы покорить собственного отца, ни на что больше его уже не хватит!

Наемница рассмеялась. Исчерпывающий портрет. Многое говорит и о брате Месьора, и о его отчиме-графе... и о нем самом.

— А третий ваш брат? — осведомилась она.

— Единственный, до кого Скавро не добрался. Мальца четыре года назад отослали в Аквилионию — с тех пор он ни разу не возвращался в родные пенаты.

— Я его понимаю... — едва слышно прошептала Палома. Судя по всему, замок графа Коршенского был не самым веселым местом... немудрено, что Грациан предпочитает жить здесь, в доме своих предков.

Вельможа ухмыльнулся.

— О, да! Если у мальчишки есть хоть капля мозгов, он не появится здесь еще лет десять. Но впрочем — мы отвлеклись... Итак, Скавро. Я стал подозревать, что немедиец не так прост, как желает казаться. Он шнырял по городу, что-то вынюхивал, встречался с огромным количеством самых разных людей — без всякой видимой цели. И был в растерянности. Никак не мог уловить логики в том, что он делает. Никакого смысла.

— Неудивительно. — Палома была рада возможности подколоть надменного Месьора. Ведь это было так очевидно! — Хитрый лис, он почул слежку и решил запутать следы. На каждое реальное, нужное ему действие приходилось с десяток нелепых и бессмысленных — с единственной целью замутить воду и привести соглядатаев в отчаяние.

Грациан склонил голову, на сей раз не в насмешку, а с неподдельным уважением.

— Увы. Мне понадобилось полгода, чтобы понять то, что тебе стало ясно с первого взгляда. И все равно, до самого конца я так и не сумел выяснить, чего добивался этот ублюдок. А ведь явно было что-то важное! Такой человек как он, далеко не последний в Бельверусе, не стал бы тратить время впустую, шляясь по коршенским притонам.

— А, вот оно что! — Наемница хлопнула ладонью по столу, да так, что жалобно зазвенели хрустальные бокалы. — Значит, теперь ты вознамерился размотать ниточку с

другого конца. Узнать, кто и за что его убил... и тогда станет ясно, что этот демонов выродок все-таки затевал в вашем благословенном Коршене! Я права?

— Совершенно, моя госпожа. Твой разум так же остер, как твой меч — и ранит, как твоя красота.

— О... — Палома была поражена. — Кажется, я слышу комплимент. До чего же мы так вскорости дойдем?

Она тут же пожалела о своих шутливых словах, заметив, как исказилось при этом лицо калеки. Впрочем, Грациан тут же взял себя в руки.

— Ты все поняла верно. Именно этого я и хочу. Особенно теперь — когда ты заявила, что его

убил кто-то из дружков. Я боялся, это мог быть случайный грабитель...

— Нет. Во-первых, у него было нечего красть.

— Ну, этого ты не можешь знать наверняка...

— Точно. Но есть и еще кое-что. Он сидел, когда его убили. Терция вошла в мозг глубоко, пробила затылок. На спинке кресла были следы крови. Значит, он не встал перед убийцей. Незнакомца он бы встретил на ногах. И кроме того — они пили вместе.

— Правда? Стражники бокалов не обнаружили.

— Я тоже. Но перед ним был сундук. Крышка служила столом. И на ней было два свежих отпечатка. Разной величины — то есть от двух разных кружек. Полагаю, убийца забрал их с собой, чтобы выбросить, или просто спрятал где-то и доме.

— Свежие отпечатки, говоришь? — Острый ум вельможи тут же вычленил главное.

— Да. Впрочем, и лампа еще горела, когда я пошла. Так что убили его совсем незадолго до моего прихода. Подумать только — еще немного, и я бы столкнулась с убийцей!

Месьор засмеялся. Но тут же вновь посерезнел и хмуро взглянул на наемницу.

— Блестяще. Но теперь я знаю, что поторопился тебя хвалить, женщина. Ты ведь скрываешь еще кое-что, не так ли?

Палома пожала плечами.

— Да. И еще кое-что. И нечто сверх этого. Как и ты, мой господин. Но давай поговорим о другом. Вчера ты говорил, что хочешь отомстить тому, кто изувечил тебя. Мне хотелось бы знать, о ком идет речь. Ты готов назвать его имя?

— Все не так просто. Я не знаю, кто этот человек. Иначе он давно уже не осквернял бы землю своим присутствием. — Хищная гримаса исказила его черты. — Но пока я не готов поведать о своих догадках. Да и на данной стадии это едва ли тебе поможет.

— Особено если это сам граф Лаварро? — Палома кинула пробный шар, рассчитывая на реакцию собеседника. Но была разочарована. Грациан лишь покачал головой.

— Это было бы слишком просто. Графу ни к чему калечить меня. Достаточно просто избрать наследником кого-то другого.

— Но ведь он мог опасаться, что ты не пожелаешь ждать его решения. У тебя есть права на власть. Ты мог устроить небольшой заговор, и...

Собственно, кто говорит, что это не так. Насколько она успела изучить Месьора, Палома скорее удивилась бы, если бы ничего подобного в действительности не было.

Вместо ответа, Грациан доверху наполнил свой бокал и приподнял, показывая, что пьет за здоровье гости — а затем осушил до дна. Мол, понимай, как хочешь. Однако вслух произнес лишь:

— Это не он. Не его стиль. Лаварро скорее вызвал бы меня на поединок, в лучших

традициях благородных воителей прошлого. Но, повторяю, сейчас это не имеет значения. Тебе надлежит для начала отыскать убийцу Скавро. Эти два дела никак не связаны между собой

Возможно. А возможно и нет — Паломе с трудом верилось, чтобы коринфиец заинтересовался убитым бароном просто так, ни с того, ни с сего. Однако она не стала возражать. Месьор Грациан являл собой загадку не меньшую, нежели покойный немедиц. И в общении с ним требовалась осторожность, как при ловле ядовитых змей.

— Я почти не знаю города, — молвила она в задумчивости. — Что я сумею тут обнаружить такого, чего не могут твои друзья и осведомители?

Калека в задумчивости барабанил по столу пальцами. Сегодня, заметила девушка, перстни были другими, чем накануне. Похоже, Месьор отнюдь не стеснен в средствах...

Когда он заговорил, она не сразу поняла, к чему он клонит:

— У каждого из нас — свои ограничения. У тебя свои. У меня... ты видишь... Но слабость, если ее осознать, можно обратить в силу. Это нас закаляет. Я буду рад посмотреть, как ты справишься с этой задачей!

И вновь у наемницы возникло неприятное ощущение, что она — лишь пешка в затеянной кем-то игре, что ее испытывают на прочность, оценивают... Но для чего? Если этот человек видит в ней лишь инструмент для достижения своих тайных планов — что она может с этим поделать? И стоит ли этому противиться?

Да, стоит, в любом случае, — твердо сказала она себе. Если Грациан обманывает ее — он заплатит за это. Ибо никому не позволено использовать ее против воли. Она может присягнуть на верность, может во имя дружбы и данного слова пожертвовать всем... но не вслепую! Не безвольным орудием в чьих-то руках! Таким она не будет никогда. И горе тому, кто посягнет на ее свободу!

Однако Палома постаралась ничем не выдать охватившей ее ярости. Терпение. Терпение. У нее впереди целая луна...

— Итак, с чего ты начнешь, — нетерпеливо подтолкнул ее хозяин Дворца.

Палома потеребила прядь белоснежных волос.

— Напишу несколько писем, если позволишь. И — нужно послать кого-нибудь выяснить, вышел ли на волю человек по имени Гарбо.

— Гарбо! — Вельможа был поражен. — Откуда ты его знаешь. И что, во имя Митры, этот паршивец делает в тюрьме?!

Палома торжествовала. Пусть и маленькая, но это была ее победа.

— Предоставляю тебе выяснить это самому. Что до меня, я бы хотела увидеться с ним. Тайно, разумеется.

— Слушаю и повинуюсь. Что-нибудь еще?

— Хм, пожалуй. Там, в подземелье, томится еще одна невинная душа. Его имя Эрверд Четыре Руки. Он будет полезнее нам здесь, на свободе.

Грациан нахмурился.

— Боюсь, ты переоцениваешь мои возможности.

— Отнюдь, — сладко улыбнулась ему Палома. — Как ты изволил выразиться, я буду рада посмотреть, как ты справишься с этой задачей...

Он молча проглотил пилюлю.

— Я велю, чтобы тебе дали чернила и пергament. Сюда?

— Да, пожалуй. Мне нравится этот сад. По знаку Грациана, из-за кустов вынырнули два

давешних карлика. Интересно, что они слышали из их разговора? И можно ли им доверять? Однако наемница вновь предпочла держать свои сомнения при себе.

— Увидимся за ужином, — бросил вельможа на прощание.

Палома неопределенно махнула рукой. Общество месьора Грациан хорошо лишь в строго отмеренных дозах. Сейчас ей хотелось чего-то... попроще.

* * *

Палома не могла знать наверняка, какое влияние имел на судейских ее любезный хозяин; внешне, с тем же Агиери Грациан явно был на ножах... но наемница не сомневалась, что за право взять ее под свою опеку Месьор расплатился сполна, будь то золотом или чем еще, — и подношение было принято. Лишним подтверждением возможностей калеки стало появление Конами, который, точно сторожевая башня вырос над ней спустя часа два, после того как она расстались с Грацианом.

— Месьор велел кое-что передать тебе...

Палома отложила в сторону перо, следя, чтобы капли чернил не попали на наполовину исписанный пергамент.

— Говори.

— Вот его слова: «Иди в сад и скажи женщине, что Четыре Руки — завтра в полдень. Второй — сегодня, восьмой колокол, Меттерианор проводит». Это все.

— Кто такой Метте... Конан ухмыльнулся.

— Меттерианор. Советую запомнить. Это первый карлик Месьора.

— Божественно! — Палома не могла скрыть восхищения. — А у второго имени, видно, длиной отсюда — и до Северных Ворот?

— Еще длиннее! — Улыбка не сходила с лица северянина. Похоже, он был рад слушаю поболтать с хорошенкой женщиной. — Не отвлекаю ли я тебя от дел?

— Ничего, дела подождут. Да ты садись, чего встал столбом. — Палома показала стражнику на низкий трехногий табурет, который слуги принесли сюда чуть раньше, вместе с принадлежностями для письма... похоже, некто был уверен, что гостье захочется поболтать. — Вина?

— Не могу, на службе. — Конан сокрушенно развел руками.

Да, поразилась Палома. Удивительно строгие порядки царят во Дворце...

— Боишься, что промажешь, если я кинусь наутек? — Она оценивающе смерила его взглядом.

Северянин мотнул головой. — Никаких шансов. Не промахнусь. И кроме того, там еще двое — на выходе из сада.

Раз говорит «двоев», значит, не меньше четырех. Впрочем, она ведь не собирается бежать, правда?

Черноволосый страж, в свою очередь, тоже не спускал глаз с женщины. И, с тревогой отметила про себя Палома, смотрел на нее, скорее, как на соперника перед боем. В обычное время она была бы этому только рада: ничто не вызывало у нее большей ненависти, чем самцы, видящие в ней лишь поживу своей похоти... Но здесь, во Дворце, все было слишком запутано, слишком Опасно. Ей не помешал бы хоть один человек, который, для разнообразия, видел бы в ней слабую женщину, нуждающуюся в помощи и защите, а не дикого зверя, за

которым нужен глаз да глаз.

— Ладно, мир, — предложила она первой и подняла руки. Мгновение поколебавшись, Конан ответил на жест, коснувшись ее ладоней своими. — Да что ты так косишься на меня, я не кусаюсь! Светлое Небо, хотела бы я знать, что вам такого обо мне наговорили?!

— Что твой язык ядовитый, как у змеи, что ты красива, как тигрица в дарфарских джунглях, и в запасе у тебя больше трюков, чем у балаганщика на Летней ярмарке, — без тени улыбки ответствовал северянин. — И что тому, кто тебя упустит, сохранят жизнь. Но не пощадят никого из родичей, до пятого колена, включая младенцев и женщин. Ко мне это не относится, я здесь единственный наемник, и у меня нет семьи, однако для остальных это... имеет значение.

Ну что ж, вполне в стиле Грациана. Палома поджала губы.

— Можешь успокоить своих приятелей. Я не собираюсь бежать.

— Он говорил, что ты так и скажешь...

— Бр-р! Зачем тогда мне, вообще, открывать рот? Если ваш драгоценный Месьюор уже все за меня решил?!

Над этим вопросом северянин какое-то время поразмыслил, прежде чем ответить совершенно серьезно:

— У тебя красивый голос, мне нравится тебя слушать. Так что продолжай...

— Будьте вы все неладны! — Палома положительно начинала задыхаться. О, сколько бы она сейчас отдала за простую компанию в какой-нибудь таверне, с незамысловатыми шуточками и пустой болтовней, где в каждом слове не таится нож. — Ну почему в вашем Дворце даже стражник не может быть простым, свойским парнем, без всех этих хитростей и подначек?! Откуда столько умников на мою голову! И кстати — насчет Ринги...

Черноволосый ухмыльнулся.

— Она прислала письмо с гонцом, дней пять назад. Очень короткое. Только твое имя, приметы — и что тебе может понадобиться помочь. Я гадал, как тебя отыскать... но тут ты нашлась сама.

— Но откуда ты ее знаешь? Ты тоже...

— Нет, к вашей службе я отношения не имею. Просто... случайно познакомились года два назад. Он явно не желал распространяться на эту тему. — Не знаю даже, как она выяснила, где меня искать. Впрочем, от этой проныры можно ожидать чего угодно...

— А Месьюор в курсе? Конан кивнул.

Кто бы сомневался... И это многое объясняет!

Ладно, оставим пока эту тему, решила Палома. Кто знает, как многое ему, действительно, известно о делах немедийской тайной службы. Кстати, интересно, было ли у Ринги что-нибудь с этим красавцем-варваром? В отличие от подруги, Палома не слишком интересовалась мужчинами, однако была и не настолько слепа, чтобы не заметить, насколько привлекателен синеглазый киммериец. Готова поставить жалование за полгода, Ринге он разбил сердечко!..

Словно прочитав ее мысли, северянин улыбнулся:

— Как она поживает? И Мораддин?..

— У Ринги все хорошо. А никакого Мораддина. я не знаю.

— Ну как же?! — он был искренне удивлен. — Невысокий такой крепыш, мозгов хватит на десятерых, и язык острый, как жало...

Под это определение подходили слишком многие, однако человека с таким именем

Палома не знала, что еще раз и повторила своему собеседнику. Впрочем, ее отношения с немедийской тайными службой были весьма специфичны: кроме Ринги она не общалась ни с кем, и все задания получала от нее лично. Так что в этом не было ничего удивительного.

— А что ты делаешь для них? — поинтересовался Конан.

Палома задумалась. Все, что она скажет сейчас, станет известно Грациану. Как многое она может рискнуть открыть ему? Хотя, если уж он знает, что в Коршене она готовилась исполнить роль наемного убийцы...

— Все, что придется, — наконец пожала плечами наемница. — За что лучше платят...

— Правильный подход. — Варвар одобрительно кивнул. — Хотя не думаю, что с тобой все так просто.

— Ни с кем не просто... — Она усмехнулась. У северянина, несмотря на грубоватую внешность и манеры, был острый взгляд, и в глазах светился ясный, живой ум. Молод, но далеко пойдет, сказала она себе. И в свою очередь поинтересовалась:

— Ты говорил, что кроме тебя на службе у Месьора нет других наемников. А кто же тогда остальные? И — кто ты такой?

— Вольный бродяга. Наемник, вроде тебя. Я родом из Киммерии, но давно уже мотаюсь по свету. Что же касается тех, кто служит Грациану... Их отцы и деды служили правителям Коршена. Все они с рождения получали то же воспитание, что и дети правителя. Логика, риторика, поэтика... Ну, и боевые искусства, конечно Славные парни — увидишь, когда познакомишься с ними поближе! Преданность у них в крови потому их и зовут кровниками.

— Хм... — Наемница попыталась представить себе эту систему — отважных бойцов, привязанных к своему господину с рождения. Умных, верных, не мыслящих для себя иной жизни, кроме службы графам Коршенским... — Занятно тут у них все устроено.

— Было устроено. Раньше.

— До... графа Лаварро? Стражник кивнул.

— А в чем соль истории? Как он, вообще, пришел к власти?

— Обыкновенно. — По сдержанному тону Конана было видно, что эта тема не доставляет ему особого удовольствия. И все же говорить он не отказывался. Как видно, Грациан решил, что ей следует это узнать. — Был Маргелий, старый граф, бездетный. Паллий, сын его младшего брата был объявлен наследником. А Лаварро женился на Паллие, единогубрной сестре, которая стала матерью Месьора. Выскочка-аргосец, совершеннейший никто. Не будь она в тягости, никогда бы ему не получить ее руку. А так... В Коринфии внебрачный ребенок считается для женщины наихудшим позором. Даже при всех деньгах положении графа, ему не удалось бы сбыть ее с рук. Тем паче, ходили слухи насчет того, кто мог быть...

— Отцом ребенка?

— Да. Но об этом я не стану говорить. К чему Порочить мертвцев!

К тому же, какое значение могли иметь дела сорокалетней давности? Палома и без того уже могла предсказать, что было дальше.

— Трагический несчастный случай, да? Погибли все, кроме Лаварро, его супруги и младенца Месьора? Он стал при ней регентом, затем она отреклась от власти в его пользу. Так?

— Все верно. — Конан задумчиво уставился на проплывающие в вышине облака. — Только в ту пору Месьор еще не родился — так скоро все случилось. Иначе уже он был бы объявлен наследником, и отречение Паллии никому бы ничего не дало...

— Ты ведь не так давно у него на службе — но, похоже, многое успел узнать. — Про себя она отметила, с какой симпатией Конан говорит о Грациане, и это невольно повысило ее уважение к Месьору. Насколько она знала людей типа этого киммерийца, они не дарили свою преданность кому попало.

— Я любопытен. — Варвар засмеялся. — здесь, в Коршене, творятся интересные дела. Узнаешь сама, когда поживешь тут чуть подольше...

Свежий ветерок трепал волосы мужчины и женщины. Аромат жасмина и шиповника приятно щекотал ноздри. Надо будет все же попросить, чтобы прислали портниху, нужны будут платья, не к месту вдруг подумала Палома. Взгляд ее упал на недописанное письмо.

— Что еще хотел Месьор, чтобы я узнала тебя сегодня?

— Он сказал, ты можешь спросить о расстановке сил в городе.

Наемница качнула головой.

— Нет, об этом я предпочту узнать от других.

— Тогда... это все. — Конан изобразил огорчение. — Он сказал, что едва ли ты пожелаешь испробовать на мне свои женские чары. Я, признаться, все же надеялся на это...

От неожиданности Палома хихикнула, совсем по-девически, и сразу стала выглядеть подростком лет пятнадцати; она и не догадывалась, как хороша в это мгновение... И как любуются ею чьи-то глаза из-за зеленой изгороди.

— Никаких шансов, — подразнила она киммерийца. — Ведь с тобой даже если начать целоваться, ты и то будешь бегать к Месьору за указаниями!

— Ну, еще чего! В этом я и сам соображаю неплохо! — Северянин явно оскорбился. — Хочешь проверить?

— Ни за что, — отчеканила она.

...Как ни странно, расстались они почти приятелями.

* * *

— Клянусь Небом, Меттерианор, если бы твой язык был хоть на четверть таким длинным, как твое имя, ты был бы куда более приятным собеседником!

Но на эту реплику Паломы, равно как и на все предшествующие, в ответ раздалось лишь нечленораздельное бурчание.

— Тебе, должно быть, от зевоты скулы сводит, если вдруг посмотришь в зеркало, — не унималась наемница, которая словно задалась целью за время их прогулки довести своего провожатого до белого каления. — Потому что в нем ты видишь самого скучного человека на свете!

— Не смешно, — неожиданно отозвался карлик. Так он все-таки умеет говорить! От неожиданности Палома даже споткнулась и растянулась бы на мостовой, если бы Меттерианор не подставил ей вовремя руку. — Смотри, куда идешь, женщина!

— Меня зовут Палома, к твоему сведению, — оскорбилась она. — И я, кстати, называю тебя по имени.

— Верно. Только потому я и разговариваю с тобой. Все прочие самки норовят обозвать меня Метти или малышом...

Самки, ну надо же!.. У Паломы готов был сорваться с языка резкий ответ, и все же она сдержалась. Этот человечек мог быть очень опасным врагом — у нее были причины так

полагать. И кроме того, кто она такая, чтобы судить несчастного уродца? Стоит лишь представить себе его жизнь: наверняка, у него имелась масса причин ненавидеть окружающих.

...Как и было обещано, Меттерианор явился за ней ближе к восьмому колоколу, когда уже совсем стемнело, чтобы проводить на встречу с Гарбо. Наемница не стала спрашивать, куда они идут. И без того ясно было, что в какой-нибудь воровской притон.

Неизвестная в своем мужском платье, с волосами, спрятанными под капюшон плаща, она чувствовала себя на улицах города совершенно спокойно. Конан даже выделил ей короткий меч и пару метательных кинжалов — поразительное доверие со стороны Месьора! Впрочем, она не сомневалась, что за ними следят его люди, которым дан приказ не спускать глаз с пленницы. До пятого колена, включая женщин и младенцев... — она хорошо помнила слова северянина. Так что мысль о побеге хоть и мелькала порой, но скорее так, по привычке, не всерьез.

Однако, благодаря своему спутнику, у нее не было никаких шансов остаться незамеченной, если кому-то еще вздумалось бы проследить за ними. Карлик с тем же успехом мог нести штандарт своего хозяина... Что это, небрежность с его стороны, или расчет? В первое Палома не верила. Грациан не допускал небрежностей. Но зачем ему нужно, чтобы в городе знали о том, что кто-то из его людей встречается с одним из коршенских «черных баронов»? Не удержавшись, она спросила об этом Меттерианора.

— Не имеет значения, там, куда мы идем, — загадочно отрезал тот. — Тебе — опаснее. Спрячь волосы!

Рука ее послушно дернулась заправить выбившуюся прядь. Что ж, могло быть только одно место, где женщина привлечет к себе больше внимания, чем карлик-уродец. Она хмыкнула. Будем надеяться, Гарбо не воспримет ее появление там как намек...

— Последний вопрос, — прошептала Палома, когда они с широкой торговой улицы, совершенно вымершей с наступлением ночи, свернули в оживленный квартал, где все двери были откровенно выкрашены красным... что лишний раз подтвердило ее догадки. — Скажи-ка, не случилось ли чего-нибудь важного на коршенском Дне за последнюю, скажем, седмицу?

Карлик подозрительно покосился на нее из-под густых черных бровей.

— Тебе-то что до того?

Ну, с нее было довольно дерзостей!

— Отвечай на вопрос! — прошипела наемница. И человечек ощутимо дернулся — почувствовал, как незащищенную шею кольнуло острие ножа. — Я была вежлива с тобой, Меттерианор.

— Ладно, ладно, убери... — Он не был испуган. Скорее даже, в голосе звучало уважение. — Был тут небольшой переполох три дня назад. Кто-то поджег дом Тусцеллы, это один из троих Старших в Нижнем Коршене. Но хитрый лис сумел выбраться. А так — немало его народу сгорело заживо. Попыхнуло сразу — болтают даже, без колдовства не обошлось.

— Хм. — Палома нахмурилась, одновременно отталкивая какую-то чересчур ретивую шлюху, пытавшуюся затянуть «молодых господ поразвлечься». — Узнали, кто за этим стоял?

Карлик покачал головой.

— Нет. Иначе тут уже такая бойня бы началась... Нам сюда. — Он указал на неприметную дверь с облупившейся алой краской.

— Дешево как-то... — Палома подчеркнуто скривилась. На самом деле, мозг ее сейчас

работал с бешеной скоростью, оценивая то, что сообщил коротышка, и сопоставляя это с уже известными фактами. М-да, бедняга Гарбо... — Неужели у слуг Месьора не хватает денег на бордели побогаче?

Но у Меттерианора уже, как видно, прошел приступ болтливости, он вновь вернулся к обычному бурчанию. Последним его наставлением, прежде чем они переступили порог, было:

— Милалу попросишь.

— А деньги?

— Заплачено...

И постараися получить удовольствие, — со злой усмешкой сказала сама себе Палома.

* * *

Милала, оказавшаяся толстой шемиткой с потертый физиономией и ничего не выражающим взглядом чуть раскосых глаз, безмолвно повела «клиента» наверх по отчаянно скрипучей лестнице. По крайней мере, ни одна собака не подберется незамеченной, оценила Палома.

Карлик остался в нижнем зале, где гостям предлагали вино и танцевали под бубеный разнобой три костлявые девчушки в странных нарядах, должны, видимо, изображать кхитайских наложниц. Танцовщиц было едва ли не больше, чем зрителей...

Убогое заведение. Ей до сих пор не доводилось бывать в борделях, но почему-то она представляла себе нечто утонченно-порочное, место, где разврат возведен в ранг искусства... Какой ужасный обман!

Задумавшись, она едва не воткнулась носом в жирную спину Милалы.

Остановившись, перед дверью, та низко поклонилась:

— Прошу сюда, молодой господин.

— Войди первой, — сухо велела наемница.

Ничему не удивляющаяся шемитка молча повиновалась. И лишь убедившись, что здесь нет никакой ловушки, Палома последовала за ней.

— Распорядиться насчет вина, господин? — спросила шлюха уже с порога: ей явно был дан приказ ни мгновения лишнего не задерживаться в этой комнате.

— Нет, ступай.

Та исчезла мгновенно. Палома выждала, пока проскрипят все пятнадцать — сосчитала! — ступенек лестницы, и окликнула:

— Выйдешь сам, или станем в жмурки играть? Только ведь я искать буду вот этим... — Она подкинула на ладони метательный нож.

Несколько мгновений висело молчание, и девушка уже подумала, что ошиблась...

— Велико было искушение проверить твою меткость — но не стану рисковать. — Гарбо выскользнул из-за полога кровати — единственного предмета меблировки в крохотной комнатке. — Здравствуй, сестричка.

— Здравствуй и ты, брат.

Они смерили друг друга взглядами — почти как тогда, перед поединком.

— Мне нужна твоя помощь, — коротко произнесла она.

Коринфиец выглядел расстроенным.

— Вот так сразу, с ходу? Никаких тебе братских объятий, поцелуев, ни даже «Гарбо, дорогой, как твои дела»?..

— Целоваться будешь с Милалой. А дела твои мне и без того известны. Поздравить не с чем.

— Это верно. — Гарбо вмиг помрачнел, напускную веселость как рукой сняло. — Какая-то тварь нас продала. Хорошо еще, что эти ублюдки не знали точно, кто их нанял. Иначе...

Палома понимающе кивнула, присаживаясь на краешек широкого ложа. Коринфиец примостился с другой стороны.

— Что ж, значит походишь еще какое-то время третьим. Не все сразу...

Гарбо скривился.

— Умеешь ты утешить, нечего сказать!

— Не взыщи. — У Паломы хватало и своих проблем, сочувствовать вору она не собиралась. Сам виноват — если уж замышляешь расправиться с конкурентом, будь любезен подготовиться как следует. Поджечь дом — это же надо было удумать такое! Более ненадежный план и представить трудно...

— Ладно, зачем звала? — До Гарбо, похоже, дошло, что соболезнаний от наемницы ему не дождаться. — Может, выпить хочешь?

— Нет. И тебе не советую. Пить надо, когда Победу празднуешь. А неудачу вином заливать — последнее дело!

— Суровая ты... — Однако глаза его неожиданно потеплели. Как ни странно, но жесткость Паломы, похоже, оказала на коринфийца целительное воздействие. — Так что я могу для тебя сделать, сестра?

— То самое, о чем мы с тобой тогда говорили. Помнишь, немедиц с улицы Горшечников по имени Скавро. Якшался, как выяснилось, с огромной толпой народа, странно, что у вас о нем никто не слышал. Мне нужно узнать о нем как можно больше. И самое главное — последние дни. Что он делал, кто к нему ходил. До последних мелочей.

Гарбо задумался.

— Непростое дело. Вот если бы украсть что...

— Это я и без тебя могу. — Палома хмыкнула, вспомнив былые деньги в Заморе. — Но тут дело потоньше. Аккуратно нужно ступать, чтобы воду не взбаламутить. Да, и вот еще что... — В мозгу ее внезапно вспыхнула мысль. — Пусть кто-нибудь обойдет все окрестные лавки. Я хочу знать, что он покупал.

— Зачем??

Она пожала плечами. Так, интуиция, неоформившаяся догадка.

— Просто сделай, что я тебя прошу, ладно?

Коринфиец ответил не сразу. Бросил на девушку оценивающий взгляд. И наконец вымолвил задумчиво:

— А ведь я не в долгу перед тобой, Оса. Она поняла намек.

— Знаю. Все будет оплачено. Назовешь сумму.

— Это само собой. Но я о другом. Палома мгновенно ощерилась.

— О чем же? Ты ведь не так глуп, чтобы нанеся, что я расплачусь собой!

— Это худшее, что я слышал за свою жизнь! Бессердечная!.. — Черный барон заломил руки, вскинул брови с выражением самого непритворного горя — но тут же сменил тон. — Нет, если серьезно, ты восхитительная женщина, и меня больно ранит твоё равнодушие к

моим мужским достоинствам... Однако я хочу, чтобы ты расплатилась чем-то куда более ценным, чем твое роскошное тело...

— И что же это такое? — Палома была сбита с толку.

— Твои мозги.

— Ты... — Она не смогла сдержать смеха. — Ты хочешь их вылущить, как горошину из стручка?

Съесть на завтрак, в надежде, что поумнеешь. Не поможет, дорогой, мне жаль тебя огорчать! Гарбо засмеялся тоже.

— Ты безжалостна. И умна. Ты ведь уже поняла, что мне нужно, правда?

— О, да.

— Мне бы не хотелось встревать в ваши дрязги...

— Но ты уже сделала это.

Верно, в тот самый миг, когда побраталась с ним волком. Когда решила обратиться к нему за помощью. Он наложил на нее долг чести — и Палома уже не могла отступить. Он поймал ее в ловушку.

— Ладно. Помоги мне с моим делом. Потом — я подумаю, что нам предпринять с твоим. Все равно нужно время, чтобы Тусцелла успокоился. Первое время после покушения они все будут слишком настороже.

Темные глаза коринфийца расширились, когда он понял, что ей известно даже имя его врага.

— Воистину, ты — дар богов, Палома, — пробормотал он в восхищении.

Наемница усмехнулась.

— Дары богов опасны для смертных, брат. Будь осторожен.

— Я всегда осторожен... — Он задумался, что-то прикидывая про себя. — Не ищи меня больше. Я найду способ тебя известить, как только узнаю что смогу про твоего немедийца.

— Тогда — до встречи. И да пребудет с тобой удача. — Она поднялась, поправляя волосы, и направилась к двери.

— Удачи и тебе, сестра...

* * *

Как и обещал Грациан, на следующий день Палому ждала еще одна встреча.

После всех этих проныр-коринфийцев, слишком умных для собственного блага, Эрверд Четыре Руки показался Паломе истинным благословением. Его радость при встрече была незатейлива и искренна, как глоток родниковой воды, а когда он поклялся наемнице, что в благодарность за подаренную свободу готов сделать для нее все, что угодно — то он имел в виду ровно то, что сказал, не больше и не меньше, без уже опровергнутых ей двойных смыслов, намеков и торговли. Помилуй Небо, а ведь когда-то туранцы казались ей самым хитрым и лукавым народом на свете. Да один коринфиец на медный сикль купит десяток туранцев, и еще сдача останется!

Больше всего ей хотелось бы провести с заморийцем день-другой, пошататься по городу, как в старые добрые времена — по Асгалуну, навести, пару кабаков, пометать ножи на спор, может быть, заглянуть в оружейную лавку, прицениться к лошадям на ярмарке... в общем, насладиться всеми этими простыми радостями, которые так давно сделались ей недоступны.

Увы. Увы. Во славу прошлых деньков они откупорили и саду кувшин розового коринфийского из запасов Месьора, но доброй пирушки не получилось. Эрверд начал было орать какую-то непристойную песню, но осекся на втором же куплете, пожал плечами. Середина дня, да еще дорога впереди — какое уж тут веселье?..

Провожая его на конюшню, Палома клятвенно пообещала приятелю, что по его возвращению они все же устроят кутеж, да такой, что в Коршене еще три года будут чесать языки... Звучало фальшиво. Она могла лишь надеяться, что Эрверд, простая душа, не расслышит.

Он тревожился за нее. Единственный из всех, пожалуй.

— Может, сказать этой твоей Ринге, во что ты тут влипла? Пусть поможет, отпишет сюда в Коршен, что ли?

Но Палома настрого запретила ему делать это. Во-первых, вмешательство бельверусских властей ничего не даст, для коринфийских судей их слово весит меньше пушинки. Во-вторых, Ринге хватит и без того забот, со всем тем, что она сообщает про Скавро.

— Ты, главное, постарайся обернуться поскорее. И поосторожнее там, в пути... Через десять дней буду ждать тебя обратно!

Сноровисто седлая жеребца из конюшни Месьора, которого хозяин утром любезно согласился выделить гонцу, Эрверд сосредоточенно кивнул.

Дороги на западе последние годы не отличались надежностью. Бандиты нападали стремительно, убивали, грабили, жгли... и исчезали, растворяясь в горах и лесах, точно дикие призраки, порожденные самой Ночью.

Спасения от них не было. Ни коринфийские, ни немедийские власти не желали оголять границы, посыпая отряды для охраны дорог. Преступная глупость, по мнению Паломы — но кто спрашивал ее мнение?!

Вместе с Эрвердом, ведя на поводу жеребца, она прошла до ворот, запиравших огороженный внутренний двор-сад и многочисленные пристройки.

Эта задняя часть Дворца, включавшая также два боковых крыла, и служила, собственно, жилищем Месьору... все, что осталось ему от владений предков. Передняя — самая роскошная и парадная часть, где разместилась тюрьма, — принадлежала ныне городу... и Паломе уже довелось повидать, во что ее превратили.

Интересно, что должен чувствовать калека, ежедневно созерцающий это располовиненное здание, намеренно изуродованное, испохабленное, словно в насмешку над его предками и над ним самим?

Хорошо хоть, у Месьора хватало денег, чтобы оставшуюся часть поддерживать в относительном порядке... да и то следы запустения исподволь виднелись повсюду, точно зловредная плесень, от которой нет спасения в сырость.

...На глазах у подозрительно косящегося на странную парочку стража, Палома обняла своего гонца, в последний раз повторяя ему все наставления. Тот, зараженный, как видно, ее первозданностью, не нашел в себе даже сил для прощальной шутки, и только махнул рукой.

— Ты это, Оса... поосторожней тут. Я послушал, чего ребята болтали, там, в камере... Змеиное гнездо, одним словом. Поосторожней!..

Наемница сосредоточенно кивнула.

— Возвращайся поскорее!

Она не стала лишний раз напоминать заморийцу, как многое для нее будет зависеть от его благополучного возвращения и от тех вестей, что он привезет. Именно поэтому она не

решилась довериться никому из слуг Месьора, хотя тот настойчиво предлагал своих гонцов. Нет уж. Она верит только своим!

Дождавшись, пока стук копыт по мостовой затихнет в отдалении, Палома развернулась и, не глядя по сторонам, направилась обратно. На душе было скверно, дурные предчувствия грызли сердце, точно мыши — сухую корку... но, хвала Небу, в саду еще, кажется, оставалась початая бутыль вина...

Глава V

— О город воров! Немедленно оставь мой кувшин в покое! Где тебя учили приличиям, парень?

Лукавые голубые глаза воззрились на девушку поверх глиняной кружки, по самый ободок наполненной отборным розовым вином... тем самым розовым!

— Твое здоровье, прекраснейшая! — Человечек в потрепанной малиновой тунике, нахально развалившийся за ее столом, единственным глотком осушил кружку. — Вот видишь, и бедным скульпторам не чужды хорошие манеры...

А, то-то лицо показалась ей знакомым. Месьор не счел нужным их представить друг другу, но она видела этого хорька в саду, сосредоточенно уродующего какую-то мраморную глыбу.

— Я сказала, оставь кувшин в покое, — хмуро велела ему наемница, заметив, что голубоглазый вновь потянулся за вином, и, подумав немного, пылила остатки во вторую кружку. Пить ей не хотелось — но не оставлять же ему! — Что тебе от меня нужно?

Как она и надеялась, резкий тон оскорбил хорька. Тот обиженно вздернул брови.

— Твоим самомнением можно на ночь укрываться! Это ты ко мне пришла, а не я к тебе. Я-то просто наслаждался прекрасным деньком, потягивал винцо...

— Которое не тебе принесли.

— И что с того? У кувшина на пустом столе нет хозяина, разве не знаешь? Первая заповедь...

Типаж был ясен. Гуляка и пьяница, любитель покутить за чужой счет — но при этом далеко не глуп. Паломе немало таких встречалось на жизненном пути. Рано или поздно собственное разгильдяйство и ни на чем не основанная самоуверенность доводили их до беды, и сердобольным друзьям, проклиная все на свете, приходилось за уши вытаскивать «героев» из очередного деръма. А те, едва отряхнувшись, как жизнерадостные щенки, бодро устремлялись вперед по жизни, свято уповая на то, что и в следующий раз беда их непременно минует...

Но у каждого кувшина рано или поздно находится хозяин.

Почувствовав напряжение, скульптор смущенно шмыгнул носом.

— Знаешь, я терпеть не могу, когда на меня кто-то сердится. Это отравляет мне настроение. Давай начнем сначала, не возражаешь? Может со второго захода у нас лучше получится?.. — Он встал, держась за столешницу (сказывалось выпитое под жарким солнцем вино), церемонно поклонился. — Мое имя — Тальер Камнерез, любезная госпожа. Всегда к твоим услугам. Скульптуры, идолы для святилищ и домашних молелен, камеи, надгробия...

— Вот-вот, особенно последнее!

— Ничего забавного не вижу — для женщины, которой жить-то, возможно, осталось не больше одной луны. Самое время позаботиться о надгробии, не находишь? Или у тебя совсем нет денег?

Последнее предположение привело скульптора в отчаяние. Комично округлив глаза, он уставился на наемницу. Та несколько мгновений колебалась, не перерезать ли маленькому ублюдку горло, но...

Палома усиленно пыталась сохранить серьезность — и все же ей это не удалось. Она расхохоталась, с наслаждением ощущая, как отлетает прочь тяжесть этого дня и сmurная

завеса развеивается в дым.

— Хорошо, — послышался голос у нее за спиной. — Месьор сказал, если тарантиец до сих пор жив и здоров, то госпожа Удача явно на его стороне. За это стоит выпить!

Приветственно хлопнув скульптора по плечу, над ними навис Конан. Палома чуть отодвинулась, чтобы взглянуть на него снизу вверх. На стол северянин осторожно опустил пузатый глиняный кувшин.

Затем стражник махнул рукой, все так же не дожидаясь приглашения, и темнокожий раб выскользнул из-за зеленой изгороди, торжественно волоча третье кресло. За ним показался еще один — с подносом, где высилась гора спелых фруктов, какие-то легкие закуски и серебряные кубки.

Палома с подозрением оглядела все это великолепие.

— По какому поводу пир?

Тальер, не мучаясь излишними сомнениями, с жадностью накинулся на еду, повелительным жестом ткнув в свой бокал, который тут же был наполнен до краев.

— Разве для этого нужен повод? Радуйся жизни, пока можешь, таков мой девиз!

— Отлично сказано, — поддержал его Конан, выжидательно косясь на Палому. Та пожала плечами и крохотным серебряным ножиком аккуратно принялась нарезать на дольки яблоко.

— Сколько всего стражников на службе у Месьора?

Этот неожиданный вопрос явно застал северянина врасплох.

— Восемнадцать, — ответил он наконец.

— Тогда, во имя Неба, почему я все время вижу тебя одного?

Скульптор захохотал.

— Вот, медведь, уела она тебя! А ты-то считал себя неотразимым... Ну, скажи честно?

В глазах киммерийца мелькнула тень досады.

— Уж не чета тебе, комар! Вспомни, кто в «Серебряной луне» получил подносом по голове от танцовщицы?

Тальер замахал руками, обвиняя приятеля в подлых интригах и покушении на его славное имя, на что Конан тут же поспешил с новыми подробностями давней истории... Палома с все возрастающим недоумением следила за этой перепалкой. Что общего может быть у проныры-камнереза с воином-северянином? В их дружеской болтовне не чувствовалось притворства, хотя ее по-прежнему не оставляло подозрение, что вся эта сцена затеяна специально для нее. Но с какой целью? Или просто Коршен со своими постоянными заговорами потихоньку сводит ее с ума?

Наконец, словно лишь сейчас вспомнив о присутствии девушки, стражник обернулся к ней.

— Кстати, Месьор распорядился насчет швеи. Она будет ждать в твоих покоях до вечера.

Отлично. Скромный дорожный гардероб, который был у нее с собой, явно не подходил для Дворца, так что Палома оценила заботу своего гостеприимного хозяина. Знать бы еще, что стоит за этой щедростью...

— Как я смогу отблагодарить Месьора за заботу?

— О! — Маленький скульптор поспешил наполнить ее кубок. — Наш господин щедр с теми, кто исполняет его волю. Он дал мне приют и возможность творить, когда злодейкой-судьбой я был низвергнут на самое дно... доброта его, воистину, не знает границ. Хотя, видит Митра, порой он расточает ее на недостойных!

— Ты — жалкий завистник, Тальер, — засмеялся Конан, заговорщически улыбаясь Паломе. — Ему, видите ли, хочется быть единственным... Но, Кром свидетель, Ниано не так уж плох, что бы ты ни говорил о нем!

— Ниано? Кто это?

— Пф-фу! — Подвижная мордочка скульптора изобразила высшую степень презрения. — Как я могу завидовать этому жалкому подмастерью? Его мозаики — это же сущее недоразумение. Ег-ли бы ты, неотесанный деревенщина, хоть раз побывал в тарантийском храме Тысячи Лучей, или хотя бы в Бельверусе, в святилище Меча Митры... Да ты бы лишний раз и не взглянул на его жалкие потуги!

— Не знаю, по-моему, он неплохой парень. — Конан пожал широченными плечами. — Ну, а Силенций-то тебе чем не угодил?

— Этот осипший петух?! — Маленький скульптор так и взвился на месте, едва не опрокинув кувшин. — Да он трех нот подряд не возьмет, чтобы четыре раза не сфальшивить!

— Имир и ледяные демоны! — Северянин закатил глаза. — И это люди искусства! Готовы глотки друг дружке перегрызть — и все ради чего? Чтобы доказать, кто из них лучше понимает прекрасное... У нас, у воинов, с этим, по крайней мере, проще. — Он подмигнул Паломе.

— Определенно, — согласилась она. — А что, те парни и впрямь так плохи?

— Шутишь! Этот комар просто ревнует. Насчет мозаиста не скажу, для меня их картинки — темный лес. Зато от женщин нет отбоя, так и вешаются на него.

— А музыкант?

— Слишком богат, — вынес Конан приговор. — Это, как ты сама понимаешь, еще больший грех.

Она понимающе кивнула.

— Разумеется. Художник должен быть нищ и уродлив. Так они говорят. Но при этом имеют в виду всех остальных — кроме себя, конечно же!

Камнерез нахохлился, со злостью уродуя ножом яблоко. Неожиданно, приглядевшись, Палома заметила, что на очищенной стороне плода простили знакомые черты. Ого! Конан — как живой, только в совершенно карикатурном, гротескном виде, но похож... до чего же похож!

— Помилосердствуйте, о мастер! — взмолилась она, завидев, что Тальер потянулся за новым яблоком. — Клянусь, я больше и слова не скажу против вашего искусства!

— То-то же! — Он удовлетворенно погрозил ей пальцем, вручая первый портрет северянину. Тот несколько мгновений смотрел на него, затем решительным движением затолкал в рот и захрумкал, довольный.

— Вот. Судьба всякого шедевра, — горестно констатировал скульптор.

Смеясь, Палома разлила вино по кубкам. Умышленно или нет, но этим двоим удалось отвлечь ее от грустных мыслей, и она была им благодарна. Однако, стоило ей заикнуться об этом, как наемнице пришлось горько пожалеть о своих словах.

— Слова ничего не весят на весах Митры. Только добрые деяния могут склонить чашу, — со жреческой напыщенностью провозгласил камнерез. — Ты в долгу передо мной, женщина, и настал час расплаты.

Вот как? Чего же, интересно, собрался потребовать этот крысенок?

Однако даже в самых диких снах ей бы не предвиделось такого.

— Я буду ваять с тебя богиню Иштар! ^ ^ Богиню сладострастия?! С нее? Палома едва

удержалась, чтобы не запустить в маленького наглеца кувшином.

— Глупая женщина! — Скульптор был возмущен. — Да ты же будешь прославлена в веках! Это все, что останется от тебя, когда самое имя твое забудет ветер...

— Болтун! — Такие слова рассердили ее не на шутку. — Случится война — и от твоих изваяний останется только пыль. Кто тут смеет говорить о вечности?

— Истинная красота не подвластна стали!

— Болтовня! — Теперь уже рассердился киммериец. — На свете нет ничего, с чем не совладал бы добрый клинок! Впрочем... — синие глаза его внезапно заискрились весельем, — Для некоторых мелких неприятностей вполне хватит и доброго удара кулаком...

— Эй, эй! Я ничего такого не хотел сказать! — испуганно замахал руками скульптор. — Не хочет она быть Иштар — не надо. Я уже передумал! Возьму моделью ту малышку из Шамара, помнишь, Конан, она еще танцевала в «Солнечном Лотосе»...

Палома с деланной обидой поджала губы.

— Как? И не сохранишь мой образ для вечности? А мужчины еще толкуют о женском непостоянстве!.. Ты изменчив, как морской ветер, Тальер Камнерез! Впрочем, чего еще ждать от аквилонца!

— Не горюй; красавица, — поспешил утешить ее стражник. — Пока ты в Коршене, тебе не придется жаловаться на недостаток внимания. Держу пари, едва Силенций увидит тебя, он посвятит тебе не меньше трех баллад и с десяток альб. А Ниано увековечит твой лик в своей лучшей мозаике...

— Буду ждать с нетерпением. Они живут тоже здесь, во Дворце?

— Только мозаист. Но он нелюдим, мы его почти не видим. А рифмоплет — гость самого графа, поет у него на званых вечерах. Рано или поздно ты будешь иметь счастье его услышать.

— Счастье! Ну надо же! Да ей счастьем будет залить уши воском, как и всем нам, впрочем... — Скульптор буквально сочился ядом, а Конан продолжал подначивать приятеля.

Она улыбнулась, краем уха прислушиваясь к перепалке двух друзей, но мысли ее были далеко отсюда. Наёмница пыталась понять, не почудилось ли ей, как пару мгновений назад за спиной у северянина кусты дрогнули как-то странно... словно там все это время стоял некто, с интересом прислушивавшийся к беседе. Некто маленького роста, совсем маленького, как, скажем, Меттерианор или его брат, имени которого Палома до сих пор не могла запомнить. Что, любопытно узнать, вынес карлик из их разговора? И кому отправился пересказать то, что услышал?

Нетерпение внезапно овладело ею, тот самый странный охотничий инстинкт, что пробуждался внезапно, порой толкая наёмницу на самые неожиданные поступки. Чутье редко обманывало ее... Она резко поднялась с места.

— Позвольте проститься с вами, месьоры. Меня, кажется, ждет швея. А потом... Конан, не будет ли возражений, если я отправлюсь на небольшую прогулку?

Разумеется, он пожелал знать куда. Палома не видела причин не сказать ему.

— Хочу еще раз наведаться в дом Скавро. Пока хозяин не сдал его комнаты кому-то другому...

Ее верный страж не возражал. Более того, заявил он, Месьор предвидел, что у гости может возникнуть подобное желание.

У маленького аквилонца вспыхнули глаза.

— В дом убитого?! О, какой восторг, сколько новых впечатлений! Я... я тоже пойду с

вами!

— Милосердное Небо! — Палома в изумлении воззрилась на скульптора. — Зачем?

— Я же говорил, он — воплощенное любопытство, — засмеялся Конан. — Но, впрочем, у него верный глаз. А ум почти также остер, как и язык. Возможно, нам стоит потерпеть его общество еще немного...

— Нам? Сказать правду, я и от тебя надеялась отдохнуть! Женщины никогда не говорили тебе,

что излишняя привязчивость — грех для мужчины?

— Говорили, увы, — отозвался тот сокрушенno. — Но натуру не изменишь. А потом, кто знает... возможно, рано или поздно, ты ко мне привыкнешь.

Он улыбался... но глаза его были серьезны, и Паломе это не пришлось по душе. Северянин нравился ей, жаль будет ранить его, а это неминуемо. Всякий раз, когда случалось подобное, она чувствовала неловкость, из-за того что не могла ответить на их чувства, всех этих прекрасных мужчин, которые искренне и со всей страстью увлекались ею. И то, что она не подавала им никаких надежд и ей не в чем было себя упрекнуть, ничего не меняло.

Наемница все равно ощущала смутную вину. И одновременно — досаду. Почти раздражение. Ну почему — о, почему они не могут оставить все как есть?!

Оставалось лишь надеяться, что сейчас ей просто почудился этот огонек в глазах киммерийца, и в любом случае, он будет помнить о том, что он прежде всего, — воин, а потом уже все остальное...

Как бы то ни было, в ее планах на вечер это ничего не меняло.

— Тогда ждите меня у ворот после шестого колокола, — велела она своим спутникам. — Опоздаете — пойду одна.

Ах, если бы... Но Палома не сомневалась, что оба будут на месте в назначенный час.

Жилище немедийца показалось Паломе еще более отвратительным, чем в первое посещение.

На поверку, здесь оказалось две комнаты: первая, где, собственно, и произошло убийство, и еще одна, скорее чулан — без окон и мебели, тесный и душный. Причем вход они обнаружили совершенно случайно, его закрывал высокий полог кровати, придвинутой вплотную к двери.

— Похоже, эту комнатенку никто не использовал, — задумчиво промолвил Конан. — Да оно и понятно: для чего можно приспособить такую конуру?

Стражнику неожиданно возразил тарантиец:

— Не скажи. Вот, смотри... — Он ткнул пальцем в следы на полу. — Кровать двигали и до нас. И не один раз. Видишь?.. Значит, дверь скрывали нарочно.

Палома кивнула.

— Кто-то мог прятаться там. Подслушивать разговор в комнате. Или если немедиец не желал, чтобы двое его гостей встретились друг с дружкой.

И все же это мало что могло дать ей: о двойной — если не тройной — жизни барона Скавро ей и без того было отлично известно, а это лишнее подтверждение не таило в себе никаких откровений.

Для очистки совести она простучала пол и стены на предмет возможных тайников, внимательно осмотрела сундук, служивший также столом... пусто — как у нее в голове! В полном отчаянии она изучила кресло, где сидел убитый, и даже окно... Ничего!

Под внимательными взглядами двоих спутников ее охватывала неловкость: они словно

ждали от нее каких-то чудес, а она оказалась совершенно беспомощна... как шарлатан на ярмарке, забывший свой коронный фокус.

Оставалась только кровать. Хлипкое сооружение из грубо оструганных досок, на которые был брошен соломенный тюфяк, с четырьмя столбиками по углам, со свисающим пологом.

Ну, полог — понятно. Единственное, пожалуй, что здесь имело смысл. Как они уже знали, эта тряпка закрывала вход в потайную комнату. Что же до остального...

— Одного я никак не пойму, — скорее сама себе пробормотала наемница. — Ну ладно, парень обитал тут под чужим именем, и все прочее... Но почему в такой нищете? Где сменная одежда? Посуда? И, в конце концов, как он мог спать здесь? Ни одеяла, ничего...

Она брезгливо потыкала пальцем тюфяк. Солома была сырой, от нее шел ощутимый гнилой душок. Бр-р... Палому передернуло от отвращения.

— Нет, — уверенно промолвила она наконец. — Не мог он тут спать. Не мог, уж поверьте.

Конан первым смекнул, что это могло означать.

— Еще одна нора?

— Вероятнее всего. — Наемница на несколько мгновений задумалась, затем решительно велела:

— Вот что. Оставайтесь пока здесь, а я схожу поговорю с хозяином.

Конечно, шансы на то, что второе убежище немедийца находилось здесь же, были невелики, логика подсказывала, что Скавро постарался бы подыскать себе берлогу как можно дальше отсюда, возможно, по контрасту, в одном из богатых районов города, но — демон его знает... Проверить не мешает!

Выбравшись на улицу и обойдя строение кругом, Палома отыскала вход на постоянный двор, к которому, собственно, и относилась пристройка, где жил немедийский барон.

Хозяин, сухопарый мужчина лет пятидесяти, жилистый и весь какой-то дерганый, с уродливым шрамом через левую щеку — от удара ножом, профессионально определила Палома, — встретил гостью неприветливо, отказался выпить с ней вина и даже за стол сел лишь после долгих уговоров... должно быть, надеялся, что если они останутся стоять, то неприятная посетительница скорее уйдет.

— Ничего я не знаю, тысячу раз повторял уже, — заученно заявил он с ходу, хмуро уставившись в пол. — Комнаты сдаю — а что они там делают, в это я не лезу. За это мне и платят — чтобы лишних вопросов не задавал. Кто к кому ходит, не слежу. Лишь бы платили вовремя!

Нет, никаких других комнат, кроме боковой пристройки тот парень не снимал. Нет, ни раньше, и никогда. Нет, гостей его он не видел — пристройка самая укромная, вход у нее отдельный, с другой улицы даже, за это она немедийцу и понравилась. Собственно, хозяин и понятия не имел, что парень родом из Немедии. И имени не знал. Он и видел-то его всего пару раз — когда тот деньги отдавал. Всякий раз вперед, то за три луны, а то и за полгода.

— А в последний раз когда он заплатил?

Две луны назад. И как раз за две луны, меньше чем обычно. Так что как раз вот срок через два дня подойдет — и можно будет еще кому-нибудь сдать...

Все это внезапно навело Палому на мысль.

— А скажи, дружище, — ласково заметила она, пододвигая хозяину очередную монету из тех, что передал ей Конан специально для этих целей, — Если я надумаю что-нибудь

снять у тебя, есть еще комнаты свободные? Только поприличнее. Самые лучшие, какие есть. Но, главное, чтобы вход тоже отдельный...

Тот задумался.

— Прямо сейчас нету, — с сожалением ответил он. — Только тут, наверху, над обеденным залом.

— А вообще — есть?

— Ну да. Купец один снимает. Там роскошно, дворец целый! Десять золотых за седмицу платит, и тоже на полгода вперед. Как раз вот должен завтра появиться...

— А как не появится?.. Сдашь тогда? Видно было, что жадность борется в нем с осторожностью — и одерживает победу.

— Поглядим. Ты подойди через денек, поговорим...

— А где же он находится, этот твой «дворец»? — Палома старалась не выдать охватившего ее возбуждения. Конечно, весьма вероятно, что это лишь случайное совпадение, и все же... чутье подсказывало, что удача на сей раз ей улыбнулась.

— Да как на улицу Горшечников выйдешь — так по правую руку и увидишь. Крыша там еще красной черепицей покрыта. Полдома не мои, золотых дел мастер Газир там живет, а вторую половину я у него откупил пять лет назад за долги. Волею Митры, и другую откуплю со временем... — На лице хозяина появилось мечтательное выражение, даже изуродованное лицо слегка разгладилось. — Так что, добрая госпожа, приходи, буду ждать... — И обеспокоенно добавил, — Надеюсь, Месьор останется доволен моей помощью?

Откуда, интересно, этот проныра узнал, что она связана с Грацианом? Палома не стала спрашивать. Либо у хозяина свои источники информации, и тогда он их, разумеется, не выдаст, либо, что вероятнее, кто-то из Дворца заранее предупредил, что светловолосая чужестранка появится и станет задавать вопросы.

Она все же не удержалась:

— Ты с ним знаком?

— Как можно?! — Тот в испуге замахал руками. — Кто я, и кто — он! Но любой человек в городе будет рад исполнить волю Месьора!

Некоронованный король Коршена... Интересно, вызывает ли у горожан подобные чувства законный правитель?

Распрощавшись с хозяином постоянного двора, она вновь вышла на улицу Горшечников. Дом, крытый красной черепицей, она заметила сразу. Половина окон были темными, там явно не было ни души. Через крохотный садик, огороженный низким каменным забором, к дверям вела дорожка, посыпанная желтым песком. Палома оглянулась на пристройку, где дожидались ее Конан со скульптором, но, поразмыслив, решила не тратить время. Если все обстоит так, как она надеется, то можно будет позвать их позже. Но сперва лучше все проверить самой... И наемница кошачьим осторожным шагом направилась ко входу в дом.

...Нехитрый замок поддался почти сразу: тонкий кинжал сыграл роль отмычки. Палома оказалась в узком полутемном коридоре. И сразу поняла — победа!

Восточные благовония. Этот запах вошел в моду в Бельверусе в прошлом году... Здесь аромат был едва уловимым — но ее тонкое обоняние мгновенно вычленило его из прочих запахов жилища. Похоже, именно тут немедиец позволял себе расслабиться и побывать самим собой...

Наскоро оглядевшись на первом этаже, она устремилась к лестнице, ведущей в верхние покои. Охотничий инстинкт гнал ее вперед, заставив позабыть об осторожности. Удача!

Удача, наконец-то! Она летела, как на крыльях.

И... как подстреленная птица, рухнула на пол от чудовищной силы удара, обрушившегося ей на затылок, едва она вбежала в первую же комнату справа от лестницы. Темнота поднялась стеной перед глазами, и в эту стену она впечаталась, как мошка в смолу. И наступила тишина.

* * *

— Живая?

— Живая, хвала Крому! Что тут случилось, хотел бы я знать!

— Всеми богами клянусь, благородные месьоры, ничего не знал, не ведал, как же так, несчастье-то какое...

Голоса приближались — словно клинки, вспарывая плотную черную ткань, окутавшую сознание. Знакомые голоса. Встревоженные, испуганные. Чьи-то руки касались ее, трясли за плечи

— Палома, эй, Палома, что с тобой?! Она нашла в себе силы приподняться.

— Затылок... не трогай...

Конан помог ей сесть. Несколько мгновений, зажмурившись, она выжидала, пока комната перестанет вращаться, как бешеная — затем рискнула открыть глаза.

Сперва ей показалось, что вокруг собралась целая толпа. Но, придя окончательно в сейм, осознала, что их всего четверо: Конан, Тальер, хозяин постоянного двора, и еще один незнакомец в воинском облачении — должно быть, напарник северянина.

Охнув, она осторожно поднесла руку к голове. Кто бы это ни огrel ее сзади — сил он явно не пожалел... на пальцах была кровь, но, по счастью, немного. Однако шишка будет порядочная.

— Проклятье!

— Во имя Неба, женщина, зачем ты пошла сюда в одиночку? И что произошло?!

Неудивительно, что Конан так встревожен, ведь он лично отвечает перед Месьором за безопасность пленницы.

— Как вы меня нашли? Северянин пожал плечами.

— Тебя долго не было, я отыскал Парфала, — он указал на хозяина постоянного двора, виновато жмущегося к дверям, — и заставил повторить все то, что рассказал тебе. А Рангерд видел, как ты вошла сюда, в этот дом...

Палома с надеждой обернулась ко второму стражнику:

— Тогда ты должен был видеть, кто вышел отсюда. Человек, что напал на меня...

Однако тот смущенно покачал головой.

— На улице был народ, ездили какие-то повозки, я не следил за ними — только за тобой...

Судя по многозначительному взгляду, который бросил на напарника Конан, дома того ждала хорошенъкая головомойка. Что ж, и поделом! Палома вновь застонала, при первой же попытке шевельнуться. Затем, закусив губу, все-таки вставила себя подняться на ноги и осмотреться по сторонам.

Прелестная картина, ничего не скажешь!..

— Вы что, дрались? — спросил ее Тальер, оценив царивший вокруг разгром.

Наёмница усмехнулась. Сразу видно, человек ничего не смыслит в ратном деле! Что же это должна была быть за драка, чтобы учинить подобное!

Диван вспорот кинжалом, вся начинка безжалостно выпотрошена. Сундуки с одеждой перевернуты, содержимое вывалено на пол. Не пощадили шелковую обивку стен — содрали клочьями... должно быть, искали тайники в стенах.

Хозяин дома тихонько скулил, оценивая причиненный ущерб.

— До драки дело не дошло, — с сожалением ответила она скульптору. — Меня подловили, как деревенскую дурочку. Сзади. Огрели чем-то по затылку и... вот.

Ваятель задумчиво попинал носком сапога осколки синей вазы со следами крови.

— Тебе еще повезло, фарфор более хрупкий, чем твоя голова. Если бы взяли вот это... — Он указал на бронзовую статуэтку, валявшуюся неподалеку.

— И поделом бы, — без всякой жалости объявил Конан. — Надеюсь, нет нужды перечислять все ошибки, которые ты допустила, Оса? Уж если хочешь носить меч и сражаться как мужчина, то не жди снисхождения своей глупости!

Палома скрежетнула зубами, готовая взорваться. А то она сама не знает, как глупо было кидаться сюда сломя голову, не позаботившись о прикрытии и не думая об осторожности! Но чтобы какой-то варвар вздумал ее учить!.. Однако голова напомнила о себе вспышкой такой резкой боли, что возражать северянину ей сразу расхотелось. Тем более — увы, но он был совершенно прав. Хотя, будь она проклята, если скажет ему об этом!

— Ладно, — процедила наконец девушка. — Полагаю, смысла в этом нет ни малейшего, однако нужно осмотреться здесь, раз уж пришли.

— Думаешь, грабитель отыскал то, зачем приходил?

— Понятия не имею. — Наёмница пожала плечами. — Он-то хоть точно знал, что ищет... в отличие от нас. Но если во всем доме такой же разгром, как в этой комнате — шансы велики, что удача ему улыбнулась. Поработали тут на совесть, согласись.

Скрепя сердце, Конан был вынужден признать ее правоту. Наскоро осмотрев покой, он не нашел ни единого возможного тайника, что ускользнул бы от внимания их предшественника.

— Парень знал свое дело, ничего не скажешь... Встревоженно топтавшегося у входа хозяина

они без труда отправили восвояси, пообещав, что тот сможет продать все ценное, что осталось от постояльца, в возмещение нанесенного ущерба. Месьора Парфала это вполне удовлетворило. После чего оставалось лишь осмотреть дом.

— Судя по всему, тот первый клоповник Скавро снимал самолично. Хозяин описал его внешность, — рассказывал Паломе Конан, когда они перешли к осмотру второй залы, служившей немедийцу столовой. Разгром тут царил еще пущий, чем в гостиной. — А вот этот дом... Парфал говорит, парень представился купцом, хотя ни слова не сказал о том, чем торгует. Кто бы это мог быть, интересно?

Палома поморщилась. Трапезная подверглась тщательному обыску, и повторно она осматривала ее лишь для очистки совести. Поскольку они не имели понятия, что искать, это не имела смысла.

Лишь в одном она убедилась: Скавро снял этот дом, чтобы в нем жить, здесь было — когда-то, до учиненного разгрома — комфортно и уютно, обстановка в более скромном виде напоминала бельверусский дворец. Обилие шелков, низкие диваны с множеством подушек — валявшихся теперь, как выпотрошенные птичьи тушки, — статуэтки повсюду, огромные

вазы на мраморных постаментах по углам, курительницы с благовониями...

Что же касается комнатенки напротив, через дорогу, там этот интриган, должно быть, встречался со своими подручными — кем бы они ни были. И, кстати, из постоянного своего жилища имел превосходную возможность следить, кто интересуется его логовом в отсутствие хозяина... Хитро придумано, ничего не скажешь! Знать бы еще, к чему все это...

— Снимать этот дом и играть роль купца вполне мог кто-то из слуг немедийца, — размышляла она вслух. — Не в одиночку же он приехал в Коршен. Да и вообще, меня это смущало с первого дня. Ну, не мог, никак не мог вельможа его ранга и воспитания жить без челяди. Такие как он ни одеться, ни ложку ко рту самостоятельно поднести не способны!

— Тогда где они все сейчас?

— Бежали со смертью хозяина, разумеется. Прихватили золотишко и что ценного было в доме — и наутек!

— А ты не думаешь, — подал голос скульптор, доселе не принимавший участие в беседе и лишь задумчиво разглядывавший статуи и уцелевшие Вазы, — что это слуги устроили здесь погром?

Наемница покачала головой.

— К чему им? Где хранятся ценности, они знали и без того. И не было нужды ждать столько дней — меня они что ли караулили? Кроме того, нападавший, похоже, был один.

— И ты совсем ничего не запомнила? Палома беспомощно вздохнула.

— Увы. Тем более, сейчас у меня так раскалывается голова, точно все мозги до крошки вытряхнули. Может, попозже что-то и всплынет...

За разговорами, они осмотрели весь этаж. Собственно, тут обнаружилась еще только спальня и крохотная комната для прислуго. Обе оказались разгромлены столь же основательно, как и прочие покои. Тщетно Палома пыталась углядеть здесь хоть что-то достойное интереса, хоть самую мизерную малость, за которую мог бы зацепиться тренированный взгляд... Все тщетно.

Конану, судя по его ожесточенно-разочарованному виду, повезло не больше.

На первом этаже их успехи оказались и того скромнее. Здесь были лишь подсобные помещения — кухня, купальня, еще одна комната для слуг. Все в них оказалось перевернуто вверх дном, причем, как казалось Паломе, человек действовал в озлоблении и отчаянии.

— Вот что меня лично смущает, — заявила она своим спутникам в кухне, от нечего делать откапывая ногой тяжеленный медный котел. — Вывернут наизнанку весь дом, не пропущено ни одного, самого незаметного уголка. О чем это вам говорит?

— О том, что воры так и не нашли того, за чем приходили. Иначе они остановились бы на той комнате, где их поиски увенчались успехом. — Это впервые за все время подал голос молодой напарник Конана. Заговорил — и тут же смущенно отступил на шаг, но Палома кинула на него ободряющий взгляд, и парень расцвел на глазах. Даже веснушки покраснели.

— Либо, — сурово возразил его начальник, следя, чтобы юнец не слишком возгордился, — Они нашли искомое, но хотели сделать вид, что это не так. Либо искали не одну вещь, а несколько. Либо...

— Либо им просто нравилось крушить все подряд. — Палома усмехнулась. Но Конана не так просто было сбить с толку.

— А почему бы и нет, собственно? Разве ты не видишь, с какой злостью орудовал этот парень. Там, где можно было аккуратно поддеть обивку ножом, он ее вспарывает, как брюхо злейшему врагу. Занавеси срывает. Бьет вазы и статуи...

— Ну, тут я его понимаю, — неожиданно хихикнул Тальер, так что Палома даже вздрогнула от неожиданности: до сих пор камнерез держался тихо, как мышка, жался к углам, что-то бубнил себе под нос... она почти и забыла о его существовании!

— Ты о чём?

— Пф-фа! — Тарантиец фыркнул со всем презрением, на какое был способен. — Чего тут непонятного? Я всегда подозревал немедийцев в полном отсутствии вкуса, но такое убожество... В столовой по углам парные вазы — а мотивы на них не совпадают. В купальне изваяние Птеора... я вообще не знаю, какой безрукий его лепил. Левая нога короче правой, локоть вывернут наружу, как у увечного... Маленькие статуэтки еще ничего — но все остальное... бр-р, дайте мне молот!

Зрелище столь истого гнева заставило остальных расхохотаться, что лишь сильнее раззадорило скульптора.

— Вы — такие же бездари и невежды, как и тот, кто обставлял эти, с позволения сказать, покой. Все туда же, тщатся выглядеть вельможами — а простейших вещей не понимают! Ну... — он тоскливо заозирался по сторонам, отчаявшись хоть что-то объяснить этим ограниченным людям, — Вон, возьмите хоть то уродство, у лестницы...

Палома, выглянув в коридор, покосилась на две женские статуи, по обе стороны ступеней. И что в них неладно, скажите на милость?

Тальер воздел руки к небесам.

— Да тут же нарушены простейшие каноны! Судя по атрибутам — браслетам на предплечьях, по прическе и ожерелью из раковин, — это речные элиды, спутницы богини вод Секвены. Они должны быть совершенно одинаковыми. Тогда, скажите на милость, зачем у левой за спиной колчан со стрелами? Куда, и главное, из чего она собирается стрелять?!

Конан, утирая слезы смеха, проронил:

— Когда ты в такой раж входишь, тебя хоть против пиктов вперед войска выставляй. Если дикии будут нести эту — как ее — элиду с колчаном, или какую-нибудь кривую вазу, ты их в пыль сотрешь голыми руками!

— Ладно, парни. — Отсмеявшись, Палома махнула рукой. — Ничего мы здесь не найдем. Пора и восвояси.

Стражник-северянин согласно вздохнул. Ему-то, правда, было решительно все равно, что ищет его подопечная и увенчаются ли успехом ее поиски. Важно было лишь не дать пленнице упорхнуть, и чтобы никто не причинил ей зла. А с этим они более или менее справились, — он вновь сердито покосился на юного Рангерда, не сводившего с беловолосой наемницы восхищенных глаз. Ладно, парню он еще скажет пару слов. О том, на что глядеть в оба, а на что лучше бы и не смотреть вовсе!..

...Когда они выходили на улицу, Палома в последний раз обернулась. А ведь есть еще вторая половина дома, где живет золотых дел мастер... Газир, так, кажется назвал его хозяин постоянного двора. Что мог знать тот об немедийце? Что мог видеть из того, что происходило здесь за минувший год? О чем догадывался?

Девушке показалось, она спиной чует чей-то внимательней взгляд... Велико было искушение вернуться, поговорить с Газпром, выведать все, что тому известно — но, поразмыслив, она решила пока воздержаться, как бы сильно ни было искушение. Едва ли золотых дел мастер согласится отвечать на ее вопросы. Лучше, если сперва к нему придет кто-то другой. Может, Гарбо? Над этим стоило поразмыслить... И заодно, пусть порадует Тальера — узнает, сам ли Газир в свое время выбирал обстановку в дом, или это было делом

рук немедийца?..

* * *

До Дворца искатели приключений добрались уже затемно, и Палома ввалилась в свои покой, мечтая лишь об ужине и мягкой постели — но там ее ждала еще одна головная боль... как будто той, что до сих пор гнездилась в затылке, было недостаточно.

Запечатанный воском футляр лежал на столе. Едва не сломав ноготь, она вскрыта его и извлекла тонкий выделанный пергамент. Демоны бы побрани этот затейливый коринфийский почерк, все их вензеля и завитушки! Поседеешь, пока прочтешь...

«Любезная госпожа Палома окажет честь графу Лаварро Коршенному с семейством, почтив своим присутствием бал, который будет дан в графском замке в пятый день пятой луны...» Да это ведь завтра вечером!

Как, во имя всех богов, Грациану удалось выправить для нее это приглашение? И зачем?

Стиснув зубы, она с трудом подавила желание немедленно отправиться на поиски калеки и вытрясти из проклятого хитреца все его планы.

Но взрывом темперамента она не наберет очков в этой странной игре, которую вел с ней хозяин Дворца. Его хитрости она могла противопоставить лишь собственную ловкость, его уму — свою смекалку, его расчетливости — свое хладнокровие. И еще — свою красоту!

Усмехнувшись, Палома выглянула за дверь и поманила пальцем стражника, как всегда неотступно дежурившего у ее покояев. Новенький. Его имени она не знала...

Кровник подошел с поклоном, напряженный, осторожный — явно опасается каких-нибудь трюков с ее стороны. «Успокойся, — хотела сказать ему наемница, — Сегодня я охочусь не на тебя», но промолчала. Только улыбнулась.

— У меня сегодня была швея, я забыла кое-что ей заказать. Сможешь сделать так, чтобы она появилась здесь на рассвете?

Страж кивнул, в глазах читалось явное облегчение. Хотелось бы ей знать, чего он так опасался?! Впрочем, может, это и ни к чему: иногда неведение спасительно. В головах у мужчин порой рождаются самые странные мысли...

Глава VI

Ах, что за прелесть ваше платье, дорогая моя! Из Тарантии, не иначе? Сирина говорит, из Бельверуса, но мой глаз не обманешь, я вижу эти отвороты, и этот разрез сбоку, и как прихвачены юбки... только в Тарантии и могут пошить такое. О, умоляю, скажите, что я права!

Неопределенно кивая Эвлалии, младшей дочери графа Лаварро, — каковой ответ можно было толковать любым удобным той образом — Палома ощутила прилив законной гордости. Выдержать поутру бой с Пирондой, швеей Месьора, было, пожалуй, посложнее, чем сдержать натиск тангаев в Кривом Ущелье. Никак невозможно, твердила крохотная, сухонькая женщина — пять лаигов чистого упрямства! — ну, просто совершенно немыслимо, и о чем только думал Месьор и молодая госпожа, при всем уважении, но только пусть кто другой попробует, а она, Пиронда, слишком себя уважает, чтобы даже пробовать сшить платье к графскому балу за такой богами невообразимый срок! И думать нечего, и не возьмется никто, потому как если уж она, первая в городе мастерица, которая и дочерей графских обшивала, и саму графиню, бывалоча, пока та еще из своих покоев выходила, а не заперлась там, точно лесная отшельница, помилуй Митра ее за грехи, — шить не возьмется, так куда уж этим высокочкам криворуким, хоть Сафоне, а хоть и этой заморийке глазастой, Дайле, им-то и подавно не справиться, хоть озолоти их с ног до ушей...

Она щебетала, причитала, ворчала — и одновременно кружила, кружила вокруг Паломы, что-то примеряла, отмеряла, прикидывала, то тут пальцами прижмет, то этак ей руку выкрутит... в общем, пока у девушки не потемнело в глазах, и она не принялась всерьез опасаться за свой рассудок.

В общем, ничего толкового до вечера успеть невозможно, таков был вердикт. Палома подняла брови.

— А бестолкового?

Она ожидала очередной тирады, бесконечной, как мучения грешников в царстве Нергала... но, на удивление, удостоилась лишь лукавого взгляда из-под седых ресниц — и насмешливого цоканья языком.

— Ты ведь не местная, дочка? Наемница покачала головой.

— И тебе нет дела, что о тебе будут говорить?

На такое Палома даже обиделась слегка.

— Как это, нет дела, очень даже есть. Чем хуже — тем лучше! Женщины, разумеется... Потому что мужчинам не будет до моего платья ровным счетом никакого дела!

— Тогда считай, у меня есть то, что тебе нужно. И... — Еще одна хитрая улыбка. — Пари держу, Месьор об этом знал!

...Пиронда не обманула, хотя и не пожелала раскрыть смысл своих слов. Более странного одеяния Паломе не доводилось носить.

Платье напоминало о моде столетней давности, когда одежды делались нарочито прозрачными и невесомыми, дабы подчеркнуть, что носителю их вовсе ни к чему выходить из дворца и подвергать себя капризам погоды. Вместе с тем, слоев ткани было так много — одних накидок не меньше пяти и, о боги! восемь нижних юбок, — что платье не оставляло открытым ни сенма кожи, если не считать лица и кончиков пальцев. И все они развевались на ходу, шелестели, распахивались разрезами в самых неожиданных местах, скрепленные где

тончайшей золотой цепочкой, где нитью сапфиров, где сердоликовой заколкой...

Цвет ткани переливался от иссиня-белого до снежно-жемчужного — и на фоне этой ледяной белизны высоко подобранные кудри девушки казались отлитыми из серебра.

...Она слегка волновалась, когда экипаж Месьора катил ее к замку. Разумеется, Конан был рядом, но она все же чувствовала себя такой одинокой, незащищенной... Должно быть, еще и оттого что ей уже много лет не доводилось носить столь роскошных нарядов; платье невольно возвращало ее к временам далекой юности, такой наивной и уязвимой...

Но сейчас все не то, строго напомнила себе Палома. Я — убийца, наемница на службе немедийского престола. Мне нечего бояться этих людей. Никто из них не в силах причинить мне зла!

И все же она была рада, увидев, что экипаж Месьора подкатил к воротам замка одновременно с ее собственным.

— Прошу простить меня, дорогая, — как ни в чем не бывало приветствовал ее Грациан, — я не смог оказаться рядом с вами раньше. Но моя карета... она предназначена лишь для одного. Надеюсь, вы понимаете...

Палома заметила, что сам Месьор едва ли был одет лучше обычного, разве что перстней прибавилось; да и на обоих карликах были все те же черные костюмы. Не слишком ли роскошно нарядила ее Пиронда? И — почему спутник ничего не сказал о ее наряде? Это невежливо, в конце концов!

— О, вы совершенно восхитительны, дорогам моя! Если бы я не боялся дурной игры слов и смыслов, я бы даже сказал — сногшибательны...

Он опять читает ее мысли! Понизив голос до ядовитого шипения, чтобы не слышали стражники в парадных доспехах, выстроившиеся парами на всем пути следования гостей, Палома отозвалась:

— Для человека, которому все равно, Месьор, вы слишком часто поминаете своеувечье...

Возможно, это прозвучало зло: у него стал обиженный взгляд. Карлики, которые тоже слышали ее, всем своим видом изображали негодование. Но брать назад свои слова Палома не собиралась.

— Тебе следует решить раз и навсегда, Грациан, хочешь ли ты вызывать страх — или жалость. И то, и другое сразу не получится!

Он молчал так долго, что она была уверена, что задела его всерьез. Чтобы скрыть неловкость, Палома принялась с независимым взглядом крутить головой, но окруженная каменными стенами, пустая мощеная площадь мало располагала к созерцательству. Вход в замок был ярко освещен, там толпились какие-то люди — должно быть, гости, подошедшие чуть раньше. Сзади донесся гомон голосов — другие приглашенные нагоняли их. Теперь, даже если Грациан и собирался что-то сказать ей, он уже не сделает этого. У Паломы внезапно возникло горькое ощущение, что она упустила нечто важное...

В тот самый миг, когда новоприбывшие гости поравнялись с креслом калеки, он неожиданно взял Палому за запястье. И мягким, незаметным жестом поднес ее пальцы к губам.

Это длилось одно биение сердца. Он тут же отпустил ее руку, она могла бы решить, что ей почудилось. Месьор уже окликнул нагнавшего их мужчину, дородного, с пышной, окладистой бородой. Они приветствовали друг друга, как старые друзья. Спутница бородача, повинуясь светскому этикету, а возможно, из природной любезности, немедленно взяла

Палому под свое крыло.

Именно госпожа Ива ввела ее в дом графа и представила его дочерям. А затем покинула на растерзание...

— ...Ваш замок очарователен. Я бы даже сказала, сногсшибательен, — с тайной усмешкой, смысла коей та не могла понять, заметила Палома Эвлалии. Навыки придворной беседы возвращались сами собой, всплывая из глубинных слоев памяти, и вот уже девушка ловила себя на том, что искренне наслаждается всем этим. — Он не похож ни на один дворец, что мне доводилось видеть прежде!

— О, он очень мил, это правда. — Маленькая, хрупкая, с огромными распахнутыми глазами, младшая дочь графа походила на ребенка, украдкой пробравшегося на взрослый праздник. Когда она походя сообщила новой знакомой, что у нее растет пятилетняя дочь, Палома была потрясена. — Вам стоит поговорить об этом с папой. Потом, я представлю вас... Ничто не доставляет ему такого наслаждения, как рассказать новому человеку о своем детище. Ведь, вы же знаете, замок совсем новый, его начали строить, когда папа пришел к власти. Раньше был этот ужасный дворец, где сейчас живет один бедняжка Грациан, ну, вы знаете... О, там так жутко, каждый раз, когда я там бываю, я ему говорю, Грациан, душа моя, пора тебе перебираться из этих казематов, мы найдем тебе уютную башенку, чтобы ты мог...

— Башенку? — Палома удивленно сдвинула брови, с трудом вычленяя жемчужины смысла из непрерывного журчания Эвлалии.

— Ну, да. В этом весь смысл, почему замок такой необычный. Вам стоит посмотреть при дневном свете. Стены ограждают всю площадь целиком — а внутри башни, башни, башни... Есть высокие и низкие, но все они отдельные, хотя и соединены галереями. Между ними — площади, сады, или разные пристройки. И каждая башня — для своей цели.

— И сколько же их всего? — Наемница была потрясена. Никогда прежде ей не доводилось слышать ни о чем подобном. Это должен быть муравейник, а не замок...

— Двадцать семь, — произнес уверенный мужской голос у нее из-за плеча. — А должно быть тридцать. Надеюсь, я успею закончить их при жизни. Эвлалия, дитя, представь меня своей прелестной подруге.

— Ее зовут Палома, папа. Палома, познакомься, граф Лаварро, мой отец.

Она обернулась.

Чего она ожидала? Трудно сказать. По скучным рассказам Конана — ничего хорошего. Властолюбец, интриган, возможно, убийца.

С другой стороны, она видела Коршен. А город может многое рассказать о своем правителе. Так вот, город выглядел опрятным и сытым, возможно, изнеженным — но не прогнившим.

Поэтому она не знала, чего ожидать от графа Лаварро Коршонского. И теперь поняла, что он нравится ей.

На вид правителю было лет пятьдесят пять, у него была выпрявка солдата и обветренное лицо человека, который не побоится спать под открытым небом. Густая, слегка редеющая шевелюра была тронута сединой, но волосы еще сохранили золотисто-каштановый цвет. Глубоко посаженные глаза смотрели прямо и словно бросали вызов — осмелится ли собеседник быть столь же открыт. Палома, не колеблясь, вызов принял и вернула взгляд.

— Я рада, что вы пришли друг другу по вкусу! — Эвлалия переливчато засмеялась. — Папа, можешь рассказать ей про дворец, а я пойду, меня зовут. — Она махнула рукой стайке молодежи, где преобладали расфранченные молодые люди в коротких плащах всех цветов

радуги — последняя мода в Коршене. — Увидимся, Палома!

Пряча улыбку, наемница проводила ее взглядом, затем обернулась к графу.

— Ваша дочь — достойное украшение праздника, месьор.

Он удивленно приподнял седые брови.

— Это скорее мужской комплимент, госпожа. Неужто вы лишены женской ревности?

Интересно, что граф знает о ней? И что наплел отчиму Грациан, чтобы получить для нее приглашение? Проклятье, и почему она не догадалась расспросить его?! Теперь бы не было этой отвратительной неловкости.

— Я — не придворная дама, месьор, — промолвила она осторожно, словно пробуя воду. — И у меня много иных интересов, они не оставляют места для... мелочей.

— О! — Он помолчал, переваривая сказанное. — Да, Грациан говорил, вы ведь та самая наемница, его гостья? Позволено ли мне будет осведомиться, что за дела привели вас в наши края? Может, вина?

— Что? — Она не сразу поняла. Потом облегченно вздохнула, увидев, что граф указывает на поднос с бокалами. — Да, благодарю. Розовое коринфийское, если есть.

— Разумеется. — Правитель с поклоном преподнес ей хрустальный бокал на высокой ножке, в котором плескалась ледяная жидкость. — Это наша гордость. С южных склонов горы Латаш. Урожай...

— Года Кометы, я уверена, ведь это был лучший год для латашских вин, — перебила его Палома. И задержала дыхание, пробуя на языке восхитительный букет. — Божественно, месьор. А вы еще спрашиваете, зачем я здесь!

Он засмеялся.

— Я счастлив видеть перед собой человека, способного оценить это сокровище по достоинству. Воистину, госпожа, ваше присутствие сделало этот вечер настоящим событием. Итак, позвольте, я расскажу вам о замке.

...Двадцать семь башен, как он уже и сказал. По одной занимали члены семьи, несколько гостевых, башня-библиотека, башня для официальных приемов, оружейная, сокровищница, и так далее... не пощадив слушательницу, граф подробно живописал их все до единой. У каждой было свое имя. Львиная, Золотая, Кипарисовая... Каждая подобна алмазу в королевском венце.

Дворы между ними были предметом особой гордости. Фонтаны в одном, цветочные каскады в другом, сад-лабиринт в третьем... С горящими глазами Лаварро предложил:

— Оставайтесь до утра, госпожа! Мы можем поместить вас в Парусной Башне, там чудесно, вот увидите. А с утра я смогу показать вам здесь все, что пожелаете. И место, где будут стоять последние три. Возможно даже, вы сумеете дать мне совет...

Медленно прогуливаясь рука об руку, Палома с графом обошли почти весь зал; гости с почтительными поклонами расступались перед ними, девушка кожей чувствовала их ревнивые взгляды, слышала пересуды. Кто такая эта чужестранка? Кто что-нибудь знает о ней?..

В какой-то миг она встретилась взглядом с Грацианом, тот улыбнулся ей одними глазами. Потом еще одно знакомое лицо... Агиери, судья, что приговорил ее к смерти через одну луну. Маленький человечек скользнул по ней равнодушным взором — и отвернулся. Может, и вправду не узнал?

— Как вы добились такого чуда? — Палома) указала на каменный пол, иссеченный крохотными узорчатыми трещинками, через которые в бальный зал проникал дымок

благовоний. Она намеренно поспешила сменить тему, чтобы не отвечать на неожиданное предложение графа.

Тот, как видно, понял это и тактично принял перемену темы.

— Все очень просто — и одновременно, гениально продумано. В полу проложены каналы, в нужных местах расставлены курительницы. Воздух проходит и поднимается, разнося аромат повсюду. У архитекторов ушло полгода, чтобы отладить всю систему. Дым никак не желал идти равномерно...

Не обладая необходимыми познаниями, Палома с трудом могла оценить масштабность задачи, однако понимала, что дело это не из легких. Да и вообще, похоже, на устройство этой башни, главного здания дворца, где, как объяснил Лаварро, проходили самые торжественные коршенские приемы, ушло немеряно сил и средств. Чего стоила одна лишь резная галерея для музыкантов, почти парившая над залом... Или тончайшие лучи колонн, ажурными созвездиями арок расцветавшие под сводами башни... В этом зале не было тяжеловесности, так присущей аквилонским и особенно немедийским постройкам. Он скорее напоминал искуснейшей работы ларец, шкатулку для драгоценностей, и сейчас сверкающие толпы гостей и мириады свечей лишь усиливали это впечатление.

— Однако, когда нет праздников, здесь, должно быть, жутковато... — неожиданно для себя заметила девушка. Ее спутник лишь снисходительно улыбнулся.

— Нет. Здесь всегда красиво. Только чуть по-другому...

— И все же... странно... — Палома поджала губы, нахмурившись.

— Что кажется вам странным, моя госпожа? — Все эти затраты... разве не лучше было бы потратить деньги на наемников? А архитекторов просить укрепить городские стены? Такая красота... кто защитит ее?

От неожиданности, граф замер, как вкопанный, не сводя с девушки изумленного взгляда. Придворные вокруг, исподволь следившие за каждым шагом и жестом правителя, возбужденно зашушукались, теряясь в догадках, что же такого могла сказать гостья.

— Митра... Прошу меня простить, я не привык слышать подобные речи от женщин!

— Должна ли я прочесть в ваших словах осуждение, граф?

— О, нет, лишь восхищение, дорогая моя! Ничего кроме восхищения! Теперь я понимаю Грациана... ведь его никогда не привлекала одна лишь внешность, без иных достоинств, а у вас есть и ум, и живость, и отвага.... Однако — какую угрозу этой красоте вы предвидите здесь, в этом мирном краю?

— Угрозу? — разговор этот странным образом начал напоминать Паломе ее спор с камнерезом Тальером. — Никакой угрозы, месьор, однако о таких вещах приходится думать любому правителью. Разве нет? Как защитить то, что принадлежит тебе...

— Я потрясен, моя госпожа! — Граф склонился к ее руке. — У нас в Коринфии я никогда не слышал, чтобы женщины утруждали себя раздумьями о подобных проблемах. Неужели в Бельверусе это в порядке вещей?

Наемница покачала головой.

— Не везде, месьор. И уж, конечно, не в столице. Однако баронство Тора, откуда я родом, — это нечто совсем другое... — Серые глаза ее затуманились от воспоминаний. — Это суровый гористый край. Воинская дисциплина и доблесть почитаются там превыше всего прочего, как для женщин, так и для мужчин. Особенно в нашей семье...

— О... — Лаварро смотрел на нее с пониманием и лаской. — Мне почему-то кажется, что выросли без матери, дитя мое. Я прав?

— Да. — Девушка кивнула с улыбкой. — И отец так никогда и не смог до конца осознать того факта, что она оставила ему дочь, а не сына...

— Но вы покинули его?

— Он умер. Старые раны не давали ему покоя... — Как всегда, когда она вспоминала отца, Паломе хотелось плакать и смеяться одновременно. — А потом — у меня не было другого выхода.

— Прошу простить, если любопытство мое навязчиво — но ваша история заинтересовала меня. — Палома кивком дала графу знак продолжать, и он задал очередной вопрос: — Почему вы выбрали себе столь необычную жизненную стезю. Я хочу сказать, для дочери знатного рода это несколько...

— Необычно? О, да. Но я же сказала, во всей Торе царит воинская дисциплина. Мы покорим воле родителей и еще более того — воле сузерена. И когда отца не стало, наш правитель, барон Торский, решил взять мою судьбу в свои руки.

Лаварро понимающе кивнул.

— Выдать вас замуж, полагаю?

— Совершенно верно. За своего младшего сына, Амальрика.

— И что же — юноша был вам столь отвратителен, что вы предпочли участь наемницы? — Граф был поражен.

Палома не смогла сдержать улыбки. Никакое другое слово не могло быть менее точным, чтобы описать ее отношение к Амальрику. Ей вспомнилась его гибкая жилистая фигура, тонко очерченные скулы, серо-стальные, не знающие улыбки глаза. Как она могла бы объяснить этому человеку... Да, впрочем, и кому угодно другому!.. Может, только Грациан понял бы — они ведь чем-то похожи...

— Он сам не хотел на мне жениться. Я узнала, что Амальрик решил заплатить одному из своих дружков, чтобы тот скомпрометировал меня — тогда я была бы погублена для замужества в глазах его отца. — С уст Паломы не сходила мечтательная улыбка. Как все это было давно... — И тогда я пришла к нему и предложила сделку.

— Сделку?! — чем дальше слушал юную наемницу коршенский граф, тем сильнее округлялись его глаза. — Какую же?

— У меня совсем не осталось денег после смерти отца — одни долги! Я сказала Амальрику, чтобы он отдал мне то золото, что подготовил для своего дружка. За это я навсегда исчезну из его жизни, и ему не придется жениться. — Она не переставала смеяться, и Лаварро, несмотря на ужас, что внушала ему эта история, не выдержал и засмеялся тоже.

— И что было дальше. О, не томите, госпожа моя, я сгораю на огне любопытства!

Палома разверла руками, затем, подозвав слугу, взяла себе еще бокал вина, который и осушила по-солдатски, одним махом, мысленно провозгласив здравицу в честь Торы и всех ее обитателей.

— Этих денег мне хватило на отличный меч, доспехи и на то, чтобы безбедно прожить какое-то время в столице. Потом я отправилась бродить по свету... Вот и вся история, месьор!

— Отец, прошу меня простить, но месьор Галбейя просил напомнить, что ему пора уезжать, и ты обещал... — Мужчина лет тридцати, красивый, хоть и чуть обрюзгший, склонился в поклоне перед графом. Во взгляде, мимолетно брошенном им на Палому, читалось тайное злорадство. Еще один, приревновавший гостьюю-чужестранку к хозяину дворца...

— Ах да, мой драгоценный казначей... — Лаварро явно был раздосадован помехой. С виноватой улыбкой он обернулся к наемнице. — Госпожа, мне крайне жаль прерывать нашу беседу на столь интересном месте, надеюсь, мы еще сможем поговорить сегодня... и не забудьте, я ведь обещал показать вам дворец!

— Буду признательна вам, месьор... — Палома присела в изящном поклоне. — Это я должна просить прощения за то, что похитила вас у ваших гостей и отняла столь драгоценное время

— Пронтий, — обернулся правитель к сыну. — Будь любезен, замени меня ненадолго. Я хотел бы, чтобы ты поведал пока нашей гостью о том, почему Коршен не страшится иноземных вторжений...

— Что-о? — Лицо мужчины вытянулось от изумления.

— О, да. — Лаварро улыбнулся. — Позволь представить тебе Палому, самую умную и очаровательную женщину, какую мне только доводилось встречать. Я уверен, разговор с ней немало обогатит тебя.

— Месьор мне льстит. — Палома смущенно потупилась, одновременно отмечая все нюансы обращения отца с сыном. Граф говорил мягко, однако видно было, что каждое слово его равнозначно приказу. Во всяком случае, Пронтий воспринял это именно так. Посмотрев вслед отцу, покинувшего их с сухим полу военным поклоном, он обернулся к девушке, и выражение его лица с натяжкой можно было бы даже назвать любезным.

— Вам и правда интересны все эти утомительные подробности?

— О, да. Я не слишком злоупотребляю вашей добротой, месьор?

Губы Пронтия на миг сжалась в тонкую бледную нить.

— Отец пожелал, чтобы я рассказал вам... Я исполняю его волю.

Какая трогательная покорность — в тридцать с лишним лет! Надеется таким образом заслужить отчую благосклонность и унаследовать трон? Палома припомнила, что говорил ей Грациан о своем сводном брате. Все совпадало. Но, насколько она могла оценить характер графа, его сын избрал не самую правильную политику, чтобы добиться своего.

— Вообще-то, — продолжил Пронтий задумчиво, ведя Палому по залу и на ходу раскланиваясь со знакомыми, — немудрено, что всех иноземцев удивляет, насколько равнодушно в Коршене относятся к угрозе войны. Мне доводилось говорить с ними. Немедийцы, к примеру... для них это любимая тема. Но не для нас.

Он сказал, немедийцы! Возможно, был лишь один немедиец?..

— И в чем же ваш секрет?

— О, он очень прост. Мы слишком неприступны. У нас отличное войско, это раз. Город хорошо защищен, два. И самое главное — естественные рубежи. Горы. Они непреодолимы, если не знать тайных путей. А перевалы укреплены так, что там не пройдет ни один враг. Отец лично занимался каждой крепостью, ведь он потомственный военный. — Глаза Пронтия светились гордостью. — И я был с ним повсюду, так что знаю, это не пустая bravada. Графство неприступно. К чему врагам ломать себе зубы, тщась захватить нас? Что для них Коршен?!

Они помолчали. Палома — оценивая полученные сведения, Пронтий — переводя дух. Он казался весьма довольным собой.

— Насытил ли я ваше любопытство, госпожа/ Может быть, теперь потанцуем?

— О, с удовольствием! — Это был хороший способ окончить беседу.

Они закружились в сложном фигурном танце, где одновременно, то и дело меняясь

партнерами, сходились и расходились не меньше полусотни пар. Старательно копиля движения других дам, Палома без труда справилась с этим нелегким испытанием. И к концу тура увидела, что осталась одна. Точнее, с совершенно незнакомым партнером. Вихрем танца Пронтия унесло куда-то вдаль... да она и не слишком по нему скучала.

Она немного поболтала с юношой, оказавшимся сыном местного винодела — тот был приятно поражен тем, как хорошо чужеземка разбирается в вине, и взял с нее обещание непременно посетить их владения.

Теперь, когда она влилась в водоворот бала, она ни на миг не оставалась в одиночестве. Мужчины и женщины представлялись сами, знакомили с ней своих друзей и исчезали, обменявшиеся с гостью десятком ничего не значащих фраз. Палома даже не пыталась запомнить их имена.

Она еще немного потанцевала, перепробовала не меньше десяти сортов вина, коими усердно потчевали гостью новые знакомые... и даже, вопреки всем своим принципам, немного пофлиртовала с каким-то щеголем в синем плаще. Как ни странно, она почти не скучала...

— А, вот ты где! Смотри, Сирина, я же говорила, чудное платье! — Эвлалия, как обычно, щебетала без умолку. — Палома, позволь представить тебе мою старшую сестру. Это Сирина. Теперь ты знаешь нас всех, кроме разве что Антиоса, но этот брюзга не ходит на наши балы, как будто слуги Митры не имеют право отдохнуть и потанцевать! Хотя сам Благостный Мирронус сегодня здесь был, я видела, и даже пил вино... но разве Антиоса убедишь? О, какой ужас эти братья! У тебя есть родные, Палома?

Уф-ф... В этот поток красноречия нужно было нырять с головой — и выныривать, ухватив зубами скользкую рыбешку смысла...

— Мои родные умерли. — Это прозвучало почти спокойно. — Но я бы все отдала, чтобы вернуть их...

— О, прости! — Эвлалия казалась искренне опечаленной. На два или три мгновения. — Я не думала огорчить тебя. Но я, как всегда, была бес tactна, и теперь я смущена, и мне лучше убежать, пока я не наговорила еще глупостей. Надеюсь, Сирина сумеет загладить мою оплошность! Она так умна и серьезна...

С этими словами дочь графа упорхнула. И вот уже ее заливистый смех донесся из толпы молодых людей... тех же самых, что увлекли ее в первый раз — или других...

— Она не так глупа, как желает казаться. И умеет добиваться своего... — Голос Сирины звучал суховато и как-то отстраненно. Палома изучат где покосилась на нее.

Некрасива. Причем — что редкость для женщины — подчеркнуто некрасива. То есть не де лает ровным счетом ничего для собственной внешности. Волосы гладко зачесаны и стянуты на зад простым деревянным гребнем. Неулыбчивое лицо, вытянутое, с тяжеловатой нижней челюстью и тонкими губами. Она была очень похожа на отца — но в чертах дочери его суровая мужественность исказилась, превратившись в пародию) на самое себя.

Платье Сирины также было подчеркнуто строгим, похожим скорее на футляр, полностью скрывавший ее женственность. Рядом с ней Палома ощущала себя разряженной куртизанкой.

— И чего ваша сестра добивалась на сей раз? Сирина передернула острыми плечами,
— Вы чужеземка. И многое не знаете. Собственно, вы ничего не знаете о нас.

Палома прищурилась.

— И ваша сестра решила возложить на вас задачу просветить меня?

Она чувствовала в дочери графа затаенную, глубинную неприязнь. С чем это может быть связано? Конечно, одной лишь яркой внешности наемницы и успеха, которым та весь вечер пользовалась у мужчин, довольно, чтобы возбудить ревность любой особы женского пола... Но Палома всегда избегала простых объяснений.

— Вы не обязаны это делать, госпожа...

— Иными словами, а не пойти ли вам к Нергалу, любезнейшая? Вы ведь это хотели сказать?

Девушка вздохнула, собирая в кулак остатки терпения. Воистину, лучше год фехтовать на мечах, чем один день — словами.

— Сирина, что я сделала вам? Почему вы так враждебны?

Несколько бесконечно долгих мгновений женщина молча смотрела на нее, словно на что-то решаясь.

Они стояли в проеме арки, ведущей из бального зала во двор, где журчали фонтаны. Там прогуливались парочки, слышался смех и голоса; из зала неслась музыка. Но две женщины казались отгороженными от окружающего мира... никто не приближался к ним, не окликнул, не приветствовал. Словно на время они выскользнули из обыденной реальности. И Палома уже не была уверена, сумеет ли она вот так запросто, по одному лишь своему желанию, вернуться обратно.

— Вы пришли сюда сегодня как гостья Грациана. В этом платье, — вымолвила наконец Сирина. Каждое слово как будто давалось ей с трудом. — Может быть вы заметили, никто из тех, кто старше тридцати, не подошел к вам, если не считать отца и Пронтия... ну, его-то и вправду можно не считать.

— Я... я не понимаю...

— Еще бы! — Сирина издала сухой смешок. — Дело в том, что молодежь — не помнит. Они не знают, как это было прежде. До отца. Пока он не пришел и не призвал их к порядку... Грациан был последним. — Имя сводного брата она произнесла с ненавистью, словно выплюнула отраву. — Последним из тех проклятых времен...

— Вы так говорите, словно он само воплощение зла.

— Еще бы! — Глаза женщины вспыхнули злобой. — Отродье, зачатое нашей матерью от демонов! В нем — вся гниль и непотребство их рода!

Палома была потрясена.

— Как вы можете, Сирина? Ведь она и ваша мать тоже...

— О, да, и одним лишь этим мы все виновны в глазах Митры! И расплачиваемся за это всю жизнь. Хвала Небу, шлюха прячется в своих покоях вот уже пятнадцать лет. Может статься, она давно померла. Хоть бы это было так...

Грациан... Лаварро... Трагический несчастный случай, погибли все... — ей вспомнился их разговор с Конаном. Не удивительно, что северянин был столь скончен в своих рассказах. Боги, что за безумие!

— Сирина, — произнесла Палома как могла мягко, — К чему вы рассказываете мне все это. Я не судья вам, я чужая здесь. Скоро я уеду навсегда... зачем?

Но дочь графа тряхнула головой, глаза ее блестели фанатичным блеском.

— Не притворяйся. Уж если я способна раскусить игру моей сестрицы — единственная из всех! — то тебя я и подавно вижу насквозь... Ты

— его игрушка. Он нарядил тебя в это платье, выставил здесь, среди нас, чтобы проверить... посмотреть... Чего он хочет? Что ему нужно? Отвечай!

Шипя от ярости, она вплотную приблизилась к Паломе, и та отпрянула невольно. Жар Сирины мог испепелить дотла.

Но не ее! Она — сталь клинка. Огонь лишь закаляет металл!

Преодолев отвращение, наемница сделала шаг вперед:

— Ты мне не госпожа, Сирина. Мои речи — не в твоей власти. Я говорю лишь то, что хочу! Еще раз повторяю: я чужая здесь и не хочу зла никому из вас. Я не играю в ваши игры. Но если ты не веришь мне — берегись. Не стой у меня на пути!

Неожиданно дочь графа рассмеялась.

— О, теперь я понимаю... Х-ха. Я-то думала, несчастный калека изменил своим пристрастиям. Но нет. Просто он нашел наконец то, что искал. Женщина и мужчина — в одном. Тело женщины, дух воина... Как он, должно быть, горюет, что неспособен сполна насладиться этим совершенством...

Мерзкая злоязыкая тварь! Будь Сирина мужчиной, Палома сейчас наплевала бы на все законы гостеприимства и обнажила бы меч! Но не может же она вызвать женщину на поединок...

— Ты говоришь, Грациан — воплощение зла, — отчеканила она. — Но пока явижу здесь лишь одну черную душу — и это ты, Сирина!

Она готова была добавить еще несколько слов — но вдруг кто-то тронул ее сзади за плечо. Она обернулась.

Конан.

— Госпожа, Месьор просил передать...

— Подожди! — бросила она резко и вновь повернулась к дочери графа, но та уже шла прочь. Палома вздохнула. — Да. Что ты хотел?

— Месьор уезжает. Он послал узнать, желаете ли вы остаться?

Наемница медленно покачала головой. Нет, довольно с нее веселья на сегодня.

— Передай Месьору, я сейчас приду. Полагаю, мне нужно проститься с графом?

— Он ушел с бала. Пронтий — вместе с ним. Мы вполне можем удалиться.

— Что ж... Тогда сделаем это. Я устала.

— О, да. — Конан понимающе кивнул. Интересно, как многое он видел? — Это был тяжелый день...

Тяжелый? У Паломе было такое чувство, будто в душу ее полной мерой залили свинца. Однако... то, что она узнала сегодня, стоило всех этих мучений.

Глава VII

Новое утро встретило ее дождем — первый непогожий день в Коршене. От Гарбо до сих пор не было вестей, до возвращения Эрверда оставалось не меньше трех дней... Словом, Палома пребывала в самом ненавистном ей состоянии — ожидания.

Позавтракав в одиночестве — ибо в доме Грациана, как она уже успела выяснить, совместные трапезы были не в обычае — наемница покинула свои покои, решив поближе познакомиться с Дворцом. До сих пор она нигде не была, кроме сада, но теперь ей хотелось узнать побольше о месте своего заточения.

...К полудню она уже видела все, что желала увидеть.

Прежняя обитель коршенских правителей мало чем напоминала новый замок графа Лаварро. Дворец показался ей мрачным и навевал уныние. В относительном порядке содержались лишь гостевые покои, да пара парадных комнат для приемов. Большинство же залов казались заброшенными. Застарелая грязь на полу, пыль, копоть... похоже, здесь не убирались годами. Выцветшие шпалеры на стенах, обрывки занавесей, ветхая, неудобная мебель...

Если бы изредка на пути ей не попадались слуги, Палома могла бы подумать, что очутилась в давним-давно заброшенном замке, населенном одними лишь призраками. Следы былого величия смутно угадывали порой — в полустертой позолоте на дверях, в испорченной потеками росписи на стенах, в сохранившейся чудом мозаике и витражах... но словно стеснялись собственного существования.

Чем дальше она шла, тем сильнее нарастало недоумение гостьи. Грациан отнюдь не произвел на нее впечатление человека нуждающегося — однако такой дерзкой, выставленной напоказ бедности она не видела даже в самых захудальных владениях каких-нибудь разорившихся бритунийских баронов. Насколько она могла понять, едва лишь граф Лаварро пришел к власти и начал строить для себя новый замок, владение прежних владык Коршена перешло в собственность их единственного наследника, за исключением парадного центрального крыла, отданного городским властям. Неужели семья Месьора настолько обнищала к концу своего правления?

Остановившись в одном из залов — огромном, с разверстым зевом камина посреди северной стены, наемница задумчиво водила пальцем по мраморному обрамлению очага. Палец ее тут же стал черен от сажи и пыли.

Брезгливо поморщившись, Палома поисками глазами, обо что бы вытереть руку. Бедные шпалеры, им и без того пришлось несладко — ну, оставалось надеяться, хозяин простит ее за неуважение к семейным реликвиям... Затем она вышла на открытую галерею, что опоясывала весь дворец по внутренней стороне.

Здесь было свежо, пахло влажной землей из сада; шаги девушки гулко отдавались на мокрых от дождя каменных плитах. Раз или два ей показалось, она слышит кого-то за спиной, но, обернувшись, не увидела ни души.

Внезапно впереди послышались голоса: двое мужчин ожесточенно спорили между собой. Один уже перешел на крик...

— Эгей! — Палома, приблизившись, заглянула с галереи в просторную залу с белеными стенами, украшенными росписью. — Я, кажется, подоспела вовремя, чтобы предотвратить кровопролитие! Месьор Тальер, твоё возмущение слышат, должно быть, в самой Тарантии...

Что происходит?

Спорщики оглянулись, смущенные. Скульптор согнулся в поклоне, и на испачканном белой пылью лице заиграла радостная улыбка.

— Ты как нельзя более вовремя! Мне понадобится твой меч — иначе никак не убедить этого упрямца в моей правоте!

— Вот как? — Ловким движением перемахнув через низкую балюстраду, Палома оказалась в комнате. — Мне казалось, твой язык куда остreee клинка...

Второй мужчина, ухмыляясь, поклонился наемнице. На нем красовался заляпанный краской серый балахон, руки были черны от угля. Нечесаные рыжие лохмы и всклокоченная борода дополняли картину. Впрочем, взгляд у него был лукавый и острый, от таких глаз мало что могло укрыться...

— Ниано, мозаист, к твоим услугам, госпожа. Во имя Митры, не доверяй свой меч этому болтуну — чего доброго, он еще поранится и лишит мир очередного каменного уродства, которые его резец порождает с такой бездумной щедростью...

— Уродства?! — Не выдержав, коротышка-скульптор с кулаками набросился на своего противника. Тот, выше его на голову и вдвое шире в плечах, с легкостью поймал Тальера за шиворот, несколько мгновений подержал в воздухе, не обращая внимания на проклятия, которыми тот осыпал его, и осторожно поставил на землю.

— Уймись наконец, с нами ведь дама... Какое представление она составит о людях искусства?

Палома наморщила носик.

— Погодите, дайте угадать. Должно быть, спор идет о том, в какую сторону изогнут третий луч в венце Митры Вседержителя? Или какой длины надлежит изображать хвост у Нергала?

— Вовсе нет! — Камнерез смерил ее оскорбленным взглядом. — Мы говорили об атрибутах Секвены. Помнишь ту нелепую статую в доме твоего немедийца? Ниано утверждает, что это, скорее всего, не злила, у той не может быть колчана со стрелами... Однако, подтверди, там было ожерелье из раковин, что явно указывает на морскую богиню!

Наемнице не слишком пришлось по душе, что Тальер вздумал обсуждать с кем ни попадя то, где они были; оставалось надеяться, что он не рассказал ничего больше, а ограничился описанием статуй. Однако теперь поздно делать ему внушение. Следовало бы позаботиться об этом с самого начала...

Тем временем, мозаист, взяв на себя роль любезного хозяина, позвонил в колокольчик и велел явившемуся на зов слуге принести им вина.

Наполнив бокалы, он поднял свой, с восхищением глядя на Палому:

— Позволь выпить за тебя, моя госпожа, ибо ты подобна Луне, а как всякий художник, я поклоняюсь ночному светилу. Здесь, в этом мрачном Дворце, ты озарила наше унылое существование, подарив немного тепла...

— А вчера в графском замке устроила настоящий пожар, — бесцеремонно перебил приятеля Тальер. Девушка удивленно уставилась на него.

— Что я такого сделала? И откуда ты знаешь...

— О, — мозаист засмеялся, не дав тарантийцу ответить. — Слухи в Коршене разносятся быстро. Давешний бал уже стал в городе притчей во языцах. Нет ни одной таверны, ни одного постоянного двора, где не судачили бы о том, как Месьор привел в Замок любовницу в платье своей матери времен графа Паллия, и как Лаварро раздевал тебя глазами, а Сирина

едва не сожрала живьем...

— Что за бред?! — Палома была в ярости. — Все было совсем не так! Граф был просто любезен со мной, не более того, а с Сириной мы едва обменялись двумя словами...

— Зато что это были за слова!.. Наемница стиснула зубы.

— В общем, все ясно. Наш любезный хозяин меня выставил на посмешище... Ну, Грациан еще поплатится за это!

Мозаист дружески потрепал ее по руке.

— Не принимай все так близко к сердцу. Поболтают и забудут...

— Да плевать мне на сплетни! — Палома не собиралась успокаиваться. — Я ненавижу, когда меня используют, смеются исподтишка...

— Перестань, никто и не думал над тобой смеяться... — Тальер ловко наполнил ее бокал. — Выпей и кончай злиться, а то от тебя искры так и летят.

— Но зачем было все это затевать? — Девушка обвела собутыльников вопрошающим взором. — Вы лучше меня понимаете, что творится в этом змеином гнезде. Объясните же, наконец!

Скульптор с мозаистом переглянулись в нерешительности, начинать явно никому не хотелось, но Тальер все же взял верх в безмолвном поединке взоров, и Ниано со вздохом промолвил:

— Это долгая и грязная история, госпожа. Не знаю, как многое тебе известно. Граф Лаварро ведь, по сути, узурпировал трон, когда женился на матери Грациана. Паллия подарила супругу еще пятерых детей, но всегда держалась в стороне от светской жизни, а последнее время и вовсе превратилась в затворницу. Дети все до единого ненавидят друг друга. А то, что Лаварро все никак не выберет наследника, лишь ухудшает дело.

— Это все мне известно. Но я не понимаю, почему наследник не Грациан? Разве по закону...

— Законы в Коршене мало что решают, — вступил в разговор Тальер. — Прежняя династия, пока была у власти, не пользовалась особой любовью, и это еще мягко сказано. Коршенцы в те времена шутили, что наемных убийц в городе больше, чем лавочников, а шлюх — больше, чем и тех и других вместе взятых. Старшая сестра Паллии, к примеру, сменила шестерых мужей, покуда седьмой ее не отравил — за то что она наставила ему рога с родным братом. Да и о самой матери Месьора ходили слухи, будто собственный отец не чужд ее чарам. Только слухи, конечно, однако — при таком раскладе незаконнорожденный ребенок едва ли мог претендовать на власть!

Палома поперхнулась вином. Собственный отец, ну надо же... Ей вспомнилась ярость Сирины, когда та говорила о матери. Но как мог Лаварро жениться на ней... Или он так рвался к трону, что ему было все равно?!

— Новый правитель навел в городе порядок, — продолжил рассказ Ниано. — За одно то, что люди могут по вечерам спокойно выходить на улицу без дюжины телохранителей, ему уже памятник поставить надо! Однако прошло без малого сорок лет — и... нужно ли говорить, как коротка людская память? Одни недовольны, что слишком велики налоги. Другим кажется, что их недостаточно ценят при дворе... И все чаще с тоской поминают «прежние времена». Разумеется.

А хитрец Грациан, стало быть, вознамерился проверить с ее помощью, насколько сильны эти ностальгические настроения среди знати. Занятный способ, ничего не скажешь... Наемница закусила губу.

Грациан, Лаварро и даже Сирина — все они виделись ей теперь совсем в ином свете, чем прежде. И если раньше Месьора она считала невинной жертвой, а его отчима — едва ли не хладнокровным убийцей, то теперь... она не знала, что и подумать.

Словно уловив ее смятение, мозаист дружески улынулся девушке.

— Что, воительница, жизнь сложнее, чем поединок на мечах, правда?

С этим трудно было не согласиться.

— Но кто же все-таки покушался на Грациана? Кто оставил его калекой?

Они не знали. И никто не знал, даже сам Месьор, уверенно заявил камнерез.

— Я начинаю жалеть, что покинула Бельверус, — недовольно пробурчала Палома. Ее собеседники расхохотались, наполняя бокалы.

— Я прогулялась по Дворцу, — заметила наемница, чтобы сменить тему разговора. — Почему здесь все в таком ужасном состоянии? Месьор ведь не бедствует. У него хватает денег содержать штат прислуги, стражу... — И некоторых прихлебателей, любителей прекрасных искусств, хотелось ей добавить.

Мозаист усмехнулся.

— Его семья была очень богата. Даже с тем, что большая часть состояния отошла графской казне... — то есть Лаварро, поняла девушка, — сыну Паллии не пришлось просить милостыню.

— Тогда почему...

— О-о! — Тальер закатил глаза. — Ты слишком поздно приехала в Коршен, дорогая. Тебе стоило побывать здесь лет десять назад. Что это были за времена! Балы Грациана гремели на всю Коринфию. То, что ты видела давеча в графском замке — лишь жалкое подобие. Ах, как мы кутили!.. Боги, я до сих пор не могу забыть...

— Весь город не может, — сухо заметил Ниано. — Если и остались в Коршене хоть одна таверна, хоть один дом свиданий, которые Месьор со своей свитой не почтил вниманием — я таких не знаю. Но это было... прежде.

Прежде чего? — хотелось спросить Паломе. Но она сдержалась: глупый вопрос.

— После покушения он сильно изменился, — продолжил скульптор. — Как будто возненавидел все вокруг. Весь мир, этот город, семью. Себя самого. Мне порой кажется — он хочет разрушить все, до чего способен дотянуться. Все вокруг...

Палома вспомнила запустение, царящее в пустых залах. Сорванные шпалеры, грязь, сломанную мебель. Лишь одно, внешнее свидетельство того, что творится в душе Грациана.

— Но та часть Дворца, где тюрьма и судейские палаты? Я помню, меня поразило, как грубо там все устроено. Дверь. Лестница, пробитая через стену. Это тоже он?

Ниано покачал головой.

— Лаварро. Его воля — уже давно, сразу, как он пришел к власти. Месть старому графу и всему семейству, если угодно. Тогда начали строить новый замок, а Дворец стоял заброшенным, если не считать центральной части. Только потом, когда Грациану исполнилось пятнадцать, отчим разрешил ему поселиться в доме предков. Ему не слишком пришлось по нраву такое требование пасынка — но что он мог поделать? Глупо было бы ожидать, что юнец не станет бунтовать, едва достигнет того возраста, чтобы соображать, что происходит вокруг. Но, понятно, графа куда больше устраивало, чтобы сын Паллии буйствовал в тавернах и борделях, чем строил настоящие заговоры...

— И все же кто-то решил, что Грациан слишком опасен. Несмотря ни на что. Были основания?

Тальер пожал плечами, разливая по бокалам остатки вина.

— Кто может сказать? Все возможно, хотя открыто Месьор никогда не выступал против трона и не заявлял о своих притязаниях на власть.

Но его именем могли воспользоваться другие. Недовольные...

— И что же случилось?

— Несчастный случай на охоте. Стрела угодила в позвоночник. По счастью, уже на излете, и доспехи защищали, но... ноги отнялись, и лекари ничего не смогли с этим поделать.

Палома молча кивнула, допивая вино. Ей внезапно стало холодно, пробрала дрожь.

Трудно было представить себе Грациана таким, как он рисовался из рассказа друзей — бунтарем, гулякой, полным сил и задора. Сейчас от всего этого, похоже, осталась лишь горечь и бессильный гнев.

Хотя... Насколько она могла заметить, Месьор не утратил интереса к происходящему вокруг. У него были осведомители в городе, он был в курсе всего, что творилось в Коршене. Более того, он использовал людей — ее саму, к примеру, — чтобы как-то влиять на события. Была ли у него скрытая цель? Не являлось ли это горестное бездействие и саморазрушение лишь маской, скрывающей... что? И какую роль во всем этом он отводил ей, Паломе? Не говоря уже о покойном Скавро... Почему Месьора так интересует гибель немедийца?

Однако это были вопросы, на которые не у кого получить ответ. Ее собеседники, словно испугавшись, что наговорили лишнего, не сговариваясь, принялись с деланным оживлением болтать о пустяках. Словно и не было этого странного разговора...

Ниано заставил слугу принести еще вина. Тальер принял бренчать на извлеченной из какого-то угла виоле, ни на миг не переставая чесать языком, и мозаист не отставал от приятеля.

Девушке пришлось выслушать их мнение обо всем на свете, от последней альбы придворного поэта графа Лаварро, до видов на урожай винограда в предгорьях Карпаш... Она смеялась вместе с ними, чувствуя, как понемногу пьянеет, и радовалась этому в надежде, что хмель заставит отступить тревогу.

Но мертвое лицо барона Скавро все так же стояло у нее перед глазами.

Что ты делал здесь? — хотелось ей спросить. Зачем приехал сюда умирать? Но тот лишь молча усмехался посиневшими губами и не моргая смотрел сквозь нее...

* * *

...Когда киммериец Конан отыскал свою подопечную, она тихонько спала, свернувшись калачиком, в углу мастерской мозаиста. Ниано с Тальером укрыли ее своими плащами и продолжали пить — по своему обыкновению, не прекращая препираться и подкалывать друг друга... Северянин не отказался от предложенного бокала вина, гадая, следует ли ему растолкать девушку — или послание, которое он принес, вполне может подождать до ее пробуждения.

Он все-таки решился... и был вознагражден сперва недовольным ворчанием и парой крепких казарменных словечек — а затем, неожиданно, крепким поцелуем... когда она наконец вскрыла печать на свитке.

При посторонних (хотя оба были уже изрядно пьяны) Конан не решился ни о чем расспрашивать ее, лишь изумленно поглядел вслед Паломе, которая, размахивая над головой

пергаментом, точно расшалившееся дитя, вприпрыжку выбежала из комнаты.

* * *

Весь день, а за ним и еще один прошел, словно в угаре. Она встречалась с Гарбо — именно от него было то послание, что доставил ей северянин, — потом еще раз, когда тот разузнал все, что она хотела. Потом ей пришлось и самой немало побегать по городу. И еще дольше — просидеть над пергаментом, составляя бесконечные списки. Как ни ненавидела она чернильную работу, все пришлось делать самой, ибо это она никому не могла доверить.

После чего она выпросила у Ниано несколько покрытых меловой смесью досок для набросков — он боролся за каждую, как лев, но был сломлен яростным напором — и весь вечер просидела над ними с углем в руках, и наутро прислуга долго ворчала, что вывести все эти черные и белые пятна и Пречистой Иштар не под силу, а уж порядочной госпоже и вовсе не пристало бы так изваживаться...

В общем, это были чудесные дни!

И вершиной их стало возвращение Эрверда. Грязный, пропахший потом и дорожной пылью, он без сил рухнул ей в объятия, свалившись с седла. Но бессердечная Палома спешно препоручила приятеля заботам Конана, попросив не жалеть вина из запасов Месьора, а сама торопливо принялась шарить в дорожных сумках — и не успокоилась, покуда с самого дна не извлекла кожаный футляр с такой знакомой печатью...

И до рассвета горели свечи в ее покоях, и настороженные уши могли слышать из-за дверей взволнованные шаги и сдавленную ругань...

Уже под утро она выглянула наружу, встрепанная, с покрасневшими от бессонницы глазами — и совсем не удивилась при виде киммерийца, бессменно стоявшего на страже в коридоре.

— Конан, да хранят тебя боги! Пусть мне принесут чего-нибудь поесть... У меня со вчерашнего дня крошки во рту не было... И передай Месьору, что я хочу его видеть!

Глава VIII

— Ну, и что тебе удалось узнать? Грациан принял ее в своих покоях; он даже не успел сменить свои утренние одежды на более строгий наряд и не тратил времени на приветствия и прочие околичности. Палома была благодарна ему за это — ей смертельно хотелось спать, и светская болтовня сейчас была бы свыше ее сил.

Она даже без особого любопытства оглядела личные покои Месьора, где оказалась впервые, отметив лишь странное сочетание изысканной роскоши с почти аскетической простотой убранства... Впрочем, этот необычный контраст как нельзя лучше характеризовал и самого Грациана.

Собравшись с мыслями, она заговорила тихим, медленным голосом, стараясь ничего не упустить....

...Барон Скавро был совсем не прост. И тому, кто прикончил его, по-хорошему, местные власти должны были бы вручить хорошую награду, ибо он сделал графству величайшее благодеяние.

Скавро готовил, ни много ни мало, нападение Немедии на Коршен.

Именно это и было основной целью его приездов сюда и тайных переговоров, что барон вел с самыми разными людьми.

Предателей, увы, оказалось не так уж мало. Даже если принять, что из всех его знакомых с половиной он встречался просто для виду, чтобы запутать тех, кто мог за ним следить, а из оставшихся еще две трети отказались помогать немедийцу — все равно, список получался внушительным. Здесь были и военные, и вельможи, и поставщики двора, и слуги, которые сами по себе мало что значили, но через своих хозяев могли владеть важной информацией... Целая сеть, которой Скавро, как паутиной, оплел весь город...

— А вы, слепцы, ни о чем и не подозревали! — Палома была возмущена.

На лице Грациана не отразилось никаких чувств.

— Как ты выяснила все это? — только и спросил он.

— Большой частью, благодаря Гарбо. Он сумел отыскать кое-кого из пособников немедийца и вытряс из них все, что тем было известно. Не так уж много они знали — Скавро был осторожен — однако из вопросов, которые он задавал, мне стало ясно, что его интересовала прежде всего оборона Коршена и снабжение войск. То же самое, кстати, косвенно подтвердил и Пронтий, когда мы с ним болтали на балу...

— Блестяще, — без всякого выражения констатировал Месьор. — А кроме того?..

— Кроме того, мне ответили из Бельверуса.

— Твои наниматели?

— Да. Ведь мне заплатили за то, чтобы убрать Скавро. И это было самой большой загадкой.

Конечно, Вертраэн ничего не признал в открытую, и письмо Ринги было полным раздражающе туманных намеков и недомолвок, однако Палома прекрасно разбиралась в хитросплетениях домашней политики. И когда узнала, что покойный барон был близок, в числе прочих, с советником Марциалом, для нее словно свет вспыхнул в темной комнате.

— Видишь ли, — пояснила она своему собеседнику, — как и в любой другой стране, в Немедии масса тайных политических течений, и каждая группа преследует свои цели. Марциал принадлежит к Ордену Черного Кречета. Как и барон Торы кстати, но это так, к

слову... Они помешаны на войне. На завоеваниях. Мирная торговля, дружеские отношения — для них это пустой звук. Они рождаются и умирают под лязг оружия. Коршен для них — лакомый кусочек, ведь отсюда открывается дорога на Замору и на Бритунию... Но, по счастью, в Немедии есть и более здравомыслящие люди. Те, кто понимают, что подобный поход был бы величайшей глупостью. Угроза слишком велика. Если Немедия попробует показать зубы — перепуганные соседи вмиг забудут о своих разногласиях. Коринфия, Бритуния и Замора объединятся, чтобы дать отпор завоевателям. И Бельверус окажется втянутым в глобальную затяжную войну, без особых шансов на победу.

— И тайная служба его величества решила эту проблему по-тихому, пока дело не приняло слишком серьезный оборот? — Грациан понимающе усмехнулся.

— Почти. Они лишь собирались ее решить — с моей помощью. Но, как ты знаешь, я опоздала. С ним разделался кто-то из местных. Должно быть, кто-то, кого Скавро пытался переманить на свою сторону — но просчитался.

В комнате повисло долгое молчание. Собеседники думали каждый о своем. Наконец Грациан подал голос:

— Ты не все мне сказала. Приберегаешь самое сладкое на потом?

Он видел ее насквозь.

— Есть еще кое-что. Я просила Гарбо узнать, какие покупки совершил барон в последние пару дней... сама не знаю зачем. Интуиция.

— И она тебя не подвела, — не спросил, а скорее констатировал Грациан. Палома кивнула.

— Помимо прочего, он покупал чернила и пергамент. Тебе это о чем-то говорит?

Месьор повел плечами.

— Донесение в Бельверус? Теперь это уже неважно...

— Не скажи. Ведь он собирался скоро уезжать — хозяин постоянного двора подтвердил, что срок найма комнат истекал через пару дней. Что он мог писать такого, чего не мог бы рассказать при скорой личной встрече. И зачем?

Грациан задумался. Палома не мешала его размышлениям, выжиная, придет ли он к тому же выводу, что и она сама...

— Список, — наконец объявил Месьор, и она с облегчением кивнула. — Единственное, что он мог пожелать занести на пергамент, это список своих сообщников — единственное, что необходимо сохранить в точности.

— И он не отсыпал гонца.

Последовавшее молчание длилось бесконечно. Пока наконец Грациан не поднял на нее глаза.

— Ты... уверена?

— Гарбо клянется, что это так, и я ему верю. Ни один человек из тех, кто выправлял подорожную в Немедию за последние седмицы, не мог работать на Скавро.

— Значит, список еще здесь.

— Да. И, похоже, именно его искал тот человек, что напал на меня в доме ювелира. И я готова поставить на кон все, что угодно — он его не нашел.

— Кто же этот человек, по-твоему? Наемница передернула плечами.

— Сообщник. Единственное доверенное лицо, самый близкий Скавро человек, кого тот посвящал во все свои планы. Ведь, согласись, должен был быть кто-то среди высшей знати Коршена... Предатель. Без него все планы захвата города были бы обречены на провал.

— Ты думаешь?

— Уверена. Орден Кречета никогда не меняет своей тактики. Им необходимо было заручиться поддержкой влиятельных лиц в Коршене, чтобы начать действовать. К примеру, кого-то, кому они пообещали бы власть в графстве, после того как предатель откроет им ворота города.

— Но почему не посадить на трон кого-то их своих... немедийца?

— И настроить против себя всю Коринфию? Исключено. — Палома покачала головой. — К чему, когда в Коршене сама ситуация благоприятствует их планам — спасибо графу Лаварро и его нерешительности! Нет, отыскать реального претендента на трон, развязать в графстве братоубийственную войну — а потом явиться сюда «поблудившим», дабы помочь навести порядок... вот это куда больше в стиле моих соотечественников. Можешь мне поверить. Так что у Скавро был союзник. Был!

— И кто же он?

Наёмница посмотрела на Грациана долгим, внимательным взглядом. Его чуть одутловатое лицо, со следами былых пороков и излишеств, было бледным и усталым. Морщины сегодня утром обозначились четче, чем обычно. Взгляд серых глаз, обычно такой острый, пронизывающий, казался тусклым, сонным. Бесцветные губы кривились в недовольной гримасе.

— Так кто же этот человек? — повторил он, словно думал, что она не слышала вопроса.

Палома вздохнула.

— Я надеялась, что ты мне это скажешь, Грациан. Кому и знать, как не тебе? Ведь это именно ты убил барона Скавро!

— Я? Смеешься?!

— Отнюдь. О, не своими руками, разумеется. Убийцей был Меттерианор. Или его брат... никак не могу запомнить его имя. Но какая разница? Это сделал ты, Грациан!

...Если Палома надеялась, что выражение его лица изменится, отразит хоть какие-то чувства — ее ждало разочарование. Наёмница поморщилась, раздосадованная до глубины души.

— Я так старалась, право... Ты мог бы хоть из вежливости оценить мои усилия...

— Я их ценю. — Голос Месьора был безжизненным, как засушенный лист. — Как ты догадалась.

И — когда?

— О! — С показной небрежностью она махнула рукой. — Почти сразу, по правде говоря. Едва только увидела твоих карликов. Дело в том, что Скавро сидел в кресле, когда его убили, я говорила тебе об этом. Но не сказала самого главного — что удар был нанесен вровень. Не сверху, как если бы действовал убийца обычного роста. Нет, тот, кто держал оружие, был одного роста с сидящим! Если только он не встал на колени...

— Но как осторожный немедиец подпустил бы к себе убийцу? — Грациан говорил так отвлеченно, словно все эти обвинения не имели к нему ровным счетом никакого отношения.

— Он не видел причин опасаться тебя... калеки, — безжалостно пояснила Палома. — А карлики — их ведь вообще большинство людей не склонны замечать и принимать всерьез. Так... живые игрушки. Да еще носильщики, в твоем случае. Чего ему было бояться? Меттерианор мог сделать вид, к примеру, что подошел налить своему хозяину вина...

— И это единственное, что позволило тебе заподозрить меня? — Тон коринфийца выражал недоверие. — Жидковато...

Палома тряхнула головой.

— Я — наемница, ты забываешь. И у меня была неплохая школа. Возможно, никто в Коршене не замечает этих небольших утолщений на поручнях твоего кресла... Слепцам простительно. Но на правом я заметила золоченую шишечку. На левом ее нет. Зато точь-вточью такую же я видела на рукояти терции. Неплохой тайник, клянусь Митрой!

Впервые за все утро Месьор улыбнулся.

— Так-так. А еще?

— Ну, уже сущие мелочи. Они лишь довершили картину и укрепили мою уверенность... Когда я спускалась по лестнице в доме Скавро, перила с одной стороны были сломаны. И излом был свежим, там не было грязи. Узкая лестница — кресло с поручнями было неудобно разворачивать, так ведь? — Грациан пожал плечами. Она продолжила: — И наконец, Гарбо. Он сказал, что почти все, кто посещал немедийца, являлись пешком. Улица Горшечников в бедном квартале. Любой экипаж был бы слишком приметен. Они не желали привлекать внимание. И лишь единственный раз, в самый последний день, некто явился в паланкине. И носилки остановились прямо у дверей. Золотых дел мастер, что живет напротив, очень любопытен. Но даже он не сумел разглядеть, кто вышел оттуда. Отметил только, что паланкин, хоть и без герба, был небедным... Лишь один человек мог рискнуть таким образом. Тот, кто не мог дойти до дверей на своих ногах...

— Это все?

Она пожала плечами.

— Все. Теперь твоя очередь.

— Что ж, ты это заслужила. Но, увы, я не открою тебе ничего такого, чего ты не знала бы и без меня.

...Грациану, действительно, было известно, кто такой Скавро, и чем он занимается в Коршене. Немедиец имел неосторожность попытаться привлечь на свою сторону одного из кровников — безнадежная затея! Так Месьор узнал о немедийском заговоре. К несчастью, как ни старался, имен других заговорщиков он выведать не смог: барон оказался слишком скрытен.

— Оставалась последняя возможность. Через Эрцина я передал этой лисе, что не пропь встретиться с ним лично. Но он оказался хитер. Стал угрожать, что намекнет Лаварро, будто весь этот заговор — моих рук дело. Вполне правдоподобно. Граф не стал бы думать дважды, он не питает на мой счет особых иллюзий. Поняв, что долгой игры не получится, я решил разрубить узел одним ударом... Вот и все. О списке я не знал. И искал его не я — я даже не знал, что у немедийца было еще одно логово. — Грациан перевел дух, а затем неожиданно спросил — так тихо, что она едва могла расслышать: — Но скажи, если ты знала обо всем с самого начала — почему ты оставалась здесь, со мной? Зачем подыгрывала мне? Почему не сказала сразу о своих подозрениях, если не мне, так хоть судье? Ведь от того, отыщешь ли ты убийцу, зависела твоя жизнь!

Как она может ответить на этот вопрос? Палома дорого бы дала за то, чтобы кто-нибудь сейчас объяснил это ей самой...

— Я любопытна, — отозвалась она наконец. В этом была хотя бы часть истины. — Мне хотелось разобраться в подоплеке этой истории.

— И как, тебе это удалось?

Девушка в задумчивости покачала головой — и, глядя на нее, Грациан неожиданно засмеялся.

— Что такого забавного? — вскинулась она. С каждым мгновением настроение ее делалось все отвратительнее... Палома и сама не знала почему.

— Хочешь, скажу, что тебя так мучит? Она подняла брови.

— Ты разрываешься между двумя равно привлекательными возможностями, когда думаешь обо всей этой истории, и не знаешь, какую предпочесть. Ведь моя скромная персона, в твоих глазах, одинаково подходит и на роль спасителя Коршена, и на роль главного предателя. У меня есть права на престол, но, в отличие от моих сводных братьев, я не имею никаких шансов добиться власти. Также, у меня меньше всех причин любить Лаварро и держаться за нынешний порядок. Так что логика подсказывает, что Скавро обязан был поставить на меня. Я ведь больше всех прочих гожусь в предатели, в марионетки Ордена Кречета... — Месьор брезгливо поморщился. — Одновременно, ты только что доказала, что барона убили по моему приказу. И здесь логика вступает в противоречие с фактами. Так что приходится выбирать. Хотя... — он запнулся, затем продолжил с неожиданной горячностью, — разрази меня гром, не понимаю, почему тебя это так огорчает?! Разве тебе было бы приятно, окажись я подлецом?

Глаза его неожиданно вспыхнули, от сонно-усталого выражения не осталось и следа. Теперь перед ней был Грациан — каким она знала его прежде. Только почему-то очень, очень сердитый. Что могло так разгневать его?

— Я не знаю, чему верить. — Неожиданно Палома ощутила чудовищную усталость. Должно быть, оказались две бессонные ночи. — Неужели благополучие Коршена и вправду так дорого тебе, что ты ради этого решился на убийство? Зачем все эти хлопоты?

— Ты хочешь сказать, я слишком мстителен и озлоблен? И мне следовало бы радоваться, если бы доблестная немедийская армия огнем и мечом прошлась бы по моей земле — все ради удовлетворения личных амбиций? Нет, моя дорогая... — Грациан покачал головой. — Не стану скрывать, я не питаю любви к Лаварро, этому выскочке и узурпатору. Я ненавижу этого ублюдка, что превратил меня в калеку. Но свои проблемы я предпочитаю решать сам! И помочь Бельверуса мне для этого ни к чему. Скажи, ты веришь мне?

Палома задумалась.

— А это имеет значение?

— Странным образом — да.

— Тогда объясни, какова же моя роль во всем этом? Ведь это ты подготовил мне ловушку. Ты, не отпирайся! Конан знал от Ринги, что я приеду. Ты догадался — зачем, и подоспал стражников, чтобы меня схватили у Скавро. Ты подстроил этот суд!..

— И твое освобождение, не забудь.

— Да. На одну луну. И чтобы на этот срок я оказалась полностью в твоей власти. Вот этого я понять не могу. Разве не проще было бы, чтобы меня казнили за убийство?

Грациан молчал очень долго, в задумчивости вертел перстень на указательном пальце. И наконец промолвил:

— Проще — возможно. И сперва, еще не зная тебя, я так и хотел поступить. Но кто бы тогда докопался, как широко раскинул свою сеть немедиец? Кто открыл бы мне, замешан ли в этом сам король Нимед — или это лишь происки какой-то группки заговорщиков? Кто мог бы гарантировать, что Орден Кречета не пришел на место Скавро второго, третьего соглядатая... которого я уже не сумел бы вычислить?!

Значит, она нужна была ему лишь как связующее звено между ним и немедийской Короной. Так просто... Палома закусила губу.

— А я-то думала, ты просто был тронут моей красотой и решил спасти невинную жертву... — Она с горечью засмеялась. Грациан иронично скривил тонкие губы.

— Ну, а ты решила бы помочь мне просто так, из жалости к несчастному калеке, который мечтает окончить свое жалкое существование в мире и покое...

— Замолчи! Не смей говорить о себе... так! — Она и сама не могла бы сказать, что ее столь сильно возмутило. — Ты... ты бравируешь своим увечьем, как будто... ты выставляешь его на показ, словно это твоя единственная гордость! Какого демона?!

— О... — Месьор, казалось, был поражен. — Прости, я не думал, что тебе это так неприятно.

Но лицо у него было злое, ничуть не виноватое.

— Прекрати! — Палома вскочила с места. Ей хотелось сказать еще что-то... Но слов не было. Она не знала таких слов. — Прекрати, — повторила она беспомощно и вдруг махнула рукой. — А, к Нергалу все это! Давай, упивайся своей слабостью, ты... жалкий калека! Давай, у тебя это так славно получается! — Теперь ей хотелось ранить его посильнее. — Будь ты проклят...

Развернувшись, она вышла из комнаты. Очень спокойно. И даже аккуратно притворила за собой дверь.

И лишь когда очутилась в безлюдном коридоре — она побежала. Сама не зная куда, не различая дороги из-за слез, туманивших глаза.

Глава IX

Таверна гудела, вино лилось рекой... Палома не помнила, каким по счету было это заведение. Она не помнила даже, сколько дней продолжается это бессмысленный, угарный загул. Как только им надоедало в одном месте, они с Эрвердом и толпой незнакомцев, то разставшейся, то съживавшейся до пары человек, перекочевывали в новую забегаловку. В иных застревали надолго, в других оставались выпить лишь по кружке. Это не зависело от качества вина. Это вообще ни от чего не зависело. Паломе не хотелось думать.

Под утро, если рассвет не заставал их под столом, они снимали какие-то комнаты, чтобы рухнуть спать вповалку, а под вечер проснуться — и начать все заново.

Хмель уже перестал действовать на нее. Она пребывала в состоянии непреходящего отупения — и это ее вполне устраивало.

Было что-то еще... здесь ее воспоминания становились расплывчаты. Кажется, в одном из питейных домов они встретили Гарбо с приятелями и соревновались в метании ножей. Палома не помнила, кто победил.

Гарбо о чем-то просил ее, она что-то обещала... это не имело никакого значения.

На каком-то постоялом дворе, кажется, случайный собутыльник пытался домогаться ее любви... она помнила лишь потные руки с перстнями и черные глаза навыкате... По руке она полоснула кинжалом. Затем в дело вступил Эрверд со странной фразой, что, мол, перед ним не женщина, а боевой товарищ. Больше никто ее не трогал. Но фраза ей не понравилась, и они с заморийцем чуть не поссорились. Примириение отметили очередным кувшином красного пуантенского...

Затем, в какой-то момент она сделалась на редкость разговорчива и долго пыталась объяснить кому-то — кажется, Гарбо, — что Амальрик вовсе не такой уж негодяй, и рано или поздно она все же поедет в Тору, вернет ему его деньги — и заставит жениться на ней! Эта мысль внезапно показалась ей особенно привлекательной...

— Почему бы и нет, — твердила она упрямо. — Мы друг друга стоим. Вполне годимся, чтобы испортить друг другу жизнь...

— Странный повод для женитьбы!

— Что ты в этом понимаешь! — возмутилась она. Глаза собеседника были совсем рядом, смотрели на нее в упор. Синие, синие глаза...

— К-конан? — Палома ухватилась за столешницу, мир внезапно утратил устойчивость. — А ты что тут делаешь?!

— Пью, — невозмутимо отозвался киммериец, наливая себе еще вина. Как давно он здесь? Наемница тщетно пыталась сбрать расползающиеся воспоминания.

Нет, вряд ли очень давно. Такого медведя трудно не заметить...

— Как... как ты нас нашел?

Северянин расхохотался.

— Что искать — вот спрятаться от вас было бы труднее! Весь Коршен поставили на уши... Часто у тебя — такое?

— Хочешь сказать, я непристойно себя веду? — Палома неожиданно пришла в воинственное настроение. — Ты это хочешь сказать, да? Позорю честное имя... Веду себя неподобающее для женщины...

Киммериец пожал широченными плечами.

— Да делай, что хочешь — мне-то что? Почему-то это разъярило ее еще сильнее.

— Значит, тебе дела нет?! Никому нет дела... всем все равно, да?

Несколько мгновений он пристально смотрел на нее. Затем вдруг поднялся с места, нависая над ней, точно скала.

— А ну-ка пойдем...

— Эй! Эй, куда ты ее ведешь? — кто-то из собутыльников попытался воспротивиться. Другие же, включая Эрверда, были слишком пьяны, чтобы что-то замечать.

— Пойдем, — жестко повторил Конан. И, неожиданно для самой себя, Палома подчинилась.

Нетвердой походкой, цепляясь за своего спутника, она вышла во двор таверны. Ночь, влажная и прохладная, окутала ее, словно плащом. Наемнице сразу стало холодно. Она хотела было что-то сказать, потребовать, чтобы он вернул ее на месте... Но не успела.

Железная рука ухватила ее за плечо, потащила куда-то — и Палома внезапно почувствовала, как ноги ее отрываются от земли.

А затем...

Тьфу, проклятье! Вода!.. Ах ты....

Ругаясь и отплевываясь, она выбралась из огромной бочки с дождевой водой, куда окунул наемницу ее мучитель.

Первым порывом было выхватить нож и наброситься на него... она даже сделала первый шаг на подкашивающихся ногах... И вдруг расхохоталась.

Представила себе, до чего нелепо, должно быть, выглядит сейчас со стороны. Мокрая до нитки, с обвисшими волосами. Под сапогами расплывалась огромная лужа...

Девушка с подозрением уставилась на своего спутника, невозмутимо ожидавшего ее дальнейших действий. Несколько мгновений сосредоточенно размышляла и неожиданно спросила:

— Скажи, мне мерещится, или я и вправду болтала о том, чтобы вернуться в Тору к Амальрику?..

Конан молча кивнул.

— Тогда... спасибо, что привел меня в чувство. Давно пора. Хочешь выпить по такому случаю?

— Нет. И тебе не советую. Хватит уже.

— Тоже мне, нянька нашлась! — Она попыталась сделать вид, что обиделась, но это получалось плохо, и, обреченно пожав плечами, ибо ясно стало, что празднику все же наступил конец, поинтересовалась: — Сколько времени я... мы...

— Шестой день.

— И что?

Он понял смысл вопроса.

— Искали тебя. От графа Лаварро приходили — приглашает погостить в замке. Еще из суда был посланец. Обвинение снято, ты свободна... Ах, да. Эвлалия тоже хотела тебя видеть...

Он замолчал.

— Всё?

Одно короткое слово — но оно далось ей тяжелее всего.

Вместо ответа Конан приобнял ее за плечи.

— Пойдем, ты вся мокрая, замерзнешь. Там паланкин на заднем дворе...

Она безвольно позволила ему увести себя, посадить в носилки. Киммериец заботливо укутал ее в меховую накидку. Когда он уселся напротив, в паланкине сразу стало очень тесно. Палома посмотрела на него.

— Ты славный парень, северянин. Что ты делаешь здесь?

— Здесь? Или вообще в Коршене? Или...

— Или.

Киммериец немного подумал, прежде чем ответить. Он, похоже, вообще, привык обдумывать каждое свое слово.

— Он мне нравится, — пробурчал он наконец, и Палома сразу поняла, о ком идет речь. — Не знаю, что уж там рассказывают про его семейство, но... Гнили в нем нет, я такие вещи нутром чую. Хитрый лис, конечно. Слишком умен, себе, на горе — точно как ты. — Конан заговорщически ухмыльнулся. В полуслучае блеснули белые зубы. И неожиданно, совсем не в тему, закончил: — Мы все это время знали, где ты и что с тобой. Он велел присматривать. Издалека, на глаза не попадаться...

— А ты, значит, приказ нарушил.

— Ну... — Гигант повел плечами и насмешливо хмыкнул. — Я, вообще, не слишком люблю подчиняться.

Она не сводила с него взгляда. И голос ее прозвучал едва слышно:

— Спасибо тебе...

Это неожиданно смутило северянина.

— Вряд ли станешь благодарить, когда узнаешь, в чем дело.

— Что такое? — Почувствовав, как изменился, стал напряженно-серъезным его тон, Палома вмиг подобралась. Похоже, отдых закончился, и время смеха прошло. Теперь подступали, теснились у порога проблемы.

Конан помолчал, словно, как это ни странно, сомневался, не зная, с чего начать. И вдруг выпалил:

— Неладное он задумал. Что-то мы должны придумать. Я уже голову себе сломал — ничего не выходит, так что на тебя вся надежда. Ты кашу заварила, тебе и расхлебывать...

— Да говори, не тяни!

— Список. — Он почти выплюнул это слово. — Сказал, что нужно выкорчевать эту заразу с корнем — то есть, всех тех, кого этот твой немедиц на свою сторону перетянул. По твоим записям, что ты оставила...

Палома не сразу поняла, что это означает, а когда осознала — ее пробрала ледяная дрожь.

— Но... как же... ведь это все те, кого нашел Гарбо! Там человек сто, не меньше!

— Семьдесят шесть, — сухо поправил Конан.

— Семьдесят шесть... И среди них две трети невиновных. Их что же, всех в суд потащат?! Даже в темноте она ощутила, как напряглось его мощное тело. Ему, казалось, очень не хотелось произносить это вслух...

— Какой там суд, о чем ты!

— Но...

— Кровники, — произнес он наконец. — Завтра — он уже дал приказ. Доказательств никаких. Правды не узнать. Кто из них изменник, кто нет — как разберешься? Но если предали один раз, могут предать и еще. Так он сказал...

От чудовищности этих простых слов у Паломы перехватило дыхание. Семьдесят шесть

человек...

— А кровники — они пойдут на это? Конан сумрачно кивнул.

— На то они и кровники. Я — нет. Я — обычный наемник, и не обязан... Так ему и сказал. Он понял. Но — надо что-то придумать...

— Но что? Что?!

Допросить каждого? Следить за ними? Да нет, все не то. Месьор прав, увы, таким путем истину не установить. Да и слишком долго. Кровники готовы начать уже завтра.

Боги! Что же делать?!

— Мы не можем этого допустить, — немеющими губами прошептала девушка. — Он не должен брать на себя... такое.

— Верно. — Голос Конана был мрачен и холоден, как эта ночь. — Ты не можешь этого допустить. Придумай что-нибудь...

— Но почему я?

— Из-за тебя все началось.

— Из-за меня?! — Палома была возмущена. — Я виновата, что раскрыла заговор Скавро?

— Нет, не в этом. — Киммерийца, похоже, раздражала ее недогадливость. — Из-за тебя он так озлился. Уж не знаю, что ты ему в последний день наговорила... Только с этого все и началось.

Наемница покачала головой.

Ее упреки. Отвратительные злые слова. Конан прав... Действительно, это ее вина. Но что теперь делать?

— Настоящий список. Найди его! — Он явно досадовал на ее тупость. — Список Скавро, где настоящие предатели. Если его найти — тогда невиновные не пострадают. Понимаешь?

Ну, конечно! Это единственная возможность!

Однако... легко сказать — найди список. Как? Где?

— Твое дело. — Северянин был безжалостен. — Мозги есть — вот и поработай ими.

...Паланкин замер на месте, затем носильщики осторожно опустили его на землю. Сквозь щелку в занавесиях Паломе были видны огни Дворца... Не дожидаясь, пока спутник поможет ей, она легко выскользнула наружу у: зашагала к воротам. Конан молча последовал за ней.

У самого входа она обернулась.

— А ты? Ты поможешь мне? Гигант кивнул.

— Можешь на меня рассчитывать.

— Тогда — ты сможешь упросить Месьора, чтобы он отложил свой приказ хоть на пару дней?..

Он задержался с ответом.

— На один день, — услышала она наконец. — Он согласен только на один.

Ей понадобилось время, чтобы: понять. О, вино, враг здравого рассудка!

— На один... Что-о?! Так значит — ты уже говорил с ним? Ты... Вы опять все это подстроили? Чтобы меня вытащить, да? Опять заговоры? Интриги?! Да как вы смели...

Палома набросилась на него с кулаками. Киммериец легко, как пушинку, подхватил ее за талию и поднял в воздух, ожидая, пока она закончит барахтаться. Наконец, осознав всю тщетность сопротивления, она устало велела:

— Ладно, пусти. Больше не буду. Но — ох, и припомню же я вам обоим...

...Ей нравился смех северянина, особенно, когда он хохотал вот так, громко, от души. Было в этом смехе что-то по-детски заразительное, искреннее... на него невозможно было долго сердиться.

— Видят боги, — прошептала она чуть слышно, — Конан, я бы в тебя влюбилась...

В ответ он хлопнул ее по плечу.

— Но, похоже, я опоздал. Не так ли?

Она бросила на него угрюмый взгляд. Мужчине вовсе не к лицу такая проницательность. Тем более... Ах, до чего же это все глупо, странно, опасно, нелепо, неясно... она могла бы перечислять часами!

— Я устала, — объявила она наконец. — Пойду спать. А на рассвете — начнем.

Вместо ответа, Конан вскинул сжатый кулак. Приветствие наемников! Палома вернула ему этот жест.

Еще всего лишь луну назад она даже названия такого — Коршен — не слышала. Теперь у нее здесь было два брата. Больше, чем дома, в Бельверусе. Гораздо, гораздо больше...

* * *

Рассвет застал наемницу на ногах. В голове шумело, и в желудке ощутимо царапалась какая-то тварь, — но полная боевая разминка без малейших поблажек, даже не до седьмого, а до семьдесят седьмого пота, — помогла изгнать все воспоминания об излишествах минувших дней.

Тяжело дыша, она скинула с себя насквозь промокшую тунику, вложила меч в ножны, в который раз порадовавшись, что комната, которую ей отвели во Дворце, достаточно просторна для упражнений... впрочем, теперь это уже не имело значения.

Затем она умылась ледяной водой, наскоро перекусила сыром и свежей лепешкой и завершила завтрак кружкой свежего молока: за эти дни слуги Месьора успели изучить все пристрастия гостьи.

Все. Откладывать неизбежное было некуда. Пришла пора действовать. Она должна отыскать этот проклятый список!

...Однако для стороннего наблюдателя «действия» Паломы могли бы показаться странными; более того, отнюдь не соответствующими срочности положения и краткости отведенного срока — до полуночи. Вместо того чтобы устремиться в город, встречаться с разными людьми, задавать вопросы, за кем-то следить... словом, вести поиски, как полагается... наемница занялась совсем другим.

Пробежавшись взглядом по своим записям, сделанным накануне решающего разговора с Грацианом, она какое-то время сидела неподвижно, задумчиво глядя в одну точку, а затем с горестным вздохом, как будто ей предстояло нечто крайне неприятное, улеглась на пол. Вытянулась на спине, запрокинула голову, закрыла глаза. И — замерла. Надолго.

Очень надолго.

— Пей — и слушай. Говорить будешь потом.

Сама она, единственная из всех, не притронулась ни к еде, ни к выпивке. Утренний ритуал сосредоточения запрещал принимать в себя грубую земную энергию, которую несла с собой пища, до тех пор, пока не будет исполнена поставленная задача.

— Значит так, — начала она подчеркнуто сухим, деловым тоном. — Мне нужна ваша помощь, друзья. Для тех, кто считает, что чаша весов в наших расчетах и без того кренится в мою сторону, говорю сразу — все долги будут погашены...

— Да что ты болтаешь, Оса! — не выдержал Эрверд. — Кто это и когда отказывался тебе помочь?

Она пожала плечами.

— Слова должны быть сказаны. Кто хотел — услышал. Больше не перебивайте меня. Я объясню, в чем дело. С начала и до конца, поскольку не все из вас знают эту историю полностью.

Теперь они напряглись и готовы были внимать. Она чувствовала нити их сосредоточения, протянувшиеся к ней.

— Мы с вами сидим в доме убитого немедийского барона. Его звали Скавро. Он бывал в Коршене наездами, на протяжении года, выполняя поручение Ордена Черного Кречета, которому служил. Этот Орден — влиятельная группировка в Немедии, объединившая воинственную знать, мечтающую о завоевательных походах и военной добыче. Их выбор пал на ваше графство... План Кречета был прост. Заручившись поддержкой ключевых фигур в Коршене, они рассчитывали напасть на город, сломить оборону и захватить его, свергнув графа Лаварро. На трон должен был взойти кто-то из нынешних наследников... кто-то, кому надоело ждать, пока граф наконец примет решение, и кто опасался, что решение это будет не в его пользу. Я не знаю, кто этот предатель. Возможно, вы поможете мне... Но об этом позже.

— Но зачем им Коршен? Город неплохо защищен и не так уж богат; в Коринфии есть куда более лакомые кусочки для хищников! — Удивленный, мозаист Ниано забыл о просьбе наемницы подождать с вопросами. Он, единственный из присутствующих, почти ничего не знал обо всей этой истории и сейчас сидел в полном недоумения, переводя взгляд с Паломы на остальных ее спутников и качая головой при виде царящего в покоях Скавро разгрома.

— Коршен сам по себе им неинтересен. Скорее, это повод... заявить о себе. В Немедии, прежде всего. Успешно проведя захват графства, они показали бы королю Нимеду, на что они способны, их влияние возросло бы стократно. Под знамена Кречета встали бы сотни юношей из благородных семей — вторые сыновья, лишенные наследства, или просто обедневшая знать, для кого завоевательная война — лучший способ поправить дела. А кроме того, исполнив задуманное, они поставили бы Бельверус перед свершившимся фактом. Из Коршена открывается прямая дорога на Замору. Нимеду ничего не оставалось бы, как продолжить поход на восток — распаленная знать никогда не позволила бы ему завершить войну! Да и другие коринфийские княжества — наверняка они выступили бы на помощь Коршену, опасаясь что иначе та же участь постигнет и их самих. Это тоже сыграло бы на руку Ордену Кречета!

— А что, неплохо придумано, — неожиданно подал голос Конан. Прирожденный воин, он не мог не отметить всех достоинств этого плана. — Головастые парни в твоем Бельверусе, это я давно заметил!

Усмехнувшись, Палома продолжила:

— По счастью, не все «головастые парни» у нас помешаны на войне. Есть и те, кто трезво оценивает ситуацию и понимает, что такая кампания меньше всего сейчас на пользу самой Немедии. Эти люди и наняли меня, чтобы остановить Скавро.

— Так ты все же прикончила его?! — Эрверд расхохотался.

Палома, уже смирившаяся с тем, что спокойно довести рассказ до конца ей все равно не дадут, устало махнула рукой.

— Нет. Его убил... другой человек. Коршенец — которому тоже не по душе пришли замыслы барона. Но важно не это. Главное, что остались люди, которых немедиец сумел склонить на свою сторону. Предатели, готовые ради денег, власти или чего уж он им там наобещал, открыть ворота города завоевателям...

— Подлые твари! — возмутился Тальер. — Ты знаешь, кто они?

— Я — нет. Но Скавро знал. Он составил список изменников, чтобы отослать в Бельверус. Но был убит, прежде чем успел это сделать. В этом списке — вся грязь Коршена. Все те ублюдки, которые вчера пошли на сговор с бароном... а завтра могут переметнуться к его наследникам. Угроза над вашим графством не исчезнет, пока мы не отыщем этих людей. Мы — все вместе — сейчас!..

В комнате воцарилось напряженное молчание. Только что они готовы были галдеть, перебивая ее при каждом удобном случае — но теперь притихли, задумались.

— Почему мы, — наконец подал голос Ниано. — То есть, остальные-то, может, конечно... Но я? От меня какой прок?

Как она могла ответить ему — если не знала сама?

Только предчувствие, смутное, как дымка над водой, что ей необходимо прийти сюда, в этот дом, и привести с собой всех, кто хоть краешком был замешан в этой истории. Зачем? Что им надлежало делать здесь? Оставалось надеяться лишь на удачу.

Но вместо этого она сказала:

— Шесть пар глаз — лучше, чем одна. Пошатайтесь по дому, осмотритесь. Я уверена, что список спрятан где-то здесь. И это должно быть какое-то очень простое, совершенно очевидное место — настолько на виду, что никто до сих пор не сумел его отыскать. Попытайтесь... и да придут боги вам на помощь!

...И тем семидесяти шести несчастным, которые лишатся жизни, если у нее ничего не выйдет!.. Но об этом Палома не стала говорить своим спутникам. Лишь по мрачному взгляду Конана поняла, что киммериец думает сейчас о том же самом — и отнюдь не уверен в успешном исходе предприятия. Он один знал всю историю от начала и до конца — и о ней, и о Месьоре... все, что она скрыла от остальных... но врожденная тактичность не позволяла варвару даже полусловом, полунамеком обнажить свое знание. Вот и сейчас, чтобы не давать никому повода для лишних расспросов, он поднялся, резко хлопнув ладонями по коленям.

— Ладно, чего тянуть! За работу, парни!

Несмотря на молодость варвара, в нем ощущался талант прирожденного лидера: одно слово — и все послушно потянулись за ним. Даже Гарбо встал и отставил кружку. Паломе пришлось взглядом показать ему, чтобы задержался немного. Когда остальные вышли из комнаты, вор неслышными шагами приблизился и сел на корточки рядом с наемницей.

— Зачем ты это сказала? — Тон его не предвещал ничего хорошего.

— Что именно?

— Ты знаешь. Ведь сказано было для меня — не для них!

А, вот оно что... Его задели ее слова начет чаши весов и уплаты долга!

Хорошо. Она на это и рассчитывала.

— Не стоит... — Палома ласково потрепала его по щеке. — Я ведь прекрасно понимаю, что ты помогаешь мне не за красивые глаза. Здесь нечего стесняться, Гарбо.

Неожиданно он дернулся, отбросил ее руку. Ощерился по-волчьи... того и гляди укусит.

— Ты... Да как ты смеешь так говорить со мной! Я не какой-нибудь ублюдок подзаборный, кому что честь, что благородство — пустые слова! Мой отец был правой рукой графа Паллия! Моего деда сам король Эмборий из собственных рук наградил Орденом Льва за битву при Инунде! И ты мне обещаешь расплатиться... как с дешевой шлюхой?! Я — твой брат, Палома, хочешь ты того или нет. Но — видят боги — в последний раз я напоминаю тебе об этом. И если для тебя это ничего не значит...

Он сам сказал это! Назвался ее братом не тогда, когда она принудила его к этому на глазах у тюремного сброда, но по собственной воле... Если бы он знал, как много это для нее значит! Сглотнув и стараясь, чтобы голос не выдал ее, наемница промолвила:

— Ты мой брат, Гарбо. И — видят боги — больше никогда тебе не придется об этом напоминать. Потому что я никогда не забуду...

Мгновение поколебавшись, она подняла руку в жесте братания — как тогда, в подземелье, — и Гарбо коснулся ее ладони своей.

— Ты справишься, я знаю, — прошептал он, обняв ее за плечи.

Палома отстранилась со смехом.

— Теперь мне ничего другого не остается... Ладно, ступай, помоги остальным. Мне надо немного побывать одной...

Грациозно поднявшись, коршенский вор вышел из комнаты. Вскоре его веселый голос послышался с лестницы. Кому-то он советовал простучать ступени на предмет тайников, кого-то посыпал слить воду в купальне... В общем, с появлением Гарбо в доме все забурлило. Оставался лишь вопрос — что это даст ей, Паломе?

...Оставшись в одиночестве, она, после трех глубоких выдохов и коротенькой молитвы сосредоточения, перешла в состояние глубинной восприимчивости — как учил ее в свое время жрец Теренций...

Шум, доносившийся снаружи, ничуть не отвлекал ее — наоборот, его нити вплетались в общую канву, добавляя необходимые стежки.

Суeta, бессмысленное хождение взад и вперед, смех и болтовня ее друзей были сейчас необходимы девушке, как воздух. Именно за этим она попросила их всех прийти сюда. Не потому что рассчитывала, что кто-нибудь и впрямь отыщет тайник... нет, дело было в ином.

Трудно объяснить. Просто порой, когда очень сильно желаешь что-нибудь отыскать, в определенный момент следует прекратить поиски. Перестать действовать в мире, который враждебен ищущему, ибо скрывает в себе вожделенную цель. В этот самый миг нужно успокоиться. И дать миру возможность самому раскрыть тебе свои секреты. Преподнести искомое на раскрытых ладонях...

Ее друзья были необходимой частью этого мира. Собрав их здесь сегодня, Палома пыталась поторопить события. Если все элементы головоломки на месте — то скоро, очень скоро все решится.

Она поймет... А пока ей не нужно было даже думать ни о чем. Только слушать. Смотреть. Впитывать и внимать...

...Да не стой ты столбом, отодвинь эту штуковину...

...А тут смотрел кто-нибудь.....К Нергалу эту вазу, зачем ты ее тащишь, Эрверд...

...Ниано, взгляни на это уродство! Видишь, какие завитушки на колонне? Пусть мне еще кто-нибудь скажет, что у немедийцев есть вкус!..

...Смотрите, что я нашел! Конан, ты только взгляни на этот меч!.. Для украшения? Вот досада, я-то думал...

...Пустая твоя голова...

...Вино наверху осталось...

...Гарбо! Эй, кто-нибудь видел Гарбо?..

...Да прекратите орать, в конце концов!..

Нет, нет, не прекращайте, хотелось ей крикнуть. Все не так! Что-то... не складывается...

Нахмурив брови так, что даже лоб заныл, Палома попыталась понять, что же неладно.

Интуиция не обманывала, ей необходимо было сделать то, что она сделала — и все же... чего-то явно не хватало. Картинка зияла пустотами. Может быть, если она сама пройдется по дому...

Поднявшись с места, девушка медленно обошла весь второй этаж по кругу. Здесь ничего не изменилось с прошлого раза, только, может, разгром стал еще ужаснее. Перевернутые кресла, выпотрошенные, как коровы туши, диваны, разбросанные безделушки, сорванные со стен гобелены с отпечатками грязных сапог, осколки ваз и посуды, порванные ковры... Медленно, не обращая внимания на своих спутников, она спустилась по лестнице. Прошла на кухню, едва не споткнувшись о россыпь глиняных мисок, затем в купальню, и наконец остановилась у входных дверей.

Какая-то неумолимая сила властно тянула ее наружу.

Кто-то — кажется, Конан, — окликнул ее, но она даже не обернулась, чтобы ответить. Просто не могла.

* * *

...Маленький дворик был пуст. Среди зеленой травы вилась посыпанная песком дорожка, серая в наступивших сумерках. Чернели кусты, точно скалы у моря.

Справа, за каменным забором, слышались голоса — золотых дел мастер Газир собирали свое семейство. Может, это он владеет той недостающей нитью, отсутствие которой Палома ощущала все остree с каждым мгновением? Но нет. Когда она смотрела в ту сторону, чувство опустошенности не проходило. Разгадка крылась не там.

С усталым вздохом опустившись на ступеньки, наемница попыталась понять, где же она допустила ошибку? Интуиция вела ее все это время, точно, безошибочно. Похоже, она просто не сумела учесть все необходимое. Не справилась... А день стремительно летел к завершению.

Но почему это так тревожит ее?

Тайная служба Немедии вполне довольна тем, как завершилась история со Скавро — Ринга ясно дала ей это понять в своем письме. Даже перед Коршеном совесть наемницы чиста: едва ли Клан Кречета в ближайшее время решится повторить свою попытку. Так почему бы не успокоиться? Не оставить все как есть? Из-за этих семидесяти шести человек, которых завтра кровники Месьора хладнокровно предадут смерти? Но ведь среди них есть и предатели! А невинные... ну что ж, редкая война обходится без жертв. Если бы замыслы Скавро исполнились, пострадало бы куда больше народу! И все же...

Она не могла оставить все как есть!

Чуть заметное движение в саду привлекло ее внимание, вмиг прервав печальный ход мыслей наемницы. Она пристально вглядилась в темноту — и вдруг...

От облегчения ей захотелось плясать. Кричать во все горло, как перепившийся бродяга.

Топать ногами, пока мраморная кладка ступеней не разлетится в мелкое крошево. Но вместо этого она сказала очень тихим, спокойным голосом, так что ее мог слышать лишь человек, скрывавшийся за кустами, в нескольких шагах от крыльца.

— Добрый вечер, Меттерианор. Рада видеть тебя сегодня.

Ветви раздвинулись; карлик, весь в черном, как обычно, вышел ей навстречу и невозмутимо уселся рядом, на одну ступеньку выше, и теперь они стали почти одного роста. Все так же безмолвно, порывшись в складках короткого плаща, он извлек тугую кожаную флягу и протянул ее Паломе.

— Выпьешь?

Теперь было можно. Хвала богам, теперь было можно!

Она приникла к горлышку, с наслаждением ощущая вкус вина на языке.

— Розовое коршенское, виноградники горы Латаш... м-м... — Похожим угощал ее на балу граф Лаварро, но это было даже лучше. С сожалением она вернула похудевшую флягу владельцу. Коротышка аккуратно завернул пробку.

— Есть что праздновать? — Как обычно, он говорил коротко и сухо, почти враждебно, но Палому это больше не смущало.

— Есть. — Он и был недостающей нитью, пропавшим кусочком головоломки. Стоило ему появиться — и все стало на свои места. — Ты отдашь Месьору то, зачем пришел.

— Где оно?

— Позже.

Он понял. Кивнул, хотя лицо недовольно скривилось. Но не мог не признать, что наемница в своем праве: в обмен на список он должен был что-то дать ей. Информацию.

— Спрашивай.

Палома покачала головой.

— Меттерианор... Хотя бы раз — в последний раз — мы можем поговорить по-человечески?

Карлик пожал плечами.

— Зачем тебе это нужно? Это ее рассердило.

— А ты считаешь — я не имею на это права?! Посуди сам... с самого начала, как я приехала в Коршен, мною вертели, кто как хотел, мне подстраивали ловушки, судили, обвиняли, приговаривали к смерти... Потом... Меня вынудили, как шавку, гоняться за собственным хвостом. Искать по городу убийцу, который все это время был от меня в двух шагах. Ряженой отправили на бал — позлить местную знать. А теперь... Ты по-прежнему не хочешь говорить со мной?! — Голос ее сорвался на крик.

За спиной осторожно приоткрылась дверь — и так же бесшумно закрылась. В доме стало тихо. Молчание длилось долго.

— Ты сама не знаешь, что хочешь выведать у меня, — произнес наконец Меттерианор. — Все, что было, тебе и без того известно. А помыслы моего господина, его... чувства, — он как будто поперхнулся этим словом, — об этом я судить не могу. Так о чём же нам говорить?

И правда, о чём?

— Ладно, — с фальшивой беззаботностью объявила она, поднимаясь. — Пусть это будет мой подарок. — И двинулась в дом, не оборачиваясь взглянуть, последует ли карлик за ней. С порога она окликнула Тальера:

— Эй, Камнерез! Где тут та элида, о которой вы спорили с Ниано? Решили наконец, что

она такое?

— Безвкусица и убожество, — с готовностью отозвался тот.

— Тогда... Надеюсь, ты не станешь возражать...

На глазах у изумленных друзей, Палома, пошарив глазами в поисках чего-нибудь тяжелого, отыскала лежавшую на полу бронзовую статуэтку какого-то вендейского зверька, подняла ее, взвесила в руке... и, размахнувшись, изо всех сил ударила по злополучному колчану за спиной богини.

— Ты что делаешь? — воскликнул с верхнего этажа Конан. — Гарбо, смотри, что творит эта сумасшедшая!.. — и осекся.

Потому что гипсовая нашлепка, ловко приделанная к статуе, разлетелась вдребезги от удара. И узкий кожаный футляр, запечатанный воском, покатился прямо к ногам Паломы.

Не торопясь, та подняла его, вскрыла, вытряхнула свернутый в трубочку лист пергамента. Развернула. И, пробежав глазами, с поклоном вручила Меттерианору.

— Вот. Надеюсь, Грациан останется доволен.

Кто-то, кажется, Эрверд, сдавленно вскрикнул. Гарбо выругался. Конан, поспешил бросившийся вниз по ступеням, застыл на середине лестницы. Мозаист и скульптор молча взорвались друг на друга, затем — на изуродованную статую.

— Здесь четырнадцать имен, — пробормотал карлик, впившись глазами в список. — И нет самого главного...

Да, это было первым, что она заметила. Осторожный Скавро не доверил пергаменту одно-единственное имя — того, кто должен был занять трон после вторжения. Но ее это уже не касалось. Пусть Месьор сам ломает голову!

Она приняла решение. Окончательное. Как Говорил в свое время северянин, нет ничего, с чем не справился бы добрый клинок... Дорога станет ее клинком — и отсечет все нити!

Палома обернулась к киммерийцу:

— Конан, верно ли я понимаю, что ты больше не страж мне? Я исполнила все, что обещала, не так ли?..

— Ты... хочешь уехать? — В тоне Гарбо звучала обида. Но она не хотела об этом думать. Довольно с нее Коршена, в конце концов! Она им всем больше ничем не обязана!

Верно сказал Меттерианор — говорить больше не о чем. И не с кем. Она больше никого не желала видеть.

— Да, хочу! — наемница дерзко встряхнула белоснежными волосами. — Кто-то посмеет удержать меня?

Не только Гарбо казался оскорблением ее поспешностью. Ниано и Тальер, Конан и Эрверд, все они взирали на нее с недоумением... и лишь некоторые — с сочувствием. Но сочувствие это лишь еще больше раздразнило ее. Она уже намеревалась бросить какую-то дерзость — но тихий голос Меттерианора пресек этот смехотворный порыв.

— Ты свободна, женщина. Месьор велел, чтобы лошади ждали тебя на конюшне. Ты вольна покинуть город, когда пожелаешь.

— Ему так не терпится от меня избавиться, что он заранее позаботился об этом?! — Она давала себе зарок не произносить этих слов... но, разумеется, они первыми сорвались с языка. — Наш вездесущий, всеведущий Грациан — лучше всех знает, что я делаю и чего хочу! Теперь, когда я сделала все, что ему нужно... я больше не нужна, да?

— Понимай как хочешь, — буркнул карлик презрительно. Пряча пергамент под плащ, он повернулся к двери — но тут киммериец, тремя гигантскими шагами настиг его и с яростью

тряхнул за плечо:

— Скажи ей, недомерок. Скажи ей!

Тот, похоже, собирался возразить — но, наткнувшись на гневный взгляд синих глаз северянина, поперхнулся словами.

— Скажи ей. Меттерианор дернулся.

— Ладно. Пусти меня... медведь! — Он поморщился, потирая ноющую руку. И нехотя обернулся к Паломе. — Месьор велел передать... Если ты пожелаешь, Конан может сопровождать тебя в Немедию. Он проследит, чтобы ты добралась благополучно и... — слова давались ему все с большим трудом, — ...вернулась, если на то будет твоя воля. Вот. — Он с вызовом обернулся к киммерийцу. — Сказал! Теперь ты доволен? Только помяни мое слово — пожалеешь еще об этом! Все мы об этом пожалеем...

И, резко чеканя шаг, вышел, с силой захлопнув за собой дверь.

В наступившей тишине смех Гарбо прозвучал натянуто — но и это помогло разрядить обстановку.

— Так ты вернешься, сестричка?

Палома опустила голову. Больше всего на свете ей сейчас хотелось бы ответить нет — но она не привыкла лгать без нужды.

— Тусцелла был в списке Скавро, — бросила она коринфийцу. — Передай Месьору, чтобы не трогал его до моего приезда. Я ведь тебе обещала, помнишь?..

Тот помолчал, оценивая смысл сказанного.

— Но тогда — зачем уезжать? — вмешался Эрверд.

Простая душа — как он мог понять?!

— Предатель внутри Семьи... — Неожиданно Конан пришел наемнице на помощь. — Наверняка, Скавро сообщил его имя своим дружкам в Бельверусе. Мы вытрясем из этих ублюдков все, что им известно! И тогда...

— О, — хихикнул Тальер, — тогда здесь начнется веселье! Видишь, Ниано, — обернулся он к приятелю, — а ты говорил, у нас в городе скука смертная, хотел отправиться в Офир!.. Поди, останешься теперь?!

Киммериец взял Палому за плечо.

— Не передумала? Та покачала головой.

— На рассвете тронемся в путь. Как только откроют ворота.

— Тогда, — торжественно провозгласил Гарбо, — нам нужно как следует попрощаться! Здесь неподалеку я знаю отличное местечко...

Они вывалились на улицу шумной, гомонящей толпой.

На главной башне Коршена колокол пробил полночь.

На сем завершается первая повесть цикла «Наемники Короны».